

Генри Хаггард

Бенита

Генри Райдер Хаггард

Бенита

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125838

Аннотация

Действие незаслуженно забытого произведения «Бенита» происходит в Африке. Основные интриги развиваются вокруг вечно захватывающей темы – поиска сокровищ. Необычайные приключения главных героев на фоне реального быта племен, оживших легенд и верований делают чтение не только увлекательным, но и познавательным.

Содержание

Глава I. Откровенность	5
Глава II. Конец «Занзибара»	13
Глава III. Как Роберт добрался до берега	19
Глава IV. Мистер Клифффорд	24
Глава V. Джекоб Мейер	29
Глава VI. Дукат	37
Глава VII. Посольство	47
Глава VIII. Бомбатце	59
Глава IX. Клятва Мадуна	72
Глава X. Вершина горы	79
Глава XI. Спящие в подземелье	85
Глава XII. Поиски начинаются	92
Глава XIII. Бенита задумывает бегство	99
Глава XIV. Бегство	109
Глава XV. Преследование	118
Глава XVI. Снова в Бомбатце	127
Глава XVII. Первый опыт	137
Глава XVIII. Пробуждение	151
Глава XIX. Неожиданное событие	157
Глава XX. Голос живого	166
Глава XXI. Бенита дает ответ	174
Глава XXII. Истинное золото	181

Генри Райдер Хаггард Бенита

* * *

Глава I. Откровенность

Чудная, чудная была эта ночь! Воздух не колыхался; черные клубы дыма из труб почтового парохода «Занзибар» низко стлались над поверхностью моря, точно широкие, плавающие страусовые перья, которые одно за другим исчезали при свете звезд. Бенита Беатриса Клиффорд (это было полное имя молодой девушки, которую называли Бенитой в честь матери, а Беатрисой в честь единственной сестры отца) стояла, опершись на перила, и мысленно говорила себе, что по такому морю всякий ребенок мог бы пуститься в берестяном челне и благополучно доплыть до гавани.

Но вот высокий, куривший сигару, молодой человек, лет тридцати, подошел к ней. Она немного подвинулась, желая дать ему место возле себя, и это движение могло бы многое сказать постороннему наблюдателю об их дружеских отношениях. С секунду он колебался, и выражение сомнения, даже печали показалось на его лице; словно он считал, что многое зависело от того, примет ли он это безмолвное приглашение или откажется от него и не знал, как поступить.

И, действительно, многое зависело от этого, а именно, судьба их обоих.

Едва он сделал шаг вперед, чтобы пройти дальше, Бенита заговорила своим низким, приятным голосом:

– Вы идете в курительную комнату или в салон танцевать,

мистер Сеймур? Один из офицеров сказал мне, что затеваются танцы, – прибавила она, – ведь, море до того спокойно, что мы можем вообразить себя на берегу!

– Нет, – ответил он. – В курительной комнате слишком душно, а дни, когда я танцевал, уже прошли. Я просто собирался походить после этого обеда, а потом сесть в кресло и заснуть. – Но тут голос говорившего оживился. – Как вы узнали, что это я? Вы не повернулись ко мне.

– У меня не только глаза есть, но и уши, – ответила она с легким смехом. – А после того как мы около месяца пробыли на одном пароходе, я должна знать вашу походку.

Некоторое время оба молчали; наконец он спросил ее, пойдет ли она танцевать. Бенита покачала головой.

– Я знаю, – сказала она, – танцевать было бы приятно, но... мистер Сеймур, не сочтете ли вы меня безумной, если я скажу вам кое-что?

– Я никогда не считал вас безумной, мисс Клиффорд, не подумаю этого и теперь. В чем дело?

– Я не буду танцевать, потому что боюсь, да, я ужасно боюсь...

– Бойтесь? Бойтесь чего?

– Не знаю. Может быть, это в воздухе... но мне кажется, что подходит беда... Это чувство охватило меня во время обеда; вот почему я ушла из-за стола.

– Все это оттого, что мы слишком много едим на пароходе, – заметил Сеймур. – Ведь, глядя на такое море, трудно

подумать о надвигающейся катастрофе. Посмотрите, мисс Клиффорд, – прибавил он с восторгом, указывая на восток, – смотрите!

Бенита посмотрела на луну, на серебряную дорогу под нею, потом обернулась в сторону берега и сказала:

– Наконец-то Африка близко.

– Нахожу, что слишком близко, – ответил Сеймур. – Если бы я был капитаном, я держался бы подальше. Это удивительная, полная неожиданностей страна. Мисс Клиффорд, вы не сочтете меня нескромным, если я спрошу вас, почему вы едете в Африку? Вы никогда не говорили мне об этом.

– Нет, не говорила, потому что это печальная история; если хотите, я расскажу. Хотите?

Сеймур утвердительно кивнул головой и придвинул два палубных кресла; оба уселись на них в уголке, который образовала одна из поднятых на палубу шлюпок.

– Вы знаете, что я родилась в Африке, – сказала Бенита, – и жила там до тринадцати лет. Я до сих пор могу говорить на зулусском наречии; сегодня днем я говорила на нем. Мой отец поссорился со своим отцом, из-за чего – не знаю, и эмигрировал. В Натале он женился на моей матери, мисс Ферейра; ее звали как меня и ее собственную мать – Бенитой. У нее была сестра. Их отца, Андреаса Ферейра, женившегося на англичанке, следовало считать наполовину голландцем, наполовину португальцем. Я хорошо помню его – такой красивый старик, с темными глазами и серой бородой. По тем

временам он был богат, то есть владел большими участками земли в Натале и Трансваале и имел огромные стада. Итак, вы видите, что я наполовину англичанка, немного голландка, на четверть португалка, – настоящая смесь! Мой отец с матерью ладили плохо. М-р Сеймур, я скажу вам всю правду: он пил, хотя чувствовал к жене страстную привязанность, она же его ревновала. Кроме того, он проиграл большую часть ее наследства, и когда старый Андреас Ферейра умер, они обеднели. Раз ночью между ними произошла ужасная сцена, и он, обезумев, ударил ее.

Она была очень горда и решительна и, обернувшись к нему, сказала (я слышала это): – «Я никогда тебе не прощу, между нами все кончено». На следующее утро мой отец, уже трезвый, просил у нее прощения, но она ничего не ответила, хотя он уезжал куда-то на две недели. Когда он уехал, она приказала запрячь капскую фуру, уложила вещи, взяла кое-как сбережения, поехала в Дурбан и, сделав несколько распоряжений в банке относительно своего личного маленького состояния, вместе со мною отплыла в Англию.

В Лондоне мы поселились с моей теткой, которая прежде была замужем за майором Кингом, но к этому времени овдовела и жила с пятью детьми. Мой отец часто писал матери, прося ее вернуться, но она не соглашалась, и думаю, поступила нехорошо. Так продолжалось двенадцать лет или больше; наконец, моя мать умерла внезапно, я наследовала ее небольшое состояние с доходом в двести-триста фунтов в

год; свой маленький капитал она поместила так, что никто не может взять его. Скончалась она приблизительно год тому назад. Я написала отцу о ее смерти и получила от него грустное письмо; у меня есть несколько его писем. Он молил меня приехать к нему, не дать ему умереть одиноким и говорил, что умрет от разбитого сердца, если я не исполню его просьбу. Он уверял, что давно перестал пить, так как вино расстроило его жизнь, и прислал удостоверение об этом, подписанное судьей и доктором. И вот, несмотря на уговоры моих двоюродных братьев, сестер и тетки, я согласилась – и теперь пароход несет меня в Африку. Отец должен встретить меня в Дурбане, но как мы узнаем друг друга – не знаю. Мне хочется видеть его, так как, в конце концов, он мой отец.

– Не удивляйтесь, мисс Клиффорд, я однажды встретил вашего отца. Как я говорил вам, я уже побывал в южной Африке при других обстоятельствах. Четыре года тому назад я охотился там на крупную дичь. Направляясь от восточного берега, мы с братом (он уже умер, бедный!) попали в страну матабелов на берегах Замбези. Не найдя там дичи, мы собирались двинуться на юг, но туземцы рассказали нам об удивительных развалинах над рекой, в нескольких милях от нас. Оставив фуру по эту сторону высокой гряды, через которую было бы трудно перевезти ее, мы с братом захватили ружья, мешок с провизией и двинулись в путь. Развалины были дальше, чем казалось, однако с возвышенности мы довольно ясно рассмотрели их. Скоро стемнело.

Перед стеной мы заметили фуру и палатку и, решив, что они принадлежат белым, пошли к этой стоянке. В палатке светился огонь, пола ее была откинута, так как стояла очень жаркая ночь. В ней сидело двое людей: старик с седой бородой и красивый малый, лет сорока, с темными, яркими глазами и с черной остроконечной бородкой. Они рассматривали груды золотых бусин и безделушек, лежавших на столе между ними. Я хотел заговорить, в эту минуту чернобородый человек услышал или увидел нас, схватив ружье, прислоненное к столу, он быстро повернулся и прицелился в меня...

– Ради Бога, не стреляйте, Джекоб, – сказал старик, – это англичане.

– Во всяком случае, лучше, если они умрут, – ответил тот мягким голосом с легким иностранным акцентом. – Нам не нужно ни шпионов, ни воров!

– Мы ни то, ни другое, но я умею стрелять так же хорошо, как вы, мой друг, – заметил я и направил на него дуло.

Он опустил свое ружье, и мы объяснили, что отправились в археологическую экспедицию, разговорились – и скоро расстались настоящими друзьями с нашими новыми знакомыми; причем, ни я, ни мой брат не могли сойтись с мистером Джекобом... Его фамилию я забыл. Меня поразило, что он необыкновенно ловко владел ружьем, и, насколько я понял, у него было таинственное и довольно темное прошлое. Не стану распространяться слишком долго; скажу только, что, поняв наши намерения, ваш отец (это был он) откровенно

но рассказал, что они искали сокровище, два или три столетия тому назад спрятанное в этой местности португальцами. Но племя макалангов, занявшее крепость Бомбатце, не позволило им производить нужные раскопки, говоря, что ее хранит призрак, что если потревожат землю, это принесет всем несчастье.

– Они отыскивали золото? – спросила Бенита.

– Не знаю, потому что на следующий день мы ушли.

– А что это за дух Бомбатце, мистер Сеймур?

– Не могу сказать вам. Я знал только, что призрак – белая женщина, которая иногда на восходе или при лунном свете появляется на острие той скалы, о которой я рассказал вам. Помню, я до зари поднялся, чтобы увидеть привидение... как идиот, потому что, конечно, я ничего не увидел. Вот и все, что я знаю об этом.

Оба замолчали, потом Сеймур сказал:

– Вы рассказали мне вашу историю, хотите послушать мою?

– Да, – ответила она.

– Вам не придется слушать долго, мисс Клиффорд, мне, как бедному точильщику Кенинга, нечего рассказывать. Перед вами один из самых бесполезных людей на свете, ничем не отличившийся член класса, который в Англии называется высшим. Человек, не умеющий делать ничего, что стоит делать, кроме стрельбы. Я не получил ни одной профессии, я не работал и в результате в тридцать два года, я, разоренный,

потерявший почти всякую надежду человек.

– Почему вы разорены и утратили надежду? – тревожно спросила она. Его тон огорчал ее больше всего.

– Я разорен потому, что мой старый дядя, почтенный Джон Сеймур, наследником которого я считался, совершил безумие – женился на молоденькой девушке, которая подарила ему цветущих близнецов. С появлением их на свет исчезли мои надежды на наследство, а также сумма в тысячу пятьсот фунтов, которую дядя ежегодно любезно выдавал мне с тем, чтобы я поддерживал свое положение в свете. У меня были кое-какие собственные средства, но также и долги. В настоящее время аккредитив на 2.163 фунта и 14 шиллингов и маленькая наличная сумма представляют все, что у меня имеется за душой.

– Я не считаю это разорением, эта сумма – целое богатство, – с облегчением сказала Бенита. – Имея две тысячи фунтов, вы в Африке можете нажить состояние. А почему же у вас нет надежды?

– Да, мне абсолютно нечего ждать в будущем. Поистине, когда я истрачу эти две тысячи фунтов, я не сумею заработать и шести пенсов. Стоя перед такой дилеммой, я нашел, что мне остается только использовать свое умение стрелять и сделаться охотником. Я собираюсь охотиться на слонов, пока какой-нибудь слон не убьет меня. По крайней мере, – прибавил Сеймур изменившимся голосом, – я собирался поступить так еще полчаса тому назад.

Глава II. Конец «Занзибара»

– Полчаса тому назад? Почему же... – и Бенита замолчала.

– Почему я изменил мой скромный план жизни? Мисс Клиффорд, я сказал вам, чем я был полчаса тому назад, теперь расскажу, что я такое в данную минуту. Перед вами человек, который раскаивается, человек, для которого открылся новый мир. Я не очень стар и думаю, что все-таки у меня есть некоторые способности. Может быть, мне на пути встретится возможность удачи, если же нет, я ради вас постараюсь найти такую возможность. Я хочу начать жить для вас более полно, чем в прошлом жил для себя. Если вы отдадите мне вашу руку, я еще смогу сделаться таким мужем для вас, которым вы будете гордиться, если нет, я напишу «конец» на могильном камне надежд Роберта Сеймура. Я чувствую, что мне не доставало именно вашей помощи, и молю вас выйти за меня замуж, хотя впереди вижу только бедность, потому что по натуре я искатель приключений.

– Не говорите так, – быстро сказала она, – все мы искатели приключений в этом мире.

– Хорошо, мисс Клиффорд. Тогда, значит, мне нечего больше говорить, теперь предстоит ответить вам.

Как раз в это время на капитанской палубе произошло смятение. Роберт увидел, как какой-то человек бросился вперед. Через минуту в машинном отделении отчаянно за-

звонил колокол. Роберт знал этот сигнал: он обозначал «стой». Раздался новый звон: «задний ход на всех парах».

– Не знаю, что там такое? – сказал молодой человек своей даме.

Но раньше, чем замолкли его слова, все стало ясно. Как-то случилось, весь нижний корпус громадного парохода совершенно остановился, тогда как верхняя его часть продолжала двигаться вперед; затем появилось другое, еще более ужасное ощущение: ноги скользили, беспомощно, тяжело, как по льду или по натертому полированному полу. Брусья хрустнули, веревки разорвались надвое с шумом пистолетного выстрела, тяжелые предметы понеслись по палубе. Толчок сорвал Бениту со стула, она натолкнулась на Роберта и оба упали. Он не ушибся и быстро вскочил, но она лежала неподвижно, и Сеймур увидел, что какой-то тяжелый предмет ушиб ей голову. Кровь бежала по ее щеке. Он поднял ее, и полный ужаса и отчаяния, прижал руку к ее сердцу. Слава Богу, оно снова начало биться. Она была жива!

Музыка прервалась, и короткое время в салоне стояла полная тишина. Потом мгновенно поднялся ужасающий крик, люди с безумными глазами бесцельно кидались туда и сюда; слышались вопли и визг женщин и детей; какой-то священник громко молился, упав на колени.

Роберт некоторое время стоял и думал; он прижимал потерявшую сознание Бениту к груди, и кровь из ее раны текла на его плечо. Но вот он решился.

Она занимала палубную каюту. Не выпуская ее из рук, Сеймур стал пробираться через беспорядочную толпу пассажиров; на этом пароходе было около тысячи человек! Каюта Бениты оказалась пуста, пассажирка, которая помещалась вместе с нею, убежала. Положив молодую девушку на нижнюю койку, Сеймур зажег свечу в качающемся подсвечнике, отыскал два спасательных пояса и один из них, не без большого труда, надел мисс Клиффорд, потом, взяв губку и напывав ее водой, омыл ее окровавленную голову. На виске Бениты виднелась рана в том месте, где блок или что-то другое ударило ее, оттуда все еще сочилась кровь. Рана эта была не очень глубока или широка, и, насколько мог судить Сеймур, черепная кость уцелела и не вогнулась внутрь. Он надеялся, что Бенита только оглушена и скоро очнется. Больше Сеймур ничего не мог сделать для нее, в эту минуту ему пришла в голову одна мысль. На полу, сбитая толчком, лежала ее шкатулка с принадлежностями для письма. Он открыл ящик и, вынув из нее лист бумаги, быстро набросал карандашом:

«Вы мне не ответили, и, вероятно, я не узнаю этого ответа на земле, которую один из нас или мы оба, может быть, скоро покинем. Если же мне суждено погибнуть, а вам оставаться, надеюсь, вы будете хорошо думать обо мне иногда, как о человеке, который искренно любил вас. Может статься, погибнете вы, и никогда не прочтете этих слов. Но, если мертвым дано знать происходящее на земле, вы увидите меня таким же, каким покинули: вашим и только вашим. Но, может

быть, мы оба останемся живы, я страстно желаю этого». Р. С. С.

Он сложил бумагу, засунул ее за кофточку Бениты и вышел на палубу, чтобы видеть происходящее. Пароход все еще шел, но двигался медленно, кроме того, он кренился теперь так сильно, что стоять на палубе было трудно.

Приблизительно через минуту пароход остановился. Капитан слишком поздно решил пожертвовать своим судном и спасти тех, кто еще был жив. Матросы начали готовить шлюпки. Роберт вернулся в каюту, где все еще лежала Бенита, он завернул ее в тальму и одеяло и, увидев на полу второй спасательный пояс, надел его на себя, зная, что времени достаточно. Подняв Бениту и сообразив, что все кинутся к старборду, где шлюпки низко висели над водой, он с трудом отнес ее по крутому подъему к противоположному борту. Там висел катер, который, как знал Роберт, должен был попасть в руки хорошего человека, второго офицера.

Действительно, у левого борта толпа была редка; большая часть пассажиров думала, что катер невозможно благополучно спустить; тем же несчастным, рассудок которых померк, инстинкт подсказывал бежать к старборду. Между тем, искусный моряк, второй офицер и подчиненный ему экипаж уже работали, готовя катер к спуску.

– Теперь, – сказал офицер, – прежде всего женщины и дети!

Пассажиры бросились к катеру. Роберт увидел, что там

скоро совсем не останется места.

– Боюсь, – сказал он, – что мне следует счесть себя женщиной, так как я несу даму. – И, сделав большое усилие, поддерживая Бениту одной рукой, он по веревке спустился вниз и, с помощью матроса, благополучно добрался до катера.

Еще двое мужчин карабкались вслед за Робертом.

– Отчалить, – сказал офицер, – катер не сможет выдержать груза больше.

Веревки отпустили. Когда катер уже отошел футов на двенадцать от парохода, к левому борту кинулась толпа обезумевших людей, которые не нашли места в шлюпках со старборда. Одни, самые смелые, спускались по бортам, другие прыгали и падали на них или в море. Перегруженный катер шел, огибая «Занзибар», который покачивался, словно в предсмертных муках. Командующий офицер думал доставить своих пассажиров на берег, и потому его маленькому судну пришлось подойти к старборду погибавшего парохода. Ужасные сцены разыгрывались там. Сотни пассажиров, как звери, боролись из-за мест, многие шлюпки опрокинулись, и спасавшиеся упали в воду. Через корму на обрывках веревок перевешивались несчастные и, слабея, один за другим падали. Возле еще не спущенных шлюпок шла адская борьба; мужчины, женщины и дети дрались за места в лодках; потеряв человеческие чувства, сильные не выказывали сострадания к слабым...

От толпы, большая часть которой была осуждена на ги-

бель, поднялся гул; крики сливались в один длительный вопль, такой ужасный, какой мог бы вырваться из уст титана в агонии. И над этой картиной раскинулось спокойное, залитое лунным светом небо; кругом было море, гладкое, как зеркало. С парохода, который теперь лежал на боку, неся призывный вой сирены, и несколько храбрецов продолжали пускать ракеты, взлетавшие к небу, рассыпавшиеся в высоте градом звезд.

«Занзибар» закачался, как умирающий кит, и окончательно перевернулся... Лунные лучи заиграли на его киле, показался зубчатый пролом, пробитый подводной скалой. Вскоре все исчезло. Только маленькое облако дыма и пара указывало на то место, где еще недавно высился пароход.

Глава III. Как Роберт добрался до берега

– Господа, – сказал офицер, – я выйду в открытое море и останусь там до рассвета. Может быть, мы встретим какое-нибудь судно. Если же постараемся сейчас подойти к берегу, то, конечно, береговой прибой уничтожит катер...

Никто не возражал; все были ошеломлены и не могли говорить; но Роберт мысленно сказал себе, что офицер решил поступить разумно. Катер двинулся; однако не прошел и нескольких ярдов, как что-то черное поднялось рядом с ним. Обломок погибшего парохода! За него цеплялась женщина, прижимая к груди какой-то сверток. Она была жива, кричала и просила, чтобы ее взяли на катер.

– Спасите меня и мое дитя, – все повторяла она, – ради Бога...

Роберт узнал этот прерывающийся голос; спаслась молодая женщина, с которой он дружески сошелся. Она ехала со своим ребенком в Наталь. Он протянул руку, схватил ее, но офицер сказал каменным голосом:

– Катер перегружен. Если мы возьмем эту леди в катер, кто-нибудь должен выйти из него. Я сам выбросился бы в море, но мой долг остаться. Найдется ли мужчина, желающий уступить ей место?

Все мужчины – их было семеро, кроме матросов, – опустили головы и молчали.

– Вперед, – сказал офицер тем же каменным тоном, – она отпустит руки.

Роберт решился – и быстро сказал, обращаясь к офицеру:

– Мистер Томсон, даете ли вы мне слово: если я брошусь в воду, взять в катер ее и ее дитя?

– Конечно, мистер Сеймур.

– Тогда остановитесь, я выброшусь... Если кто-нибудь из вас останется в живых, скажите этой даме, как я умер, – и он указал на Бениту, – и прибавьте, что мне казалось, что она одобрила бы мой поступок.

– Ей скажут, – снова ответил офицер, – и если будет возможность, ее спасут.

– Держите миссис Джеффрис, – обратился он к матросам, – я оставлю для нее мое пальто...

Один из матросов исполнил его желание, и Роберт поцеловал в лоб Бениту, потом осторожно опустил ее на дно катера, освободился от пальто и медленно перекатился через борт в воду.

– Теперь, – сказал он, – тащите миссис Джеффрис!

Это исполнили не без труда, и Сеймур увидел, как измученная женщина и ее ребенок без чувств упали на его место.

Катер отошел и вскоре исчез в тумане.

Роберт лежал на той доске, которая спасла жизнь миссис Джеффрис. Сеймур хорошо знал положение берега; теперь в

полной тишине он слышал грохот могучего прибой о камни.

Странное это было путешествие по тихому морю, под тихими звездами, и странные мысли приходили в голову Роберта...

Долины между водными горами сделались глубже; на противоположных валах стали появляться белые гребни. Сеймур попал в волны прибой, и тут началась борьба за жизнь.

Роберт с трудом удерживался на доске, ее края резали ему руки. Когда волны накрывали его, он задерживал дыхание, когда они отбрасывали его – он снова набирал воздух быстрыми глотками, И вдруг взлетел, упал и, теряя сознание, почувствовал под ногой дно. Еще мгновение – и страшная сила подхватила его. Он испытывал невыразимую тяжесть. Вода вырвала у него доску, однако пробковый пояс снова поднял его. Отхлынувшие волны унесли его в более глубокое место, беспомощного, в полном отчаянии.

Опять нахлынул громадный вал, такой большой, каких Сеймур еще никогда не видывал, «отец волн», по выражению кафров. Вал подхватил Роберта, обнял громадным зеленым гребнем и перенес, как соломинку, через жестокую гряду камней. Ван с громом разбился, ударил его о каменисто-песчаную мель, образованную речкой и, толкая своей несокрушимой силой, катил до тех пор, пока эта мощь не истоцилась, и пена не начала отступать обратно к морю, засасывая и несчастного пловца.

Роберт почти потерял сознание, но у него осталась искра

рассудка, и он понял, что если вода снова увлечет его в глубину, он погибнет. Чувствуя, что море засасывает его, Сеймур с силой запустил руки в песок и, на его счастье, они уцепились или за ствол дерева в почве, или за камень, во всяком случае за что-то твердое, он отчаянно сжал свою опору... Неужели эта пытка никогда не кончится?

Катер, в котором лежала Бенита, был сильно загружен, гребцы с трудом работали веслами против прилива; численность пассажиров мешала им. Вскоре поднялся легкий ветер с суши, как это часто бывает к утру, и Томсон решил поднять парус. Это было сделано не без труда, потому что пришлось вытащить из-под банок мачту и поставить ее. Женщины начали кричать, когда катер наклонился, и его борта почти коснулись уровня воды.

– Каждый, кто пошевелится, будет выброшен за борт, – сказал офицер, управляющий рулем. Все утихло.

Катер шел довольно быстро в море, но моряки, сознававшие положение вещей, тревожились: появились признаки того, что ветер усилится, а при волнении загруженный катер вряд ли уцелел бы.

Все это время Бенита лежала без чувств; малый, который поставил на нее ноги, сказал, что она, вероятно, умерла и что ее лучше всего бросить за борт и облегчить катер.

– Если вы бросите в воду эту леди, живую или мертвую, – сказал Томсон, поднимая глаза, – вы отправитесь вслед за нею, мистер Баттон. Помните, кто принес ее сюда и как он

умер.

И Баттон замолчал; Томсон поднялся, окинул взглядом широкое пространство моря, потом наклонился к поднявшемуся матросу и шепнул ему несколько слов, тот кивнул головой.

– Это, вероятно, пароход другой компании, – сказал он.

Пассажиры, повернув головы, увидели на горизонте полосу дыма. Были отданы приказания; подняли небольшой парус с привязанным наверху клочком белого полотна, заработали весла.

Пароход все шел, но вот послышался звук его сирены; через полминуты он остановился.

– Нас заметили, – сказал Томсон. – Благодарите Бога, потому что поднимается ветер. Спустите парус, он нам больше не понадобится.

Через полчаса ветер, действительно, уже поднял волны и легкие брызги воды перелетали через корму катера, который с большими предосторожностями был привязан к веревке, опущенной с палубы парохода «Кестл», шедшего в Наталь. Вот со стуком упали лестницы, и сильные люди, стоя на ступенях, начали поднимать одного пассажира за другим на пароход, спасая их от смерти, к которой они были так близки.

Глава IV. Мистер Клиффорд

Хотя ушиб, полученный Бенитой, заставил ее пролежать без чувств много часов, однако рана молодой девушки не была по-настоящему серьезна: упавший блок скользнул по лбу, и, несмотря на разорванную кожу, череп был цел. Благодаря надлежащей медицинской помощи, она скоро очнулась, но не вполне, и бредила, воображая себя на «Занзибаре».

Лишь на третье утро Бените сообщили правду, которую нельзя было дольше скрывать. В ее каюту пришел мистер Томсон и рассказал ей все. Она слушала молча, изумленная, пораженная ужасом.

– Мисс Клиффорд, – сказал он в заключение, – редко кто-нибудь из людей совершал такой храбрый поступок. На пароходе он мне казался гордым, надменным малым, но он был замечательный человек, и я молю Бога, чтобы он остался жив, как осталась жива та дама с малюткой, ради которых он рискнул жизнью. Они теперь вполне поправились.

– Да, – машинально повторила она, – действительно, замечательный человек, – и прибавила со странной уверенностью: – Я думаю, он жив.

– Очень рад, что вы говорите так, – сказал Томсон, вполне убежденный в противном.

Он передал ей записку, которую нашли у нее за лифом, и чувствуя, что не может больше выносить ужасной сцены,

вышел из каюты. Бенита два раза жадно прочитала строки, набросанные Сеймуром, прижалась к ним губами и прошептала:

– Да, я буду с любовью думать о тебе, Роберт Сеймур, и отвечу, если мы когда-нибудь встретимся с тобой.

«Кестл» пришел к Дурбану и бросил якорь: слишком большой пароход не мог перейти через мель. На заре экономка разбудила Бениту и сказала, что какой-то старый джентльмен подплыл к пароходу в береговой шлюпке и желает видеть ее; боясь подать ложные надежды, она особенно подчеркнула слово «старый». С ее помощью Бенита оделась и, когда солнце поднялось, заливая светом весь Наталь, она вышла на палубу и увидела подле бульверка тонкого, седобородого человека, которого узнала, несмотря на долгие годы разлуки.

Она невольно вздрогнула, увидев этого задумавшегося старика. Ведь это был все-таки ее отец! Может быть, не только он был виновен в ссоре с женой... Она подошла к нему и дотронулась до его плеча:

– Отец!

Он обернулся быстро, как молодой человек, потому что еще сохранил ту живость, которую от него унаследовала и дочь. Его ум и тело оставались до сих пор подвижными.

– Дорогая, – сказал он, – я всюду узнал бы твой голос! Все эти годы он звучал у меня в ушах. Благодарю тебя, дорогая, за то, что ты вернулась ко мне. И благодарение Богу, что ты

уцелела во время бедствия, погубившего столько других!..

Следующая неделя прошла для Бениты ужасно. Старые друзья ее отца пригласили его с дочерью к себе в дом. После первого возбуждения от встречи у нее наступила неизбежная реакция, а вместе с тем пришла и слабость, до того страшная, что доктор велел ей лежать в постели и пять дней не вставать. Рана на ее голове вскоре зажила; постепенно вернулись и силы. Все еще печальная, Бенита однажды медленно вышла на веранду и взглянула на жестокое море, сейчас тихое, как и небо над ним.

Мистер Клиффорд, который все время нежно ухаживал за дочерью, подошел и сел рядом с нею, взяв ее за руку.

Клиффорд заметил, что история спасения Бениты стала быстро известна в городе, что Сеймура называли героем и многие желали видеть ее. Бенита предложила отцу уехать как можно скорее, но прибавила:

– Я не хочу жить в городе, не хочу возвращаться в Англию, – ответила она. – Африка стала для меня святой землей. Отец, поедem на ферму и будем там спокойно жить вдвоем.

– Да, – ответил он. – Но мы будем не вдвоем; мой компаньон, Джекоб Мейер, живет в моем доме.

– Джекоб Мейер? А, помню! – и Бенита поморщилась.

– Он немец?.. И очень странный?

– Кажется, немец и, действительно, очень странный человек. Он нехороший человек, Бенита, хотя и нужный мне, и я

из-за контракта не могу отделаться от него.

– Как он стал твоим компаньоном? – спросила Бенита.

– Много лет тому назад Мейер явился ко мне и рассказал грустную историю. По его словам, он вел торговлю с зулусами, но почему-то поссорился с ними, – уж не знаю, почему. Кончилось тем, что они сожгли его фуру, украли его волов и товары, а слуг перебили. Они убили бы также и его, если бы он, судя по его собственным словам, не спасся от них каким-то странным образом.

– Как именно?

– Он уверял меня, будто ему удалось при помощи месмеризма загипнотизировать их вождя и заставить провести через лагерь. Это довольно странно, но я верю... Он проработал у меня шесть месяцев и оказался очень умным и ловким человеком. И вот однажды ночью, – я отлично помню, что это случилось через несколько дней после того, как я рассказал ему о португальском сокровище в стране матабелов, – Мейер достал из-под подкладки своего жилета пятьсот фунтов английскими бумажками и предложил продать ему половину доходов от фермы. Да, пятьсот фунтов, хотя все эти месяцы я считал его нищим! Ну, благодаря тому, что он все-таки был мне товарищем в безлюдной стране, я, наконец, согласился. С тех пор наши дела шли хорошо, хотя экспедиция за кладом не удалась. Впрочем, она нам больше, чем окупилась, благодаря перепродаже закупленной нами слоновой кости. Но на следующий раз наше предприятие удастся, –

с увлечением прибавил Клиффорд, – то есть, конечно, если макаланги позволят нам обыскать их гору. Бенита улыбнулась.

– Мне кажется, тебе лучше заниматься разведением лошадей, отец, – сказала она.

– Выслушав всю историю, ты сама рассудишь. Впрочем, ты воспитывалась в Англии. Скажи, Бенита, тебе не страшно ехать к озеру Кристи?

– Чего страшно? – спросила она.

– Одиночества и Мейера.

– Отец, я родилась среди вельдов и всегда ненавидела Лондон; и я не боюсь ни одного человека на свете! Во всяком случае, я попробую пожить у тебя и посмотреть, как мне понравится твоя жизнь.

Глава V. Джекоб Мейер

Прошло более трех недель. Раз мистер Клиффорд приказал зяпрыхь в фуру волов, которые паслись, поедая сухую траву. Зулусский мальчик, бросивший животных, чтобы допить кофе с Гансом, с ворчанием поднялся и побежал за волами. Минуты через две Ганс упаковал вещи и сказал тихо:

– Кек баас (смотри, господин)!

Взглянув в указанную сторону, Бенита и Клиффорд увидели в сотне ярдов от себя стадо гну.

Животные шли по каменной гряде, время от времени останавливаясь, и принимались проделывать те удивительные прыжки, которые дают основание бурам уверять, что в их мозгу водятся черви.

– Дайте мне мое ружье, Ганс, – сказал Клиффорд. – Нам нужно мясо.

Когда превосходный «Вестли Ричард» был вынут из ящика и заряжен, на гряде остался один гну. Он увидел фуру, остановился, подозрительно осматривая ее. Клиффорд прицелился и выстрелил. Животное упало, но, вскочив, исчезло за каменной грядой. Клиффорд печально покачал головой.

– Я не часто делаю такие промахи, дорогая, но еще темно. Однако, он ранен. Как ты думаешь, не сесть ли нам на лошадей и не догнать ли его? Хороший галоп согреет тебя.

Добросердечная Бенита решила, что было бы милосерд-

нее добить бедное животное и утвердительно кивнула головой. Через пять минут они уже ехали. Перед отъездом мистер Клиффорд приказал фуре ждать их и положил пакет патронов себе в карман. За каменной грядой простиралась широкая полоса болотистой равнины, дальше поднималась другая. Теперь воздух очистился, и все предметы вокруг виделись ясно. Клиффорд с дочерью поскакали за гну, но раньше, чем они очутились на расстоянии выстрела, он снова помчался вперед, так как был легко ранен в бок и угадал, откуда ему грозила опасность.

Как только они приближались, гну отбегал; наконец, когда мистер Клиффорд решил сойти с лошади и попробовать выстрелить, гну поскакал гораздо быстрее.

– Едем, едем, – сказал Клиффорд. – Не позволим ему уйти. – В нем заговорил охотник.

Они поскакали галопом, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь с откосов. Миль пять, по крайней мере, продолжалась эта скачка: гну был худ и мог быстро мчаться; несмотря на свою рану он скакал быстрее, чем их лошади. Наконец, поднявшись на одну гряду, они поняли, куда он направлялся, потому что внезапно очутились в громадном стаде; тысячи животных виднелись вокруг, насколько хватало глаз. Это была удивительная картина, которой теперь уже не увидишь, по крайней мере, на трансваальском вельде. Тут были гну, антилопы, дикие козлы в огромных количествах, а между ними квагги и дикие ослы. Замелькали мириады ко-

пыт, поднимая клубы пыли с почерневшего вельда; исполинское стадо рассеялось при появлении своего врага – человека. Длинными вереницами мчались животные в разные стороны.

В этой громадной впадине, похожей на кубок, остался только один раненый, измученный гну.

К нему двигались охотники; наконец Клиффорд, который скакал немного впереди дочери, почти догнал его. Тогда бедное, обезумевшее животное попробовало защититься. Гну внезапно остановился, повернулся на одном месте, опустил голову и кинулся на своего преследователя. Клиффорд, державший ружье в правой руке, выстрелил. Пуля пронзила животное, но не могла остановить его нападения: низко наклоненные рога ударили передние ноги лошади, и в следующую секунду конь, человек и гну упали.

Бенита, находившаяся в пятидесяти ярдах от Клиффорда, вскрикнула, но не успела она подскочить к отцу, как он со смехом поднялся, потому что не получил раны. Лошадь тоже вскочила, но гну не двигался, он не мог встать, попытался было подняться на передние ноги – из его горла вырвался какой-то рыдающий стон; он дико огляделся и упал мертвый.

– Я никогда не думал, чтобы гну мог напасть таким образом, – сказал Клиффорд. – Несчастье! Кажется, у моей лошади испорчены ноги.

Действительно, гну ушиб ей передние ноги, впрочем, не особенно сильно. Клиффорд привязал к одному рогу уби-

того животного носовой платок, чтобы отогнать коршунов, бросил несколько охапок сухок травы на его тело, собираясь прислать за своей добычей позже, сел на хромую лошадь и двинулся обратно к фуре.

Заблудившиеся, голодные, промокшие насквозь, сидя на утомленных лошадях, из которых одна страшно хромала, они беспомощно блуждали по безлюдному вельду. Проблеск удачи мелькнул лишь однажды. Перед закатом лучи солнца на несколько коротких мгновений пронизали туман и указали заблудившимся, в какую сторону им следовало направиться. Они повернули лошадей к западу и ехали в этом направлении, пока не спустилась тьма. Путники на время остановились, но, чувствуя, что они погибнут без движения в этом ужасном холоде, снова пустились вперед. Теперь лошадь Клиффорда еле передвигала ноги; поэтому он сошел с нее и повел на поводу, горько упрекая себя за безумие, из-за которого они теперь подвергались такой опасности.

– Все равно, отец, – медленно сказала усталая девушка, – можно так же хорошо умереть на вельде, как в море или в другом месте.

И они двигались, сами не зная куда. Бенита заснула в седле, но спала тревожно. Один раз она проснулась от воя гиены, в другой – от того, что ее лошадь упала на колени.

– Который час? – спросила она наконец.

Ее отец зажег спичку и взглянул на часы. Они показывали десять. Пятнадцать часов тому назад они уехали от фуры и

с тех пор ничего не ели. Совершенно истомленные путники еле двигались вперед. Вдруг Бенита почувствовала, что ее лошадь внезапно остановилась, точно сильная рука схватила ее под уздцы; в то же мгновение мужской голос, говоривший с иностранным акцентом, произнес:

– Mein Gott, куда вы едете?

– Сама не знаю, – ответила она, как во сне.

Лунный свет рассеял туман, и Бенита в первый раз в жизни увидела Джекоба Мейера.

При лунном свете его наружность не казалась неприятной: это был человек лет сорока, не слишком высокий, стройный, с черной, остrokонечной бородкой, с бледным, как слоновая кость, лицом, не загоревшим даже под африканским солнцем, и с черными блестящими глазами, которые то, казалось, засыпали, то загорались какой-то тайной мыслью.

– Хорошо, что успел навстречу вам. И, знаете, мной руководила не мысль, в как бы это сказать? Инстинкт. Посмотрите, Клиффорд, мой друг, куда вы привезли вашу дочь, посмотрите же, посмотрите!..

И он указал вниз.

Клиффорд и Бенита наклонились, вглядываясь. Как раз под ними виднелась пропасть, и лунные лучи не достигали ее дна.

– Нехороший вы путешественник по вельду, Клиффорд, мой друг. Сделай животные еще один шаг, и там внизу ле-

жали бы два окровавленных трупа с торчащими из них обломками костей... Да, там на глубине в пятьсот футов. О, вы оба крепко спали бы сегодня ночью!..

– Где же мы? – с удивлением спросил Клиффорд. – Неужели это обрыв Леопарда?

– Да, именно. Вы двигались по гребню горы. Конечно, хорошо я сделал, что приехал сюда... Я думаю, ваша дочь бессознательно внушила мне эту мысль, так как я чувствую, что она принадлежит к числу тех, кто способен на это. Намерение приехать сюда возникло у меня внезапно; меня точно ударили. Я разыскивал вас повсюду, узнав, что вы потеряли вашу фуру, и вдруг что-то мне сказало:

«Поезжай к Обрыву Леопарда, скорей». И я скакал, по камням, в темноте, в тумане, под дождем, и не пробыв здесь и минуты, как мне пришлось придержать лошадь мисс Клиффорд.

– Мы очень благодарны вам, – прошептала Бенита.

– Тогда, значит, я вполне вознагражден. Нет, я вам благодарен, я спас вам жизнь благодаря мысли, внушенной вами.

– Была ли эта мысль или не была – все хорошо, что хорошо кончается, – нетерпеливо прервал его Клиффорд.

– И, слава Богу, мы всего в каких-нибудь трех милях от дома. Вы покажете нам дорогу, Джекоб?

Они двинулись с холма. Мейер молчал, казалось, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы найти удобный спуск, на котором лошади не спотыкались бы. Молчала и Бенита

– она была слишком утомлена, так утомлена, что не могла больше управлять своим умом и воображением. Ей показалось, что она вдруг заняла какое-то особое, странное место в жизни этого человека.

Вообще, она была очень рада, когда они спустились на равнину, пересекли ложе ручья и, наконец, остановились подле дома с освещенными окнами.

– Вот и ваш дом, мисс Клиффорд, – прозвучал голос Джекоба Мейера. – И я благодарен судьбе, управляющей нами, что она помогла мне благополучно доставить вас до «пристани».

Ничего не отвечая, Бенита соскользнула с седла, почувствовала, что не может удержаться на ногах, и упала на землю. С легким восклицанием Мейер ее поднял, велел двум кафрам взять лошадей и отнес молодую девушку в дом.

– Вам нужно сейчас же лечь в постель, – сказал он подле двери, выходящей из гостиной. – Я велел затопить камин в вашей комнате на случай вашего приезда, и старая тетка Салли принесет вам бульон с водкой и горячей воды, чтобы согреть ноги. Ах, вот и ты, старая фру. Иди, помоги этой леди, твоей госпоже. Все готово?

– Все, баас, – ответила толстая поселянка с добрым лицом. – Пойдемте, малютка, я раздену вас.

Через полчаса Бенита, которая выпила водки больше, чем когда-либо в жизни, была закутана и крепко спала.

Когда она проснулась, солнечный свет лился сквозь занавески.

вешенное окно, и при свете она увидела, что часы, стоящие на камине, показывали половину двенадцатого. Она проспала почти двенадцать часов и почувствовала, что вполне здорова и даже голодна. Только небольшая усталость и какое-то неприятное тупое чувство в голове, может быть, следствие непривычного для нее алкоголя – остались у девушки.

С веранды донесся голос Джекоба Мейера; он приказывал туземцам перестать петь, так как они разбудят «госпожу», которая спит. Говоря о ней, он употребил зулусское слово «никози-кааз», которое, как Бенита помнила, означало «повелительница» или «предводительница». Она нашла, что он очень заботлив и почувствовала к нему благодарность, и не сразу вспомнила, до чего он не понравился ей сначала.

Глава VI. Дукат

С той памятной ночи, когда Бенита приехала в Руи-Крантц, прошло около шести недель. Наступила весна, вельд казался изумрудным от густой травы, и на нем пестрели цветы. Только сердце Бениты было мертво и пусто...

Она целыми днями думала, а по ночам грезила о человеке, который хладнокровно принес в жертву свою жизнь, чтобы спасти погибавшую женщину и ее малютку. Она спрашивала себя, мог ли он сделать это, если бы узнал тогда ее ответ?

Никаких известий не приходило больше о Роберте Сеймуре, и трагедия парохода «Занзибар» уже была забыта. Живые погребли своих мертвых, и с тех пор в мире произошло много еще худших событий.

Но Бенита не могла забыть своего Роберта. Она ездила верхом по вельду, сидела на берегу озера, наблюдая за дикими птицами или слушала, как ночью их стаи проносились над нею; прислушивалась к воркованию голубок, к завыванию выпи в тростниках, считала животных, бродивших по холмам, чтобы отвлечься от грустных мыслей, она искала утешения в природе, но не находила его; искала отрады в звездном небе, но блестящие огоньки были так далеко... В душе ее царила смерть, хотя ее цветущая внешность говорила о другом.

Ей было приятно беседовать с отцом, потому что он лю-

бил ее, и его любовь поддерживала ее израненное сердце. Джекоб Мейер тоже занимал ее, потому что теперь, когда безотчетное боязливое чувство замерло в ней, он казался Бените очень интересным и, до известной степени, образованным человеком.

Он рассказывал, что родился в Германии, позже был отослан в Англию, чтобы избежать воинской повинности. Там он сделался клерком в доме южно-африканских купцов и, благодаря своим способностям, получил должность заведующего отделением этого дома в Капской колонии. Что случилось с ним там, Бенита никогда не узнала, но, вероятно, он проявил себя далеко не с лучшей стороны. Во всяком случае, его связь с фирмой прекратилась, и он на несколько лет сделался путешествующим торговцем, а потом компаньоном его отца.

Какого бы ни было прошлое Джекоба, его можно было назвать необычайно способным человеком и приятным собеседником. Именно он написал акварельные картинки, украшавшие ее комнату, играл он и пел тоже очень хорошо.

Кроме того, как и говорил Роберт Сеймур, Мейер много читал и интересовался вопросами, которые не часто изучают в Южной Африке; у него была целая библиотека, по большей части, философских, исторических и научных сочинений. Он охотно предоставил Бените свои книги. Но беллетристики он не любил, говоря, что истинная жизнь, ее тайны и загадки гораздо интереснее воображаемых приключений.

Раз вечером, когда они вместе гуляли по берегу озера, наблюдая, как отсвет вечерней зари дрожал на поверхности воды, любопытство Бениты заставило ее спросить Мейера, почему человек с его способностями довольствуется той жизнью, которую он сейчас ведет.

– Я живу так, чтобы иметь возможность потом жить лучше, – был ответ. – О, не на небесах, мисс Клиффорд, потому что о них я ничего не знаю, да, как мне кажется, о них и знать-то нечего... а здесь, здесь, на земле.

– Что вы называете «жить лучше», мистер Мейер? – спросила она.

– Я говорю, – и его черные глаза вспыхнули, – о большом богатстве и той власти, которое оно дает. Ах, я вижу, вы считаете меня низким материалистом, но в здешнем мире деньги, мисс Клиффорд, деньги – это все!

Она улыбнулась и ответила:

– Боюсь, что здесь, на возвышенности вельда, мистер Мейер, ваше богатство – одна фантазия. Вряд ли вам удастся добиться богатства, разводя лошадей.

– А вы думаете, что я остаюсь на ферме Руи-Крантц, чтобы разводить лошадей? Разве ваш отец не говорил вам о сокровище, зарытом в стране макалангов?

– Я слышала о нем, – во вздохом ответила она, – а также знаю, что оба вы однажды отправились отыскивать клад, но без успеха.

– Ага, утонувший англичанин, мистер Сеймур, говорил

вам об этом? Он нас застал там.

– Да, и вы хотели его застрелить. Помните?

– Бог великий! Да я думал, будто он собирается ограбить нас. Я не стрелял, и скоро нас выгнали из этого места, потому что глупые туземцы не позволили копать землю.

– Так почему же вы все еще думаете о сокровище, вероятно, не существующем?

– Почему, мисс Клиффорд, вы также думаете иногда о вещах, которые, вероятно, не существуют? Может быть, потому, что вы чувствуете, что тут или где-то в другом месте, они все-таки существуют. То же чувствую и я относительно этого сокровища. Оно – факт, и я найду его.

Поэтому-то я и продолжаю разводить лошадей на трансваальской ферме. Ах, вы смеетесь, вы думаете, что это мой кошмар?

Он не договорил, увидев старую служанку, которая показалась из-за выступа гор, и раздраженно спросил:

– Что там такое?

– Баас Клиффорд желает поговорить с вами, баас Джекоб. К вам издалека пришли какие-то люди, с известиями.

– С какими известиями? Какие люди? – спросил Джекоб.

– Не знаю, – ответила Салли, обмахивая свое толстое лицо большим желтым носовым платком. – Какие-то незнакомые мне люди, они исхудали от дороги и говорят по-зулуски. Баас просит, чтобы вы пришли.

– Вы тоже пойдете, мисс Клиффорд? Нет? Тогда простите,

я оставлю вас. – И он ушел, приподняв шляпу.

Бенита села на берегу озера и пробыла там долго. Дикie гуси тянулись над ее головой. Потом она направилась домой, не думая больше о Мейере, чувствуя только, что ее утомила ферма, где ничто не занимало ее по-настоящему, не отвлекло от тяжелой печали.

За обедом или, вернее, за ужином, она заметила, что ее отец и Мейер с трудом сдерживали волнение.

– Вы застали пришедших, мистер Мейер? – спросила она, когда Джекоб и ее отец закурили трубки, и на стол поставили «широколицего», как в те времена называли голландские сыры.

– Да, – ответил он. – Они и теперь сидят в кухне, – и он посмотрел на Клиффорда.

– Бенита, дорогая, – сказал отец, – случилась очень любопытная вещь. – Ее лицо оживилось, но он покачал головой, сказав: – Нет, нет, это не касается крушения парохода. Но все же новость может заинтересовать тебя, если ты не прочь выслушать один рассказ.

Бенита утвердительно кивнула головой, она радовалась всему, что могло занять ее мысли.

– Ты кое-что знаешь о кладе, – продолжал старик. – Вот в чем дело. Много лет тому назад, после того, как ты и твоя мать уехали в Англию, я отправился в глубь страны, чтобы поохотиться на крупную дичь. Со мной был старик по имени Том Джексон-Перекаати Поле и один из лучших охотни-

ков на слонов во всей Африке. Дело шло недурно, кончилось тем, что на севере Трансвааля мы разделились с ним; я повез на юг клыки убитых животных, а Том остался еще на один охотничий сезон, говоря, что позже отыщет меня и мы разделим деньги. Я приехал сюда, купил эту ферму у одного бура, которому она надоела, и заплатил за нее довольно дешево, я дал сто фунтов за шесть тысяч акров. Скоро я выстроил новый дом. Только через год мы свиделись с Томом Джексоном, но он был, что называется, еле жив. Беднягу ранил слон, и он несколько месяцев пролежал в поселении племени макалангов, к северу от страны матабелов, которое называется Бомбатце.

Эти макаланги странный народ. Кажется, их название значит «дети солнца», во всяком случае, они потомки какой-то расы. Ну, вот, пока Том лежал там, он вылечил старого Молимо, верховного жреца этого племени, от жестокой лихорадки, давая ему большие дозы хинина; это исцелило старика, и они, понятно, подружились. Молимо жил в развалинах, которых так много в южной Африке. Сейчас никто не знает, кто их выстроил, вероятнее всего, народы, жившие там несколько тысяч лет тому назад. Как бы то ни было, Молимо открыл Тому Джексону легенду позднейшего происхождения, которая связана с Бомбатце.

Он сказал, что за шесть поколений до нашего времени, когда его пра-пра-пра-дедушка был вождем племени (по его выражению «Мамбо»), туземцы всей этой части южной Аф-

рики восстали против белых поселенцев – предполагаю, португальцев, – которые добывали золото. Туземцы целыми тысячами убивали их и их рабов, оттесняя с юга, где теперь властвует Лобенгула, к Замбези, по которой португальцы надеялись добраться до моря. Наконец, все уцелевшие, всего каких-нибудь две-три сотни мужчин и женщин, пришли в крепость под названием Бомбатце, в которой теперь живет Молимо посреди громадной развалины, выстроенной древними на неприступной горе над рекой. Они принесли громадное количество золота, в надежде увезти его потом с собой. Однако даже достигнув реки, они не могли спастись по ней, потому что туземцы, которые целыми тысячами гнались за ними, день и ночь сторожили в своих челнах, а у бедных беглецов не было лодок. Португальцы заперлись в крепости. Взять ее штурмом не было возможности, но они погибли в ней от голода.

Когда узнали, что они все умерли, туземцы, следившие за ними и жаждавшие крови и мести, а не золота, которое не могло принести им пользы, ушли. Предок Молимо, который знал тайный ход в крепость и хорошо относился к португальцам, пробрался в Бомбатце и там, среди мертвых, нашел еще живую девушку, полубезумную от горя; это была молодая и красивая дочь одного из португальских знатных людей или предводителей. Он выходил ее, однако ночью, когда к ней вернулась сила, она ушла от него, и на рассвете он увидел ее на вершине, над рекой; она стояла вся в белом.

Он созвал своих советников, и они вместе стали уговаривать ее сойти с утеса, но она ответила: – Нет, мой жених, вся моя семья и все друзья умерли, и я хочу последовать за ними. – Тогда они спросили ее, где хранится золото, так как день и ночь наблюдая за португальцами, отлично знали, что сокровище не было брошено в реку. Она ответила, что золото скрыто и что как бы туземцы его ни искали, они никогда его не отыщут. Потом прибавила, что отдаст клад на сохранение Мамбо и его потомкам до тех пор, пока на земле снова не появится женщина ее имени. Сказав, что если они не исполнят ее завета, дикари, убившие ее отца и всех близких, убьют также и их народ, она замолчала, стоя высоко над рекой, потом внезапно кинулась в воду и исчезла.

С тех пор считается, что развалины посещает дух, и кроме Молимо, который входит в крепость для размышлений, никому не позволено вступать в ее верхнюю часть. Действительно, туземцы скорее умрут, чем нарушат этот запрет. Итак, золото по-прежнему лежит там, где оно было спрятано. Самого этого места Том Джексон не видал, потому что, несмотря на расположение к нему, Молимо не впустил его туда.

Том не поправился. Он умер здесь и его похоронили на маленьком бурском кладбище за нашим домом. Вскоре после его смерти мистер Мейер сделался моим компаньоном. Я ему рассказал всю эту историю, и мы решили попытаться достать сокровище. Остальное ты знаешь. Мы отправились

в Бомбатце под видом купцов, видели старого Молимо, который знал, что я друг Тома Джексона. Мы спросили его, правду ли рассказывал он Джексону, и старик ответил, что каждое слово его истории такая же истина, как то, что солнце светит в небесах. Этот рассказ и еще многое другое, о чем он говорил, передавалось от отца к сыну. Молимо прибавил, что он даже знает имя той белой девушки, которая убилась. Ее фамилия была Ферейра – фамилия твоей матери, Бенита, очень распространенная в южной Африке.

Мы попросили старика позволить нам войти в верхнюю часть развалин, но он отказал, ответив, что заклятие все еще лежит на нем, что туда не войдет ни один человек, пока дама по имени Ферейра не явится снова. Все остальное пространство было открыто для нас. Мы могли копать, где угодно. И мы копали, нашли золото, зарытое вместе с древними телами: бусы, кольца и проволоки, всего, приблизительно, на сто фунтов. А также (это случилось в тот день, когда молодой Сеймур встретился нам и стал причиной раздражения Мейера, думавшего, что мы напали на след сокровища) мы отыскивали золотую монетку, без сомнения, потерянную португальцами. Вот она, – старик бросил золотой на стол перед Бенитой. – Я показывал его человеку, знающему подобные вещи, и тот сказал мне, что это дукат, выпущенный одним из венецианских дождей.

Другие деньги мы не нашли. Наконец, макаланги поймали нас во время попытки пробраться украдкой в крепость,

и предложили на выбор или уйти, или подвергнуться смерти. Понятно, мы уехали, потому что мертвым сокровища не нужны.

Клиффорд замолчал и набил трубку. Мейер рассеянно резал голландский сыр. Бенита смотрела на странный старинный золотой с пробитым отверстием и мысленно спрашивала себя, с какими ужасами и кровопролитиями был он связан.

– Оставь себе, – сказал отец, – его можно надеть на твой браслет.

– Благодарю тебя, милый, – ответила она, – хотя не знаю, почему я должна взять весь португальский клад, ведь больше мы не увидим из него ни одной монеты.

– Почему, мисс Клиффорд? – быстро спросил Мейер.

– Ответ в самом вашем рассказе, – сказала она, – ведь туземцы не позволят вам даже искать его, хотя поиски и находка – вещи совершенно разные.

– Туземцы иногда изменяют свои намерения, мисс Клиффорд. История еще не окончена, только начата, и скоро вы узнаете вторую главу романа. Клиффорд, я могу позвать «посланников»?

И не дожидаясь ответа, он вышел из комнаты.

Ни мистер Клиффорд, ни его дочь не сказали ни слова. Бенита старалась надеть золотую монету на маленькое кольцо от браслета. В глубине ее души шевелился какой-то странный страх, в котором она не могла себе дать отчета.

Глава VII. Посольство

Дверь отворилась, и в комнату вошел Джекоб Мейер. За ним через порог переступили три туземца. Но Бенита не обратила на них внимания: ее душа была далеко. В глубине комнаты, вся в белом (она носила траур только в сердце), освещенная лучами лампы, висевшей над ее головой, она стояла неподвижно, так как, сама не замечая того, поднялась со стула. На ее лице было странное выражение. Джекоб Мейер заметил его и остановился. Туземцы тоже остановились, глядя на белую Бениту и ее задумчивые глаза.

Один из них указал на нее своим тонким пальцем и что-то шепнул другим. Мейер, понимавший их язык, уловил этот шепот. Туземец сказал:

– Смотрите, дух горы!

– Какой дух и какой горы? – тихо спросил Джекоб.

– Это она появляется в Бомбатце, – ответил дикарь, все еще глядя на Бениту.

Она услышала этот шепот и поняла, что говорят о ней, хотя ясно не разобрала ни одного слова. Молодая девушка с усилием прогнала осаждавшие ее мысли и села в кресло. Тогда один за другим посланцы стали подходить к ней, каждый низко склонялся, дотрагивался до пола концами пальцев и пристально смотрел в ее лицо. Отцу ее они кланялись, поднимая только руку. Она с любопытством смотрела на них и,

действительно, они выглядели любопытно; высокие, стройные люди с тонкими подвижными чертами лица. Очевидно, в них не было негритянской крови, скорее текла кровь какого-нибудь старинного народа, египтян или финикийян. Казалось, их праотцы были мудры и цивилизованны уже тысячи лет тому назад и, может быть, состояли при дворах фараонов или Соломона.

Покончив с приветствиями, посланцы молча уселись на пол рядом, запахнув свои меховые «кароссы», или плащи, и стали ждать. Джекоб Мейер подумал немного, потом сказал:

– Клиффорд, согласны ли вы переводить все вашей дочери? Я хочу, чтобы она точно знала все происходящее.

Потом он повернулся к туземцам.

– Вас зовут Тамас, Тамала и Хоба, и ты, Тамас, сын Молимо Бомбатце, называемого Мамбо, а вы, Тамала и Хоба – его советники. Так?

Они наклонили головы.

– Хорошо, Тамас, повтори все и снова передай данное тебе поручение, чтобы эта госпожа, госпожа Бенита, выслушала тебя, ее это тоже касается.

– Мы знаем, что касается, – ответил Тамас, – мы на ее лице прочли, что это ее касается больше всех: без сомнения, именно о ней вещал дух. Вот вы услышите из моих уст слова Молимо, ради которых мы пришли так издалека: «Четыре года тому назад вы, двое белых, посетили Бомбатце и попросили меня, Мамбо, допустить вас в святое место, позво-

лив вам искать сокровище португальцев, которое они скрыли шесть поколений назад до нынешнего времени. Я отказал вам и не позволил войти в святилище, хотя даже я, наследственный хранитель сокровища, не знаю, где оно скрыто. Но теперь на меня свалилась беда. Я узнал, что Лобенгула, узурпатор, правящий матабелами, разгневался на меня по многим причинам, главное, за то, что я не посылаю ему достаточной подати. Мне донесли, что он будущим летом собирается отправить отряд, чтобы стереть с лица земли меня и мой народ и сделать мой крааль черным, как выжженный вельд. У меня нет силы противиться ему, могу чему, и мой народ не воинственный. Из поколения в поколение макаланги были купцами, земледельцами, работали над металлом, жили в мире – и теперь не желают убивать, или быть убитыми. И их немного. А потому у меня нет силы противостоять Лобенгуле.

Я помню, что у вас были ружья, которые могут убивать издали. Если у меня будет достаточно таких ружей за моими стенами, я с успехом воспротивлюсь воинам Лобенгулы, которые дерутся ассегаями. Если вы привезете мне сто хороших ружей и достанете пороха и пуль, я чувствую, что мне будет позволено впустить вас в святое место, где бы вы могли отыскивать зарытое золото, сколько угодно времени, отыскав же его, унести. Никто не помешает вам. Но я хочу говорить с вами честно. Золото найдет только существо, заранее назначенное великим духом, а именно – белая женщина, как

было возведено моему предку. Он слышал это собственными ушами, а я слышал от его потомка, и так и будет. Все же, если вы привезете ружья, вы можете придти и попытаться узнать, не окажется ли один из вас назначенным духом. Однако я думаю, тайна откроется только женщине. Я говорю то, что мне внушено. Мои слова передадут вам сын мой Тамас и мои советники, которые засвидетельствуют, что он говорит правду. Я, Мамбо-Молимо Бомбатце, посылаю вам привет, приму вас и исполню данное мной обещание, если вы явитесь со стреляющими далеко ружьями, с порохом и пулями, но ни в каком другом случае. Мой сын Тамас и мои советники доведут вашу фуру до моей страны, чужестранных же слуг вы не должны приводить с собой. Говорят, что дух белой женщины, которая убила на глазах моего предка, недавно появился на скале. Я не знаю, что все это значит, но мне кажется, что она хотела предупредить меня о нападении матабелов. Я ожидаю решения Неба. В виде дара посылаю вам две «кароссы» и немного старинного золота, потому что моим посланникам так далеко трудно нести слоновую кость, а фуры у меня нет. Прощайте». – Так говорил отец, – прибавил Тамас.

– Мы выслушали тебя, – сказал Мейер, когда Клиффорд перевел его последние слова, – желаем задать тебе вопрос. Что ты хочешь сказать, говоря, будто кто-то видел дух белой женщины?

– То, что говорю, белый человек, – ответил Тамас. – На

заре она явилась многим на вершине утеса, а мой отец в сонном видении разговаривал с ней.

– Какая она? – спросил Мейер.

– О, она похожа вон на ту госпожу. Так нам кажется. Но кто знает? Принимаете ли вы предложение Молимо?

– Завтра утром мы ответим, – сказал Мейер. – Сто ружей – большое количество, и они будут стоить дорого. Прощайте, для вас приготовлена пища и место для ночлега.

Три гонца были разочарованы его ответом, который, как им казалось, служил предисловием к отказу. Они несколько мгновений поговорили между собой, потом Тамас опустил руку в кожаный мешок и вынул из него что-то, завернутое в сухие листья. Из них сын Молимо достал странное и красивое ожерелье, сделанное из крученых золотых звеньев, в которое были вкраплены белые камни. Европейцы без труда поняли, что это неотшлифованные алмазы большой ценности. На ожерелье висел маленький золотой крестик.

– От имени Мамбо, моего отца, – сказал Тамас, – мы предлагаем этот подарок госпоже, которой не могут пригодиться ни кароссы, ни слитки золота. У этой цепи есть история. Когда португальская девушка бросилась в реку, цепь висела у нее на шее. Падая, она ударилась о выступ скалы, и камень сорвал цепь с ее шеи. Видите, вот здесь она разорвана и поправлена золотой проволокой. Ожерелье осталось на камне, и мой предок достал его. Мы отдадим его госпоже, если она обещает носить наш дар.

– Прими цепь, – прошептал Клиффорд, окончив перевод речи Тамаса. – В противном случае, ты обидишь их.

И Бенита сказала:

– Я благодарю Молимо и принимаю его подарок.

Тамас поднялся, подошел к молодой девушке и набросил старинное трагическое ожерелье на ее шею. Когда оно упало на плечи Бениты, ей показалось, будто ее опутала цепь судьбы, которая повлечет ее Бог весть куда. Ведь это было украшение, служившее последним убором осиротевшей и несчастной девушке, искавшей спасения от горя в смерти...

Трое посланцев поднялись, поклонились и ушли. Джекоб Мейер хотел обратиться в Бените, потом передумал и замолчал. И Клиффорд, и его компаньон ждали, чтобы заговорила Бенита, но она молчала, и, наконец, старик первый нарушил тишину тревожным вопросом:

– Что ты скажешь, Бенита?

– Я? Мне нечего сказать. Скажу только, что я слышала очень странный рассказ. Жрец обратился к тебе и мистеру Мейеру, отец, и вы должны ответить ему. Ведь меня это не касается.

– Очень касается, моя дорогая. По крайней мере, эти люди полагают так. Во всяком случае, я не могу отправиться в Бомбатце без тебя. А везти тебя против твоего желания – не желаю. Но это очень далеко, и нас ждет странное дело. Весь вопрос в том, поедешь ли ты.

Бенита думала долго. Ее собеседник с тревогой смотрел

на нее.

– Да, – ответила она спокойным тоном. – Если вы оба хотите ехать, поеду и я, но не ради сокровища, меня просто интересует странный рассказ и то место, о котором говорится в нем. Откровенно скажу – я не верю в клад. Даже, если дикари боялись сами отыскивать сокровище, вряд ли они дали бы вам позволения искать его, если бы думали, что золото можно найти. Я не считаю это путешествие выгодным предприятием. И ведь оно опасно.

– Мы считаем его достаточно выгодным, – решительным тоном заметил Мейер, – и нельзя ждать, что наживешь миллионы без всякого труда.

– Да, да, – сказал старик, – но Бенита права – опасности большие: лихорадка, дикие звери, дикари и еще много непредвиденного. Имею ли я право подвергать всему этому мою дочь? Не следует ли нам отправиться без нее?

– Это было бы бесполезно, – ответил Мейер. – Посланники видели вашу дочь и связали ее со своей суеверной историей о привидении, в которую я, не веривший ни в призраков, ни в духов, понятно, не верю. Но без мисс Клиффорд мы теперь, конечно, не добьемся успеха.

– Лично я, – сказала Бенита, – не боюсь ничего и считаю, что должно случиться то, что определено судьбой. Если бы я знала, что должна умереть на реке Замбези, мне это было бы безразлично. Однако, думаю – сама не знаю почему, – что тебе, отец, и мистеру Мейеру грозит большая опасность, чем

мне. Значит, вам обоим следует подумать, согласны ли вы подвергнуться ей.

Клиффорд улыбнулся.

– Я старик, – сказал он, – в этом весь мой ответ.

– А я привык к такого рода вещам, – заметил Мейер, пожав плечами. – Кто не согласится подвергнуться маленькой опасности в надежде получить блестящую награду?

Богатство, богатство, золота больше, чем можно мечтать, а вместе с тем сила, власть, возможность мстить, награждать, купить себе положение в обществе, наслаждение, все прекрасное, ослепительное, что составляет удел только богача!

– И он раскинул руки и поднял глаза, точно прославляя божество золота.

– Только не купишь таких пустяков, как здоровье и счастье, – не без сарказма прибавила Бенита. Этот человек и его алчные желания казались ей отвратительными, особенно, когда она мысленно сравнивала его с тем, другим, погибшим для нее, хотя его прошлое было полно праздности и безделья. В то же время слова Мейера привлекли ее, потому что до сих пор она еще не встречала таких высокоодаренных, энергичных и вместе с тем бездушных людей, как он.

– Значит, решено? – спросила она.

Мистер Клиффорд колебался. Мейер же тотчас ответил:

– Да, вполне решено.

Она подождала ответа отца, но он ничего не сказал, и Бенита заметила:

– Отлично. Теперь не будем больше беспокоить себя новыми сомнениями и рассуждениями. Мы отправляемся в Бомбатце на Замбези искать зарытое золото и, надеюсь, мистер Мейер, что, если вам посчастливится, клад даст вам всевозможные блага. До свидания, отец, спи спокойно, дорогой.

– Моя дочь думает, что золото принесет нам несчастье, – сказал Клиффорд, когда за ней закрылась дверь. – Она по-своему сказала это.

– Да, – мрачно ответил Мейер, – и ведь она принадлежит к числу людей, провидящих будущее. Но, может быть, мисс Клиффорд ошибается. Поэтому весь вопрос сводится к тому: ухватимся ли мы за удобный случай, подвергая себя всем опасностям, или останемся здесь и будем всю жизнь разводить плохих лошадей, видя, как она, бесстрашная, смеется над нами? Я еду в Бомбатце.

Мистер Клиффорд снова не дал прямого ответа, а только спросил:

– Как скоро успеем мы собрать ружья и боевые припасы, и что это будет стоить?

– Около недели тому назад купец Портджайтер, – ответил Мейер, – привез сто ружей Мартини и сотню Вестли-Ричардсов. По пятидесяти тех и других, да десять тысяч пакетов патронов стоят около шестисот фунтов, а такая сумма есть у нас в банке. У нас также есть новая фура, достаточно хороших волов и лошадей. Мы можем взять дюжину лошадей и продать их в северной части Трансвааля за хорошую цену,

раньше чем попадем на место. Волю, вероятно, довезут нас.

– Вы обо всем подумали, Джекоб, как я вижу, но, во всяком случае, путь туда и обратно будет стоить много денег, уже не говоря обо всем остальном.

– Да, и ружья слишком хороши для кафров. Для них было бы достаточно бирмингамских газовых труб, но их здесь не найдешь. Однако, что такое деньги, что такое ружья в сравнении с тем, что это предприятие принесет нам?

– Я думаю, нам лучше всего задать этот вопрос моей дочери, Джекоб. По-видимому, она держится своего взгляда на этот вопрос.

– Мисс Клиффорд решила и не изменит намерения. Я ни о чем больше не буду спрашивать ее, – возразил Мейер.

И он вышел из комнаты, чтобы распорядиться насчет путешествия в Ваккерструм, которое хотел предпринять на следующий день. Клиффорд же долго сидел в гостиной, спрашивая себя, поступил ли он правильно, и найдут ли они золото, о котором он мечтал столько лет, а также, что готовит им близкое будущее...

Когда на следующее утро Бенита сошла к завтраку, она спросила, где мистер Мейер, и узнала, что он уже отправился в Ваккерструм.

– Ну, он торопится, – заметила она со смехом.

– Да, – ответил ей отец. – Джекоб всегда торопится, хотя до сих пор это не принесло ему большой пользы. Если мы потерпим неудачу, то уж, конечно, не по вине необдуманно-

сти с его стороны.

До возвращения Мейера прошло около недели. Бенита готовилась к путешествию. В свободные минуты она с помощью отца беседовала с тремя стройными макалангами, которые с удовольствием отдыхали после своего долгого путешествия. По молчаливому согласию никто не упоминал о зарытом золоте или о чем-либо касающемся его, но эти беседы помогли ей составить очень верное мнение о трех дикарях и их соплеменниках. Бенита поняла, что, хотя макаланги говорили на одном из зулусских наречий, они не отличались храбростью зулусов и жили в постоянном смертельном страхе перед матабелами, представляющими другую ветвь зулусского племени. Макаланги так безумно боялись их, что молодая девушка сомневалась, помогут ли им ружья, если на них нападет это храброе племя.

Они занимались тем же, что и их праотцы: земледелием, выделкой металла, и у них не было воинов. Бенита прилежно училась их языку. Она было очень способна и, вдобавок, не позабыла, как в детстве болтала по-голландски и по-зулусски. Теперь эти детские знания быстро вернулись к ней. Скоро она могла уже довольно порядочно разговаривать с посланцами, тем более, что в свободные часы изучала и грамматику их языка.

Так проходили дни. Наконец, однажды вечером появился Джекоб Мейер с двумя шотландскими телегами, в которых были уложены длинные ящики, похожие на гробы, и неболь-

шие, очень тяжелые ящики, а также много пакетов. Он ничего не забыл, привез по просьбе Бениты различные принадлежности одежды и револьвер, которого она не просила.

Через три дня двинулись из Руи-Крантца. Стояло необыкновенно хорошее утро ранней весны. Путники сказали соседям, что они отправляются торговать и охотиться на север Трансвааля и скоро вернутся. Бенита взглянула на красивую равнину и лесистый обрыв, с которого она чуть было не упала, на мирное озеро перед домом, где гнездились водяные птицы, и вздохнула. Теперь, оставляя это место, она смотрела на него, как на милый приют, и ей пришла в голову мысль, что она никогда больше не увидит его...

Глава VIII. Бомбатце

Прошло около четырех месяцев. Фура, в которой были мистер Клиффорд, Бенита и Джекоб Мейер, остановилась ночью в селении Молимо Бомбатце, названного именем Мамбо. Впрочем, может быть, это было только название титула, потому что, по словам Тамаса, каждый глава племени назывался Мамбо. Иногда Молимо, жрец Мунвали и Мамбо, глава племени, бывали двумя различными лицами. Например, он, Тамас, после смерти отца должен был сделаться Мамбо, но ему не являлось откровений, а потому, по крайней мере до сих пор, он не имел права быть Молимо, представителем Бога.

Во время длинного странствования им пришлось испытать множество приключений, которые всегда сопровождали путешествия по Африке до появления там железных дорог. Им встречались дикие звери, племена туземцев, они видели вздувшиеся реки, однажды три дня томились без воды, из-за того, что водяная яма, из которой они надеялись пополнить свои запасы, оказалась сухой. Однако, ни одно происшествие не было слишком серьезно, и никто из трех путников никогда не чувствовал себя так хорошо, как в это время, потому что им посчастливилось избежать лихорадки. Простая, дикая жизнь необыкновенно пришлась по вкусу Бените; тот, кто встречал мисс Клиффорд на улицах Лондона, вряд ли

узнал бы ее в загорелой, энергичной молодой девушке, сидевшей в этот вечер подле костра.

Они продали всех лошадей, которых взяли с собою (только несколько пало в пути). Трех, по местному выражению, «прочных», или застрахованных против местной смертельной конской болезни, они взяли с собой. Собственных своих слуг они отправили обратно в Руи-Крантц, доверив им телегу, нагруженную слоновой костью, которую Клиффорд и Мейер купили у бурских охотников, привезших эту добычу из северной части Трансвааля. Поэтому, согласно договору, только три макаланга провожали их, гнали и поели их скот. Бенита готовила еду, по большей части, дичь, убитую ее белыми спутниками, или мясо, купленное у туземцев.

Много дней они двигались по области, почти совершенно бесплодной, а теперь перебрались через высокую гряду, ту самую, на которой когда-то Роберт Сеймур оставил свою фуру, и раскинули лагерь в низине, покрытой остатками построек. В прежнее время ее окружала стена, на это ясно указывали остатки ограды, рассеянные там и сям. Справа поднималась горная возвышенность, за которой, по словам Тамаса, текла Замбези. Прямо против лагеря путников, не больше, чем на расстоянии десяти миль, возвышалась отдельная гора, то самое место, к которому они и стремились – крепость Бомбатце, окаймленная великой рекой. Туда-то и отправился один из макалангов Хоба, чтобы предупредить своих родичей о приближении белых.

Волов распрягли и пустили пастись между развалинами странной округлой формы. Разглядывая эти руины при свете яркой луны, Бенита догадалась, что они были когда-то домами. Без сомнения, низина, теперь такая безлюдная, много сотен лет тому назад была населена, подумала молодая девушка, потому что невдалеке от их стоянки из середины одного круглого дома поднимался громадный баобаб, вероятно, проживший десять или пятнадцать веков с тех пор, как его росток поднялся из семени и пробил цементный пол, до сих пор еще окружавший исполинский ствол.

На рассвете они двинулись дальше, по-прежнему встречая следы мертвого, забытого народа. До цели их долгого путешествия оставалось не больше десяти миль, но дорога, – если путь, по которому они двигались, можно было назвать дорогой, – поднималась в гору. Волы, всего четырнадцать голов, сильно истомились, исхудали, изранили себе ноги, а потому двигались очень медленно. Было уже за полдень, когда путешественники, наконец, появились среди множества хижин города Бомбатце.

– Когда мы двинемся отсюда, нам, вероятно, придется возвращаться по воде, если только мы не закупим новых упряжных животных, – сказал Мейер, с сомнением поглядывая на тяжело дышавших волов.

– Почему? – тревожно спросил Клиффорд.

– Потому, что мухи це-це искусали многих из наших животных, также и мою лошадь, и яд начинает уже действовать.

Я заподозрил это вчера вечером, а теперь уверен.

Смотрите на их глаза. Это случилось в лесистой полосе вельда, неделю тому назад. Я говорил, что не следовало оставаться там.

В это время они доехали до гребня гряды, и на ее отдаленном конце увидели удивительные, странные развалины Бомбатце. Теперь трое белых сели на лошадей. Прямо перед путниками возвышался крутой холм, который стоял над широкой Замбези, и великая река защищала его с трех сторон, четвертая его сторона, как раз перед ними, тоже была защищена природой; она от подножья поднималась отвесно на высоту пятидесяти футов. Только в одном месте было нечто вроде естественной дорожки, которая вела в город. На самом холме, который, вероятно, занимал восемь или десять акров и был окружен глубокой «донгой» или рвом, возвышались три кольца укреплений, расположенных одно над другим; это были могучие стены, очевидно, выстроенные столетия назад. Глядя на них, Бенита без труда поняла, почему несчастные португальские беглецы избрали Бомбатце своим последним приютом и, наконец, были побеждены не тысячами дикарей, которые преследовали и окружили их, а голодом. Действительно, крепость казалась неприступной для войск, не вооруженных осадными орудиями.

По эту сторону естественного рва, который, без сомнения, в древние времена наполнялся водой, отведенной от Замбези, стояла деревня макалангов, состоявшая из семидеся-

ти-восемидесяти жалких хижин, совершенно круглых, как и дома их праотцев, но выстроенных из глины и тростника. Их окружали сады и поля, очень хорошо обработанные и в это время года колосившиеся хлебами. Но скота Бенита не видела и решила, что все стада прятались за стенами.

Фура, подпрыгивая на дороге, прогремела по деревне, немногие выбежавшие из дома женщины и дети боязливо смотрели на нее. Потом путники проехали по дороге, в дальнем конце загороженной терновниками и каменными глыбами, взятыми из развалин. Пока фура стояла, а сопровождающие путников макаланги, с помощью немногих появившихся теперь мужчин, очищали путь, Бенита смотрела на массивное кольцо стены, имевшей около сорока футов высоты, выстроенной из гранитных обломков без цемента и украшенной странными рисунками из цветных камней. В ее толще она рассмотрела впадины, где прежде, вероятно, были решетки, исчезнувшие уже давно.

– Это удивительное место, – сказала она отцу. – Я рада, что приехала сюда. Ты ходил повсюду?

– Нет, мы были только между первой и второй стеной и один раз между второй и третьей. Старинный храм, или что-то вроде этого, помещается на вершине, и туда нас не пустили. Именно там спрятано сокровище.

– Там, как предполагается, спрятано золото, – с улыбкой поправила его Бенита. – Скажи, отец, кто поручится тебе, что макаланги впустят вас теперь на вершину. Может быть,

они возьмут ружья, а нам покажут на дверь... вернее, на ворота.

– Ваша дочь права, у нас нет никаких доказательств, что нас пропустят; раньше, чем из фуры вынут хотя бы один ящик, мы должны получить гарантии, – заметил Мейер. – О, я знаю, это опасный шаг, и следовало бы обезопасить себя, но теперь уже поздно говорить об этом. Смотрите, камни отвалили. Вперед, вперед.

Длинный бич щелкнул, бедные измученные волю натянули постромки, и фура поехала через вход роковой крепости. Он был так узок, что она еле продвигалась по нему. За стеною открылось большое пространство, которое, судя по многочисленным развалинам, когда-то занимали строения, теперь превратившиеся в груды камней, полускрытые травой, деревьями и ползучими растениями. Это было внешнее кольцо храма, и в нем в древние времена жили жрецы. Пространство, шириной приблизительно в полтораста ярдов, тянулось до второй стены. Она походила на первую, только не была так широка и могуча. Тут на полосе грунта, в тени (стоял очень жаркий день) собрались жители Бомбатце встретить белых.

Не доехав до них ярдов пятнадцать, европейцы сошли с лошадей и вместе с фурой оставили их под присмотром макаланга Тамалы. Бенита стала между отцом и Джекобом Мейером, и все трое пошли к кольцу туземцев, взрослых мужчин, которых было около двухсот.

Все они поднялись на ноги в знак уважения, за исключением одной фигуры, которая продолжала сидеть, прислонясь спиной к стене. Бенита увидела, что эти макаланги походили на своих посланцев. Они были высоки и красивы, с печальными глазами и боязливым выражением лиц людей, которые день изо дня живут, опасаясь рабства или смерти. Как раз напротив троих белых в этом человеческом кольце был проход, через него и повел их Тамас. Когда они проходили мимо туземцев, Бенита почувствовала, что печальные глаза устремились на нее. В нескольких шагах от того места, где подле стены сидел человек с головой, скрытой великолепно вышитым покрывалом, стояли три, покрытые прекрасной резьбой стула. По знаку Тамаса пришедшие сели на них, совершенно молча, так как им не следовало говорить, чтобы не унижить своего достоинства.

– Будьте терпеливы и простите, – сказал, наконец, Тамас. – Мой отец Мамбо молит Мунвали и духов своих праотцев сделать ваше прибытие счастливым для нас и открыть в видении, что должно случиться.

Бенита, которая чувствовала на себе взгляд приблизительно двухсот пар глаз, в душе пожелала, чтобы откровение явилось Мамбо поскорее. Однако вскоре она поддалась общему настроению и стала почти наслаждаться странным положением вещей. Эти могучие, старинные стены, выстроенные неведомыми руками и видевшие столько событий и столько смертей, молчаливое тройное кольцо терпеливых

торжественных людей, последних отпрысков культурной расы, накрытая покрывалом согнутая фигура человека, который думал, что он общается со своим богом, – все это было странно, достойно внимания существа, утомленного однообразием цивилизации...

Но вот фигура зашевелилась и сбросила покрывало, оказалась голова, побелевшая от лет, одухотворенное, аскетическое лицо, до того худое, что на нем были видны все кости, и черные глаза, смотревшие вверх невидящим взглядом человека, впавшего в транс. Он трижды глубоко вздохнул, потом перевел глаза на троих белых, сидевших против него. Прежде всего он посмотрел на мистера Клиффорда, и его лицо смутилось, потом на Мейера, и на нем промелькнуло выражение тревоги и страха. Наконец, он направил взгляд на Бениту, и его черные глаза сделались спокойны и блеснули счастьем.

– Белая девушка, – сказал он мягким низким голосом, – говорю тебе, не бойся ничего. Ты, знавшая глубокое горе, обретешь счастье и покой. О, девушка, с тобой идет дух такой же чистой и ясной, как ты сама, но умерла она давно.

Мамбо снова посмотрел на ее отца, Джекоба Мейера и замолчал.

– Верно, у тебя нет для меня приятного пророчества? – сказал ему Мейер, – а между тем, я издалека приехал, чтобы выслушать тебя.

Старое лицо сделалось непроницаемым, всякое выраже-

ние на нем исчезло, скрылось за сотней морщин. Он ответил:

– Нет, белый человек, никакого. Сам спрашивай небеса, ведь ты так мудр, и прочитай их, если можешь. Пришельцы, – продолжал он другим тоном, – я приветствую вас от имени моих детей и в их присутствии. Сын Тамас, тебе тоже привет, ты хорошо исполнил данное тебе поручение. Послушайте: вы устали и вам нужны покой и пища. Однако побудьте еще со мной, потому что мне необходимо сказать вам несколько слов. Оглядитесь. Вы видите все мое племя: здесь не больше двадцатью десять людей, а прежде мы были бесчисленны, как листья вот того дерева весной. Почему мы умерли? Из-за амандабелов, лютых собак, которых за два поколения до нас Мозеликатце, предводитель Чака, привел на юг нашей страны, и которые с тех пор из года в год берут нас в плен и убивают.

Мы не воинственны, мы не любим войны и не находим наслаждения в убийствах. Мы люди мира, желаем только возделывать нашу землю, заниматься искусством, унаследованным от предков, и поклоняться небесам, на которые мы уходим, чтобы соединиться с духами наших праотцов. Они же люты, сильны, дики; они приходят сюда и убивают наших детей и стариков, уводят с собой в рабство молодых женщин и девушек, угоняют весь наш скот. Где наши стада? Лобенгула, глава амандабелов, взял их, только одна корова осталась у нас, и мы добываем от нее молоко для больных или для осиротевших детей. А между тем он требует скота. Подати, –

говорят его гонцы, – давайте подать или наши воины придут и возьмут ее вместе с вашими жизнями. – А скота у нас нет, он весь исчез. У нас ничего не осталось, кроме этой старинной горы, строений, выстроенных на ней, да хлеба, которым мы живем. Да, это говорю я, Молимо, я, предки которого были великими властителями, я, все еще имеющий больше мудрости, чем все полчища Лобенгулы.

И снова голова старика упала на грудь. Слезы потекли по его поблекшим щекам; все макаланги ответили:

– Мамбо, это правда!

– Слушайте дальше, – продолжал он. – Лобенгула грозит нам, поэтому я послал к белым, которые побывали здесь раньше, и велел передать им, что если они привезут мне сто ружей, а также пороху и пуль, чтобы мы могли отбить амандабелов от этих сильных стен, я проведу их в тайное святилище, куда вот уже шесть поколений не ступала нога белого человека, и там позволю им искать сокровище, скрытое так, что ни один человек не знает, где оно, сокровище, о котором они справлялись четыре зимы тому назад. Тогда мы не позволили им искать его и прогнали их, боясь заклятия, положенного на нас белой умершей девушкой, которая предсказала, что нас постигнет судьба ее близких, если мы отдадим зарытое золото кому-либо, кроме указанного небом лица. Дети, дух Бомбатце посетил меня. Я видел белую девушку во сне, и она сказала мне: «Позволь им войти в крепость и искать». Дети, я послал моего сына и других послов туда,

где, как я знал, жили люди, и после многих месяцев наши посланные вернулись, привели их и ту, о которой говорил дух.

Тут он поднял свою иссохшую руку и протянул ее к Бените, говоря:

– Она – избранница! Теперь, – спросил Молимо, обращаясь к Клиффорду и Джекобу, – скажите мне, друзья, привезли ли вы ружья?

– Конечно, – ответил мистер Клиффорд. – Они здесь, в фуре. Это лучшие ружья, а вместе с ними десять тысяч патронов, купленных за дорогую цену. Мы исполнили нашу часть договора. Исполнишь ли ты свое обещание, или мы снова уедем с ружьями, предоставив вам биться с матабелами вашими асегаями?

– Скажите ваши условия, пока мы слушаем, – ответил Молимо.

– Хорошо, – проговорил Клиффорд. – Вот они. Ты должен давать нам пищу и приют, пока мы находимся здесь. Ты должен провести нас в скрытое место на вершине горы, туда, где умерли португальцы, туда, где скрыто золото. Ты должен, в случае если мы найдем золото или что-нибудь ценное для нас, позволить нам взять это богатство и помочь отправиться обратно, то есть или дать нам лодки и гребцов для плавания по Замбези, или упряжных животных. Ты должен запретить всем делать нам вред или досаждать во время нашего пребывания у вас. Таков наш договор.

– Еще не все, – сказал Молимо. – Вот что еще нужно при-

бавить: прежде всего вы научите нас обращаться с вашими ружьями; потом вы будете искать сокровища без нашей помощи, потому что, по закону, мы не можем вмешиваться в это. Наконец, если амандабелы нападут на нас, пока вы еще здесь, вы, как умеете, будете помогать нам отбиваться от них.

– Значит, вы ждете нападения? – подозрительно спросил Мейер.

– Белый человек, мы всегда ждем нападения. Что же, согласны? – спросил Молимо.

– Да, – в один голос ответили Клиффорд и Мейер, но Джекоб прибавил:

– Ружья и патроны – ваши. Теперь проводите нас в запретное место. Мы исполнили наше обещание и, полагаясь на вашу честь, надеемся, что вы исполните ваше.

– Белая девушка, – спросил Молимо, обращаясь к Бените, – ты тоже согласна?

– То, что говорит мой отец, говорю и я, – ответила она.

– Хорошо, – сказал Молимо. – Теперь в присутствии моего народа и от лица Мунвали, я, Мамбо, его пророк, объявляю, что между нами состоялся договор, и да падет месть небес на того, кто нарушит наши условия. Распрягите волов белых людей, накормите их лошадей, разгрузите их фуру, чтобы мы могли счесть ружья. Велите принести пищу в «дом гостей», и после того как они подкрепят свои силы, я, единственный из вас входивший в святилище, введу их в святое место, чтобы они могли начать искать то, что белые люди

ищут из века в век. Если они не найдут золота, мы отпустим их с миром.

Глава IX. Клятва Мадуна

Клиффорд и Мейср пошли к фуре, чтобы посмотреть, как будут распрягать волов и расседлывать лошадей. Бенита тоже поднялась, спрашивая себя, когда дадут им поесть, потому что она сильно проголодалась. Между тем Молимо ласково разговаривал со своим сыном Тамасом. Он гладил его руку и усердно расспрашивал о чем-то. Бенита, которая внимательно наблюдала за этой семейной сценой, услышала сзади себя легкий шум и движение. Она обернулась посмотреть в чем дело – и увидела трех высоких воинов в полном вооружении, со щитами в левой руке, с копьями в правой; черные страусовые перья поднимались над полированными обручами, вплетенными в их волосы. Черные му-часы обвивали их талии и черные же бычьи хвосты были привязаны под их коленами. Люди эти шли посреди толпы макалангов, точно не видя их.

– Это матабелы! Матабелы двинулись на нас, – раздался чей-то испуганный голос. Раздались крики: – Бегите за стены. Некоторые повторяли: – Убейте их! Их немного!

Но матабелы шли, не обращая ни на что внимания, пока не остановились перед Мамбо.

– Кто вы и что вам надо? – смело спросил старик, хотя на его лице отразился страх при виде трех чужих людей, и все его тело дрожало.

– Тебе следовало бы знать это, правитель Бомбатце, – со смехом ответил один из воинов, – ведь ты и раньше видел наших послов. Мы дети Лобенгулы, Великого Слона, правителя, Черного Тельца, отца амандабелов. Мы принесли весть для твоего слуха, маленький старик, видя, что ваши ворота открыты, мы вошли в крепость.

– Итак, посланцы Лобенгулы, передайте вашу весть моим ушам и ушам народа моего, – сказал Молимо.

– Я слышал тебя. Слушайте же и вы речь Лобенгулы.

Тут посланный заговорил, употребляя местоимение «я», точно речь произносил сам властелин матабелов, обращаясь к своему вассалу, главе макалангов: «Я в прошедшем году послал к тебе, раб, который смеет называть себя Мамбо макалангов, требуя дани скотом и женщинами для рабства и предупреждал, что если не получу подати добровольно, возьму ее силой. Ты не прислал ничего. Но в тот раз я пощадил народ твой. Теперь я снова посылаю за данью. Передай моим посланным пятьдесят коров и пятьдесят быков с пастухами, которые пригнали бы их, а также двенадцать девушек, в противном случае, я сотру вас с лица земли, вас, которые слишком долго беспокоили мир – и это случится раньше, чем исчезнет новая луна». – Таковы слова Лобенгулы, – в заключение сказал посланный. Вынув роговую табакерку, понюхал табаку и с дерзким видом передал ее Молимо.

Старый Мамбо от бешенства потерял всякое самообладание: он выбил табакерку из рук своего мучителя, она упала

на землю, табак рассыпался.

– Так разольется кровь вашего народа, благодаря твоему безумию, – спокойно сказал гонец, поднимая табакерку и собирая табак.

– Слушай, – заговорил Молимо тонким, дрожащим голосом. – Твой властелин требует от нас скота, хотя он знает, что весь скот угнан, что у нас осталась одна корова для каждого осиротевшего младенца. Он требует также девушек, но у нас их мало. А почему? Потому что коршун Лобенгула обглодал нас до костей. Да, с нас живых он сорвал мясо!.. Год за годом его воины обкрадывали и убивали наш народ, и теперь нас почти не осталось. И вот, он требует того, чего мы не можем дать, просто желая начать с нами ссору и перебить наших воинов. У нас ничего нет, и мы ничего не можем дать Лобенгуле. Вот наш ответ.

– Вот как, – насмешливо сказал посланец. – Почему же я вижу фуру, нагруженную товаром, и быков под ярмом? Да, – прибавил он многозначительно, – в фуре такой товар, который мы выдали в Булавайю. Ведь Лобенгула тоже иногда покупает ружья у белых людей. О, маленький макаланг, уступи нам фуру с этим грузом и с волами, а также лошадей, и хотя это небольшой дар, мы возьмем его и в этом году не потребуем ничего больше.

– Могу ли я отдать вам собственность моих гостей? – спросил Молимо. – Уйдите, не то мы вытолкаем вас.

– Хорошо, уйдем, только знай, мы скоро вернемся и по-

кончим с вами: нам надоело ходить так далеко и получать так мало. Идите, возделывайте ваши нивы, жители Бомбатце, потому что, клянусь именем Лобенгулы, вы не увидите, как созреет новый хлеб! Старик помолчал, потом произнес:

– Жестокая собака, уста Молимо, великого Мунвали откроют тебе волю божества. Я не подниму руку на тебя, но ты никогда больше не взглянешь в лицо твоего властелина. Уходите вы все теперь и делайте, что хотите.

С мгновение трое матабелов казались испуганными, и Бенита слышала, как один из них сказал своим товарищам:

– Колдун заколдовал нас. Он заколдовал Великого Слона и весь его народ. Не убить ли старика?

Но говоривший выборный быстро отделался от страха и ответил со смехом:

– Так вот зачем ты, старый предатель, призвал белых людей. Ты с ними хочешь устроить заговор против Лобенгулы?

Он повернулся на одном месте, внимательно взглянул на Клиффорда и Джекоба Мейера, потом прибавил:

– Хорошо! Серая борода и черная борода, я сам убью вас так, как вы еще не слыхивали. А красивая девушка скоро будет варить пиво для властителя и сделается одной из его жен, если он не отдаст ее мне.

Все последовавшее случилось в одно мгновение. Едва матабел заговорил о Бените, как Мейер, который бесстрашно слушал его угрозы и похвалы, вдруг точно проснулся. Его черные глаза загорелись, бледное лицо приняло выражение

жестокости. Выхватив револьвер из-за пояса, он почти одновременно прицелился и выстрелил... На землю упал матабел, мертвый или умирающий.

Никто не шевелился, все только смотрели. Макаланги и матабелы, привыкшие к смерти, все же удивились внезапно случившегося. Контраст между великолепным, грубым дикарем, стоявшим перед ними мгновение назад и бессильным черным телом, готовым заснуть навсегда, был до того странен, что поразил их воображение. Убитый бес-сильно лежал на земле, а над ним с дымящимся револьвером в руках стоял Мейер, стоял и смеялся.

Бенита чувствовала, что он поступил справедливо, что матабел заслужил жестокое наказание, но смех Джекоба казался ей ужасным, потому что она слышала в нем голос его сердца, – и, Боже, как беспощадно было оно! Когда меч правосудия падает, правосудие не должно смеяться.

– Смотрите, – сказал Молимо своим тихим голосом, указывая пальцем на мертвого матабела, – солгал ли я, или этот человек, действительно, никогда больше не взглянет в лицо своего властелина? То же, что было со слугой, случится и с господином, только не так скоро. Таково постановление Мунвали, высказанное голосом его уст, голосом Молимо Бомбатце. Идите, дети Лобенгулы, и унесите этот первый плод сбора, которые белые соберут с воинов его земли.

Тонкий голос старика замер. Наступила такая тишина, что Бените показалось, будто она слышит скрип ножек зеле-

ной ящерицы, которая проползла через камень, лежавший на расстоянии ярдов двух от нее.

И вдруг молчание нарушилось. Два оставшихся в живых матабела испугались за свою жизнь. Послов хватали за руки, срывали с них украшения, били их палками, бросали в них камни. Наконец, двое избитых, покрытых кровью людей увидели, что путь им отрезан и, словно влачимые инстинктом, шатаясь, двинулись в сторону Бениты, пораженной ужасом при виде этой страшной сцены. Они бросились перед ней на землю, схватились за ее платье, моля о помиловании.

Молимо произнес:

– Отпустите их. Случится то, что должно случиться, и от этого деяния не произойдет никакой новой беды.

– Вы слышали? Скорее уходите, – по-зулусски сказала матабелам Бенита.

Избитые люди с трудом поднялись на ноги и остановились перед ней, поддерживая друг друга. Один из них, человек с энергичным и умным лицом, с сединой в черных волосах, проговорил:

– Выслушайте меня. Этот глупец, – тут он показал на своего мертвого товарища, – похвальба которого навлекла на него смерть, был человеком невысокого происхождения. Я же, молчавший, – Мадуна, отпрыск княжеского дома и по справедливости заслуживаю смерти, так как обратился спиной к этим собакам. Я и брат мой приняли жизнь из твоих рук, госпожа, но теперь, успев подумать, мы отказываемся

от помилования. Уйду ли я к праотцам, или останусь жить – неважно; отряд ждет под стенами. Постановленное свершится, как справедливо сказал старый колдун. Слушай, госпожа, если тебе когда-нибудь придется попросить две жизни из рук Мадуны, он от своего имени и от имени Лобенгулы, обещает дать их тебе. Люди, за которых ты заступишься, уйдут невредимыми: их отпустят, и все их имущество отдадут им. Вспомни клятву Мадуны, госпожа, в час нужды, а ты, мой брат, засвидетельствуй ее перед нашим народом.

Матабелы выпрямились, насколько это было возможно, и, жестоко израненные, подняли правые руки и поклонились Бените – так люди их племени кланяются женам и дочерям предводителей. Потом, не обращая ни малейшего внимания на остальных, матабелы, хромая, пошли к воротам, которые распахнули перед ними, и скрылись за стеной.

Глава X. Вершина горы

Эту ночь Бенита провела в доме для гостей, то есть в хижине побольше остальных. Мейер и Клиффорд ночевали в фуре. Молодая девушка так утомилась, что долго не могла заснуть. Она вспоминала события этого дня, вспоминала мистические речи старого Молимо, появление диких послов и все, что последовало потом, главное же, ужасная смерть посланца, которого убил Джекоб Мейер. Эта картина стояла перед ее глазами, она постоянно видела ее.

На следующее утро Клиффорд и Мейер пошли к Молимо, который сидел подле второй стены. Указав ему на макалангов, вооруженных ружьями, они сказали:

– Мы выполнили нашу часть договора, выполни же свою. Проведи нас в святое место и позволь начать поиски.

– Пусть так и будет, – ответил он. – Идите за мной, белые люди.

И Молимо повел их вдоль стены. Наконец, остановился подле узкой тропинки, не более ярда шириной, под которой открывалась пропасть, приблизительно футов в пятьдесят глубины, почти над рекой. По этой головокружительной дорожке они прошли саженой двадцать. Она окончилась расщелиной в скале, такой узкой, что только один человек мог пройти в ней. Было ясно, что дальше начиналась вторая крепость, так как с обеих сторон она была выложена обтесан-

ными камнями. Человеческие ноги истерли даже гранитный пол этого коридора. Век за веком люди появлялись тут. Старинная галерея извивалась в толще стены, и, наконец, вывела их наружу. Они увидели склон, круто поднимавшийся, покрытый, как и пространство ниже, остатками развалин строений, между которыми росли кустарники и деревья.

Они поднялись к подножью третьей стены, обошли ее и остановились над рекой. Тут не было прохода. Несколько мелких и очень крутых ступеней, высеченных в камне, вели от подножья стены к ее гребню, поднимавшемуся больше чем на тридцать футов от уровня земли.

– Право, – сказала Бенита, с отчаянием глядя на этот опасный путь, – работа искателя золота слишком трудна. Я думаю, что не смогу подняться. – Ее отец посмотрел на ступени и покачал головой.

– Нам нужно достать веревку, – с досадой сказал Мейер, обращаясь к Молимо. – Разве мы можем иначе взобраться по ступеням, когда под нами зияет такая бездна?

– Я стар, но свободно прохожу здесь, – сказал старик с удивлением, потому что для него, всю жизнь поднимавшегося по этим ступеням, они казались удобными, – но все-таки, – прибавил он, – у меня наверху есть веревка, которой я пользуюсь в темные ночи. Я поднимусь и спущу ее вам.

И он быстро поднялся по ступеням; было удивительно, как его старые ноги переходили с одной ступеньки на другую, – так спокойно и легко, точно он поднимался по самой

обыкновенной лестнице. Обезьяна не могла бы двигаться более ловко, не обращая внимания на высоту. Вскоре он исчез за гребнем стены, снова появился на верхней ступени и оттуда спустил толстую веревку, свитую из кожи, крикнув, что она привязана крепко. Мейеру так хотелось поскорей добраться до тайника, о котором он грезил день и ночь, что, едва схватившись рукой за веревку, он принялся карабкаться на ступени и быстро поднялся на стену. Сев на гребень стены, он посоветовал Клиффорду обвязать талию Бениты концом каната. За ней последовал и отец.

Они огляделись кругом и вот что увидели.

Стена, выстроенная, как и две нижние, из каменных неотделанных и не соединенных известкой глыб, сохранилась изумительно хорошо, потому что ее единственными врагами были зной, тропические дожди, кусты и деревья, которые выросли здесь, раздвинув камни. Стена эта окружала вершину холма, т. е. площадь приблизительно в три акра, тут поднимались столбы, каждый приблизительно в двенадцать футов высоты. На вершине они были украшены высеченными из камня грубыми изображениями коршунов. Многие из этих колонн упали от ветра, может быть, от ударов молнии, и их обломки лежали на стене; те из них, которые упали внутрь, свалились к подножию стены. Несколько, шесть или семь, стояли совершенно целые.

Впоследствии Бенита узнала, что по всей вероятности, их воздвигли финикийяне или тот древний народ, который воз-

вел исполинские укрепления, и что они являлись своеобразным календарем. Но она не обратила большого внимания на эти колонны, потому что рассматривала более замечательный памятник древности, поднимавшийся на самом краю пропасти. У внешней стены подножия этой реликвии была выстроена еще стена.

Это был большой конус, о котором говорил ей Роберт Сеймур, вышиной в пятьдесят футов или больше, и похожий на камни, найденные в финикийских храмах. Но он не был выстроен из отдельных глыб, его высекли человеческие руки из целого исполинского гранитного монолита. Такие камни встречаются в Африке и, пролежав несколько тысяч или миллионов лет, остаются крепкими, хотя более мягкие породы вокруг них исчезают, разрушенные временем и погодой. С внутренней стороны этого конуса поднималась удобная лестница, по которой можно было легко подняться наверх. Его вершина, имевшая приблизительно шесть футов в диаметре, представляла собой нечто вроде чаши, вероятно, эта впадина была сделана для поклонения божествам и для жертвоприношений. Удивительный памятник снизу можно было видеть только со стороны реки и ниоткуда больше. Благодаря откосу горы, он слегка наклонялся в наружную сторону, так что булыжник, брошенный с его вершины, падал прямо в воду.

– Мои праотцы, – сказал Молимо, – видели, как португалка, красивая дочь знаменитого предводителя Ферейра, бро-

силась отсюда вниз, отдав золото нам на сохранение и положив на него заклятие. В моих видениях я видал ее на этой же скале и слышал ее голос. Другим тоже казалось, что они смотрели на девушку, но только издали, с той стороны реки.

Он замолчал, взглянул на Бениту своими странными, мечтательными глазами и вдруг спросил:

– Скажи, госпожа, ты этого совсем не помнишь?

Бенита почувствовала волнение; все казалось ей так странно, все волновало, тревожило ее.

– Как могу я помнить? – спросила она, – ведь я родилась около двадцати пяти лет тому назад.

– Я не знаю, – ответил Молимо. – Может ли это знать невежественный чернокожий старик, проживший на свете не больше восьмидесяти лет? Однако, госпожа, скажи мне, где ты родилась? На земле или на небе? Почему покачиваешь головкой ты, не помнящая? Я тоже не помню. Но все круги где-нибудь да встречаются, это так, и верь, португальская девушка предсказала, что она снова явится. Наконец, я говорю правду, что она совсем такая, как ты, и является в это место. Я, видевший ее ясно, хорошо разглядел ее красоту. Однако, может быть, она явится не во плоти, и придет только ее душа. О, госпожа, в твоих глазах я вижу ее душу. Довольно, – резко закончил он другим тоном, – сойдем. Раз ты не можешь вспомнить, я должен показать тебе кое-что. Не бойся: ступени удобны.

Они сошли вниз без большого затруднения и скоро очу-

тились в чаще растений и кустов, через которые бежала узкая тропинка. Она провела их мимо развалин строений, назначение и цель которых были забыты, потому что они обвалились много сотен лет назад. Наконец, Молимо и белые остановились близ входа в пещеру, помещавшуюся приблизительно на расстоянии сорока ярдов от монолитного конуса. Тут Молимо попросил остановиться, сказав, что он пойдет внутрь и зажжет там свет. Через пять минут он вернулся, говоря, что все готово.

– Не пугайтесь того, что вы можете увидеть, – прибавил старик. – Знайте, белые люди, что кроме моих праотцев и меня самого, ни один человек не входил в это место с тех пор, как в нем погибли португальцы. Но даже мы, приходившие в подземелье молиться великому Мунвали, никогда не решались нарушить покоя пещеры. Там все осталось, как было. Пойдем, госпожа, пойдем. Та, дух которой сопутствует тебе, последняя из людей белой расы прошла через эти двери. Теперь следует, чтобы твое тело и ее дух снова вступили в святое место.

Напевая мистическую песню, Молимо вел Бениту за руку от света к мраку, от жизни к обители смерти.

Глава XI. Спящие в подземелье

Как и все другие тропинки и расщелины в этой старой крепости, коридор, который вел к подземелью, был узок и извилист. Вероятно, древние устраивали такие проходы, желая облегчить возможность защиты. После третьего поворота Бенита увидела свет, струившийся от туземной лампы, висевшей под сводом. Там же была высечена маленькая ниша в форме раковины и помещавшаяся на высоте футов трех от пола. Самая пещера оказалась большой, просторной, не вполне естественной. Ее стены были, очевидно, отделаны, и, во всяком случае, украшены рукой человека. По всей вероятности, древние жрецы помещали здесь своих оракулов или приносили жертвы.

Бенита сначала плохо видела, потому что две лампы, заправленные бегемотовым жиром, еле освещали большое подземелье. Но ее глаза понемногу привыкли к полусвету, и, двигаясь вперед, она увидела, что кроме звериной шкуры, на которой, как она угадала, обыкновенно стоял Молимо во время своих одиноких молитв, и нескольких мехов и кувшинов для воды и пищи, вся передняя часть этого места была пуста. Дальше, в середине пещеры, виднелось что-то, сделанное из блестящего металла. По двойной рукоятке и валу она приняла этот предмет за какие-то ворота и не ошиблась: под ними зияло отверстие большого колодца, который доставлял

воду в верхнюю часть крепости.

Подле колодца стоял каменный алтарь в форме срезанного конуса или пирамиды, а немного подальше, на самой отдаленной стене пещеры, Бенита, при свете лампы разглядела колоссальный крест, рельефно высеченный в камне. На кресте было сделанное резкими штрихами изображение распятого Христа. Терновый венок обвивал опущенную голову Спасителя. Теперь Бенита все поняла. Каков бы ни был первоначальный культ, совершавшийся в этом месте, христиане завладели пещерой и поставили в ней священный символ религии, внушавший благоговейный страх в такой обстановке. Без сомнения, небольшая выемка в форме раковины при входе служила молящимся в подземной капелле вместилищем для святой воды.

Молимо взял с алтаря лампу, поправил ее фитиль и осветил распятие, перед которым Бенита, хотя и не была католичкой, склонила голову и перекрестилась, не замечая, что старый Мамбо внимательно смотрит на нее. Когда он опустил лампу, она увидела, что на цементном полу лежало множество закутанных фигур, которые сначала показались ей спящими людьми. Старый жрец наклонился к одной из них и дотронулся до нее ногой; тогда полотно, которым она была обвита, рассыпалась в пыль, а из-под уничтоженного покрова выглянул белый человеческий скелет.

Все эти спящие хорошо отдохнули. Они умерли, по крайней мере, за двести лет до появления на свет Бениты. Муж-

чины, женщины и дети, — хотя детей было мало, — лежали вперемежку. На некоторых скелетах блестели золотые украшения, некоторые лежали в кольчугах, и подле всех мужчин виднелись мечи, копья или ножи, а там и сям Бенита подмечала оружие, которое она принимала за примитивные ружья. Некоторые из трупов в этом сухом воздухе превратились в мумии, в безобразные и страшные мумии, от которых она с дрожью отводила глаза.

Молимо провел ее к самому подножию распятия. На цементном полу были расprostерты две фигуры, живописно окутанные покрывами из какой-то тяжелой материи, затканной золотыми нитями. Макаланги славились такими тканями в эпоху первых контактов с португальцами. Молимо поднял покрывы, казавшиеся такими же прочными, как и в тот день, когда они были сотканы, и отбросил их. Под ними оказались мертвые мужчина и женщина. Лица исчезли, но волосы, белые на голове мужчины и черные, как вороново крыло, на голове женщины, совершенно уцелели. Они были знатного происхождения. На его груди блестели ордена, и эфес его меча был сделан из золота. Кости женщины украшали драгоценные ожерелья и другие блестящие вещи. Ее рука все еще сжимала книгу в серебряном переплете. Бенита подняла книгу и заглянула в нее. Это был молитвенник с превосходно раскрашенными заставками и заглавными буквами. Без сомнения, несчастная женщина читала его в ту минуту, когда, наконец, истощенная, упала и заснула сном смерти.

– Посмотри, это предводитель Ферейра и его жена, – сказал Молимо, – родители белой девушки.

По знаку Бениты старик снова закрыл истлевшие останки парчовым покровом.

– Тут спят они все, – снова заговорил он нараспев, – все сто пятьдесят и три... Когда я грежу в этом месте, передо мной проходят все их призраки. Они поднимаются подлетел, скользят по пещере. Муж лежит рядом с женой, ребенок с матерью, и все смотрят на меня, спрашивают, когда вернется белая девушка, когда она возьмет свое наследство и похоронит тела их...

Бенита вздрогнула. Торжественный ужас, который веял в этом месте, заставлял сжиматься ее сердце, ей представлялось, что перед ней встают привидения.

– Довольно, – сказала она, – уйдем отсюда...

Они ушли, и умирающий белый Христос на кресте мало-помалу слился в одно пятно, потом вовсе исчез в темноте, среди которой Он много, много поколений охранял покой мертвых, когда-то в отчаянии взывавших к Его милосердию и обливавших Его ноги слезами...

О, как рада была Бенита, когда она вышла из этого страшного места и снова увидела благотворный солнечный свет!

– Что ты видела? Что вы видели? – в один голос спросили ее Клиффорд и Мейер, глядя на ее побледневшее испуганное лицо.

Бенита опустилась на каменную скамейку при входе в под-

земелье, и раньше, чем она могла пошевелить губами, старый Молимо ответил за нее.

– Девушка видела мертвых. Дух, который идет с нею, приветствовал своих мертвых, заснувших там много, много лет тому назад. Девушка поклонилась Тому белому, который висит на кресте, попросила у Него благословения и прощения, совершенно так, как та, дух которой сопутствует ей, поклонилась Ему на глазах моих праотцов и попросила Его благословения перед тем, как броситься со скалы в воду.

Он указал на золотой крестик, висевший на шее Бениты и прикрепленный к ожерелью, которое гонец Тамас подарил ей на ферме Руи-Крантц.

– Теперь, – продолжал старик, – теперь очарование разбито, и спящие должны уйти спать в другое место. Войдите, белые люди, войдите, если решитесь, попросите прощения и благословения, соберите мертвые кости и, если сумеете найти золото – возьмите сокровище, принадлежавшее мертвым, примите на себя также и проклятие, лежавшее на нем, проклятие, которое падет на всех, кроме одного лица. Возьмите золото, если можете. Отдохни здесь, девушка, в прохладной тени, а вы, белые люди, идите за мной; идите за мной в темноту смерти, отыскивайте там то, что так любят белые люди!

И он снова двинулся к подземелью, время от времени оглядываясь на Джекоба и Клиффорда и знаком подзывая их. Они шли за ним, точно подчиняясь чужой воле, потому что теперь, в последнее мгновение, странный суеверный

страх, исходивший от Мамбо, охватил их.

Бенита опустилась в полуобморочном состоянии на каменную скамейку. Все, что она видела и слышала, потрясло ее. Ей показалось, что она просидела так всего несколько мгновений, в действительности же прошел час, пока снова появился ее отец, такой же бледный, как была она сама, выйдя из пещеры.

Только на четвертое утро, когда все приготовления были закончены, Джекоб Мейер и Клиффорд принялись за настоящие поиски клада. Прежде всего они усердно расспросили Молимо относительно местонахождения сокровища, надеясь, что даже в том случае, если он не знает точно, где скрыто золото, может быть, до него дошли от предков какие-нибудь устные предания. Однако, по словам старика, он знал только предание о предсмертных речах португальской девушки и прибавил, что относительно места, где было зарыто золото, ему не являлось ни сна, ни видения наяву, тем более, что его не занимало это сокровище. Если оно было зарыто где-нибудь поблизости, золото и лежало там, если нет – нет. Пусть белые люди сами и узнают.

Без особой уверенности Мейер решил, что золото скрыто или в пещере, или поблизости от нее. Поэтому начали копать в указанных местах.

Прежде всего искатели клада подумали о колодце, куда португальцы могли бросить свои богатства. Однако удостовериться в этом было чрезвычайно трудно.

Мейер, до крайности смелый, решился сам исследовать колодец, – что было совсем не легко и не безопасно, так как искателям не доставало настоящих лестниц, впрочем, даже если бы они и существовали, их не к чему было бы прикрепить. Поэтому вот что решил он: привязать сиденье к концу старой медной цепи и спустить его, Мейера, в колодец, как спускали туда ведра.

Глава XII. Поиски начинаются

К трудному опыту приступили на следующий день. Прежде всего испробовали цепь и старинный ворот; оказалось, что и то, и другое выдержат тяжесть. Поэтому Мейеру осталось только сесть на деревянную стремянку с масляной лампой в руках и захватить с собой спички и свечи, на случай, если она погаснет. Сделать это было нетрудно, так как у белых имелся большой запас того и другого.

Джекоб достаточно храбро уселся на сиденье и повис над колодцем. В эту минуту его трое помощников взяли за рукоятки ворота. Медленно начали они опускать Мейера, медленно исчезало его бледное лицо в черной глубине. Через несколько оборотов ворота работу приостанавливали, давая Мейеру время исследовать стены колодца. Когда он был уже приблизительно на глубине пятидесяти футов, Джекоб снова закричал, чтобы они остановились. Они задержали ворот, прислушиваясь к тому, как Мейер стучал по камню стены своим молотком. В этом месте, ему казалось, была пустота.

Потом он попросил опустить его ниже, они повиновались. Наконец, вся цепь развернулась, и стало ясно, что Джекоб уже подле воды.

Наклонившись над краем колодца, Бенита увидела, что светлая звездочка исчезла. Лампа погасла. Казалось, Мейер даже не пытался снова зажечь ее. Клиффорд и Бенита

позвали его. Ответа не послышалось. Все трое начали вертеть ворот в обратном направлении. Они напрягали все силы и страшно утомились, когда, наконец, появился Джекоб. С первого взгляда им показалось, что Мейер умер, и не привяжи он себя к цепи, он, конечно, погиб бы. Было очевидно, что Джекоб уже давно впал в глубокий обморок. Он почти соскользнул со своего сиденья, по обеим сторонам которого его ноги бессильно висели. Он держался только на привязанных к цепи прочных ремнях, которые держали его под мышками.

Мейера вынули из колодца и обливали ему лицо водой, пока он не качал жадно глотать воздух и не пришел немного в себя. Приподняв своего товарища, Бенита и ее отец вывели его из пещеры.

– Что с вами случилось? – спросил Клиффорд.

– Я отравился газами... вероятно, – ответил Мейер и застонал, чувствуя жестокую головную боль. – В глубоких колодцах часто бывает испорченный воздух, но я ничего не чувствовал, пока не потерял сознания. Да, опасность была близка очень, очень близка.

Так как о дальнейших поисках в колодце нельзя было и думать, предстояло основательно осмотреть самую пещеру-капеллу. Они дюйм за дюймом исследовали ее стены, хотя по ним молотком, чтобы слышать, не окажется ли где-нибудь пустоты, но это не привело ни к каким результатам. Осмотрели также алтарь, но оказалось, что он высечен из це-

лого куска.

Когда Клиффорд с фонарем в руке спускался с лесенки, которую держала Бенита, Джекоб Мейер, стоявший против алтаря, с волнением крикнул, что он нашел кое-что.

– Послушайте-ка, – сказал он и ударил тяжелой палкой справа от алтаря.

Раздался металлический звук, который всегда слышится от удара по камню.

– Нашли, – с торжеством сказал Джекоб. – Здесь вход в хранилище золота. – И остальные были готовы согласиться с ним.

Цемент сбили, очистили все пространство, но искатели увидели, что в пол вставлен большой камень (его очертания ясно виднелись). И по всей вероятности, он весил несколько тонн. Даже обладая большой силой и действуя необходимыми рычагами, поднять его было бы невозможно. Оставалось только одно, а именно – пробить проход сквозь плиту. Белые долго работали, чтобы исполнить эту задачу, но им удалось только сделать отверстие глубиной в шесть дюймов. Клиффорд, у которого болели старые кости и руки, предложил попробовать взорвать камень порохом. И вот в отверстие насыпали около фунта этого взрывчатого вещества, закрыли отверстие влажной глиной и тяжелым обломком камня, оставив маленькое отверстие, через которое проходил фитиль. Когда все было готово, фитиль подожгли и все вышли из пещеры.

Через пять минут до их слуха донесся глухой звук взрыва, однако дым и пар только через час рассеялись, дав исследователям возможность вернуться в подземелье. Тут их ждало полное разочарование. Прежде всего, оказалось, что плита только треснула, а не рассыпалась на куски: сила пороха была направлена вверх, а не вниз, как случилось бы, если бы в дело употребили динамит, которого у них не было. От удара ли тяжелого камня, положенного сверху и подброшенного порохом к потолку пещеры, или от сотрясения воздуха, — свалилось много очень тяжелых каменных осколков, образовавших множество широких и, по-видимому, опасных трещин.

Итак, оставалось лишь снова приняться работать ломом и заступом. К вечеру третьего дня, совершенно истомленные, Клиффорд и Мейер пробили отверстие в плите и удостоверились, что под нею находилась какая-то пустота.

Клиффорд, которому совершенно опротивело его дело, хотел отложить дальнейшее до утра. Но Джекоб Мейер не согласился. По его настоянию, они продолжали работать и работали почти до одиннадцати часов ночи. К этому времени отверстие сделалось достаточно велико, чтобы в него мог пройти человек. Как и при исследовании колодца, они опустили в него камень, привязанный к веревке, и таким образом узнали, что пустота под плитой имела не более восьми футов глубины. Желая узнать о состоянии воздуха, опустили зажженную свечку: в первый раз она очень скоро потух-

ла, но позже горела хорошо. После такой предосторожности принесли лестницу и Джекоб спустился под плиту с фонарем в руках.

Через минуту до Бениты и Клиффорда донеслись горловые бранные слова и немецкие проклятия. Мистер Клиффорд спросил, в чем дело; в ответ он услышал, что это только могила, в которой лежит «проклятый мертвый монах». Бенита не могла не рассмеяться.

В конце концов, она с отцом тоже спустилась в могилу. Под плитой, действительно, лежали останки старого миссионера в клобуке и с распятием из слоновой кости на шее. На его груди лежал свиток пергамента, в котором говорилось, что он, Марко, рожденный в Лиссабоне 1438 г., умер в Бомбатце в 1503 г., проработав семнадцать лет в «империи» Мономотана, где, после тяжелых испытаний, он обратил многие души ко Христу.

Мейер еле сдержал злобу. Поглядывая на свои окровавленные руки, которые он изранил, работая с таким усердием, чтобы добраться до останков миссионера, Джекоб бесцеремонно сбросил с места кости, желая удостовериться, нет ли под ним ступеней вниз.

– Право, мистер Мейер, – сказала Бенита, которая несмотря на всю торжественность окружающего, не могла сдерживать чувства юмора, – если вы не сделаетесь осторожнее, призраки всех этих людей будут являться сюда.

– Пусть явятся, если могут, – с бешенством ответил

он. – Я не верю в призраки и всем им бросаю вызов.

В это мгновение Бенита взглянула вверх и увидела, что из темноты в кругу света бесшумно скользит какая-то фигура, так бесшумно, что ее можно было принять за один из тех призраков, которым Джекоб бросил вызов. Медленно подошла она... Но это был только старый Молимо, который всегда двигался таким образом.

– Что говорит белый человек? – спросил он Бениту, окидывая искателя клада мечтательным, точно предупреждающим о чем-то взглядом.

– Он говорит, что не верит в духов, что он вызывает их всех, – ответила она.

– Белый золотоискатель не верит в призраки, он вызывает их, – своим певучим голосом заговорил старик. – Он не верит в призраки, которые стоят вокруг меня. Это гневные души умерших, они говорят о том, где он будет лежать, о том, что случится с ним, когда он умрет, о том, как они встретят человека, потревожившего их останки, проклявшего их, когда он искал золото и богатства, которые любит. Я вижу, что перед ним стоит мертвый человек в длинном платье, вот с такой вещью на груди, – и Молимо указал на костяное распятие. – Он грозит ему, грозит столетиями печали, страданием, которое наступит, когда он сделается таким же духом, как они.

Мейер не мог дольше сдерживать ярость. Он повернулся к Молимо и осыпал его бранью на наречьи макалангов.

Он прибавил, что старик отлично знает, в каком месте скрыто сокровище, что если он не укажет его, то он, Мейер, его убьет, отправив к тем духам, которые он так любит.

Лицо Джекоба приняло такое свирепое, отталкивающее выражение, что Бенита отступила от него, а мистер Клиффорд постарался успокоить своего компаньона. Хотя Джекоб схватился было за нож, висевший у него за поясом, и двинулся к старику, Мамбо не пошевелился, не отступил ни на дюйм, не выказал ни малейших признаков страха.

– Пусть себе вредит, – сказал он, когда уставший наконец Мейер замолчал. – Так иногда во время бури блистает молния, гремит гром, и вспененная вода струится по лицу скал. Однако потом выходит солнце, гора остается прежней, гроза же затихает, исчезает, теряя силу. Я – скала, он – только ветер, огонь и дождь. Не дозволено ему ранить меня.

Те души, в которые он не верит, собирают его проклятия, чтобы потом осыпать ими его голову, как осколками камней.

И, бросив на Джекоба презрительный взгляд, старик повернулся и, снова скользя, исчез в той темноте, из которой появился.

Глава XIII. Бенита задумывает бегство

На следующее утро, когда Бенита готовила завтрак, она, подняв голову, заметила Джекоба Мейера, сидевшего на каменной глыбе, с мрачным и унылым выражением лица. Он опирался подбородком на руку и пристально смотрел на нее.

В первый же вечер их знакомства Джекобу показалось, что Бенита способна внушать мысли, а Бенита почувствовала странную близость к нему. С этого дня она во что бы то ни стало старалась поставить между собою и Джекобом нравственную преграду, тем или другим способом удалить его от себя. Но ее попытки не увенчались успехом.

Сейчас, наклоняясь над костром, она испытывала страх под взглядом этих черных глаз, которые, казалось, хотели проникнуть в ее мысли. И вдруг она мысленно решила уговорить отца уехать вместе с ней.

Понятно, такая попытка могла быть весьма опасна. Хотя нигде поблизости пока матабелов не было, но, может быть, они где-то ждали своего часа. Кроме того, даже если бы было возможно собрать достаточно упряжных волов, Бенита с отцом не имели права взять фуру, она принадлежала столько же Мейеру, сколько и Клиффорду, и ее следовало оставить Джекобу. Но в крепости были две лошади, и Молимо гово-

рил ей, что они вполне здоровы и даже потолстели.

Мейер встал и заговорил с Бенитой.

– О чем вы думаете, мисс Клифффорд? – спросил он своим мягким голосом с иностранным акцентом.

Молодая девушка вздрогнула, но быстро ответила:

– Я думаю, что топливо слишком сыро, и что козлиные котлеты будут пахнуть дымом. Вам не надоела козлятина, мистер Мейер? – продолжала она.

Он сказал только:

– Вы такая хорошая... о, я говорю то, что думаю... такая по-настоящему хорошая, что вам не следовало бы говорить неправду, даже в пустяках. Дрова совсем не сырые, я сам нарубил их из сухого дерева, и мясо не обкуривается дымом.

Главное же, вы не думали ни о том, ни о другом. Ведь вы думали обо мне, как я думал о вас! Но сейчас я не мог угадать, что было у вас в мыслях, и вот почему я вас спрашиваю об этом.

– Уверяю вас, мистер Мейер, – вспыхнув, ответила Бенита, – что мои мысли принадлежат только мне.

– Вы так полагаете? А я думаю по-другому. Я считаю, что ваш ум – моя собственность, а мой ум принадлежит вам.

Природа дала каждому из нас этот дар.

– Я не желала и не желаю такого дара, – ответила она.

– Очень жаль, потому что я дорожу им. Эта собственность кажется мне еще дороже золота, которое мы не можем найти.

Она быстро повернулась к нему, но Мейер поднял руку

как бы удерживая ее, и продолжал:

– О, не сердитесь на меня и не бойтесь, что я буду смущать вас нежными речами. Я выскажусь в свое время, теперь же хочу только указать вам на одно, мисс Клиффорд. Разве не удивительно, что наши умы так согласуются, и неужели это не имеет никакого значения? Если бы я был верующим, как вы, я сказал бы, что нами руководит Небо. Нет, нет, не говорите, что на нас действуют противоположные силы, это возражение слишком банально. Я удовольствуюсь замечанием, что в вас и во мне говорит инстинкт и природа, или, если угодно, что нами руководит судьба, что она указывает путь, следуя которому мы могли бы достигнуть великой цели.

– Может быть, мистер Мейер, только, говоря откровенно, этот вопрос очень мало интересует меня.

– Но я уверен, когда-нибудь он увлечет вас. В настоящую минуту я должен извиниться перед вами. Вчера вечером я при вас вышел из себя. Прошу вас, не судите меня строго: ведь я страшно устал, а этот старый идиот раздосадовал меня своими рассказами о привидениях, в которых я не верю.

– Если не верите, почему же вы так рассердились? Вы могли бы отнестись к вопросу презрительно, и не говорить так, как говорили вы.

– Право, не знаю, но мне кажется, люди часто боятся, чтобы им не пришлось поверить в то, во что они не хотят верить. Эта древняя церковь действует на нервы, мисс Клиффорд, – и на ваши, и на мои. Я могу откровенно говорить

об этом, потому что знаю, что вы угадываете мое состояние. Подумайте обо всем, что связано с этой капеллой, обо всех преступлениях, много веков совершавшихся здесь, обо всех страданиях, которые в этом месте терпели люди! Без сомнения, в пещере или близ нее приносились человеческие жертвы; большое обугленное кольцо на скале могло служить местом для жертвенных костров. Удивительно ли, что это место действует на нервы, особенно, когда не находишь того, чего ищешь – великого сокровища (его лицо засияло восторгом), которое все же будет вашим и моим, даст нам положение и счастье...

– Но которое, до поры до времени превращает меня только в судомойку и делает очень несчастной, – добрым тоном ответила Бенита, с радостью заслышав шаги своего отца. – Перестаньте говорить об этом золоте, мистер Мейер, не то мы поссоримся. Достаточно, что мы думаем о нем во время работы, когда ищем его. Дайте-ка мне лучше блюдо. Наконец мясо готово.

А между тем Бените не удалось отделаться от разговоров о золоте: после завтрака снова начались бесконечные, бесплодные поиски. Снова осмотрели всю пещеру, отыскивали еще места, где по звуку под плитами, казалось, была пустота. Мейер и Клиффорд работали усердно. После бесконечных трудов три плиты были взломаны, и под ними, как и в первой могиле, оказались останки, но на этот раз это были останки древних, умерших, вероятно, до Рождества Христова. Они

лежали на боку, их кости когда-то держали служебные жезлы с золотыми набалдашниками, обвитые золотом; под их черепами виднелись покрытые золотом деревянные подушки – такие, какие использовались египтянами при погребении. Золотые браслеты блестели у них на руках и на ногах, золотые слитки виднелись под костями; они выпали из истлевших кошельков, которые висели у них на талии. Кругом умерших стояли вазы из прекрасного глазированного фарфора, наполненные приношениями, а в некоторых случаях, золотым песком – для уплаты за долгое путешествие в другой мир.

В своем роде эти находки были достаточно ценны; из одной могилы вынули более ста тридцати унций золота, а об археологическом значении всех этих вещей нечего было и говорить. Между тем, не того искали белые, они жаждали великого богатства Мономотаны, принесенного португальскими беглецами и зарытого в их последней твердыне.

Бенита совершенно перестала интересоваться поисками. Она не захотела даже пойти посмотреть на третий из найденных скелетов, хотя он принадлежал почти исполину и, судя по количеству золота, унесенного мертвецом с собой в могилу, очень высокому лицу. Ей хотелось уехать из Бомбатце с его удивительными укреплениями, таинственным конусом, подземельем, с его мертвецами, а больше всего бежать от Джекоба Мейера!

Бенита стояла на стене своей тюрьмы и с тоской смотре-

ла на тянувшиеся перед ней широкие низины. Вскоре она решила даже подняться по ступеням, которые бежали на могучий гранитный конус, откуда как-то раз Джекоб Мейер позвал ее к себе, предлагая разделить с ним его трон. Это было страшное место, вызывавшее головокружение. Конус наклонялся в сторону реки, и его вершина выдавалась далеко, так что под ногами девушки было только воздушное пространство, а внизу, на глубине футов четырехсот, темнела вода могучей Замбези.

Сначала у Бениты закружилась голова, в глазах потемнело, неприятная дрожь пробежала по спине, и она опустилась в кубкообразную впадину, из которой не могла упасть. Однако мало-помалу молодая девушка овладела собой и стала наслаждаться чудным видом на большую реку, на болотистые луга и на горы на противоположном берегу.

Бенита спустилась с конуса и направилась к отцу, которому она еще не говорила ни слова о своих планах. Теперь представлялся отличный случай поговорить с ним; она знала, что в данную минуту старик один. Мейер пошел в нижнюю часть крепости, чтобы попытаться убедить макалангов прислать ему человек десять для помощи при раскопках.

Клиффорд, уже сильно уставший от тяжелой работы, воспользовался отсутствием своего товарища, чтобы поспать немножко в хижине, которую они выстроили для себя под раскидистыми ветвями баобаба. Когда молодая девушка подходила к этому первобытному жилищу, мистер Клиф-

форд, зевая, вышел из него и спросил дочь, где она была. Бенита объяснила.

– На конусе голова кружится, – сказал он. – Я никогда не решался один подняться туда. А зачем ты была на его вершине, дорогая?

– Я хотела посмотреть на реку, пока мистера Мейера не было здесь, отец. Если бы он видел меня, он угадал бы, зачем я поднялась на камень. Право, мне даже кажется, что он и теперь поймет это.

– А зачем поднималась ты туда, Бенита?

– Чтобы посмотреть, возможно ли уплыть вниз по реке в лодке. Но это невозможно. Ниже начинаются быстрины, и по обеим сторонам реки стоят горы, скалы и деревья.

– А зачем тебе это? – спросил он, пристально и с любопытством глядя на дочь.

– Я хочу бежать по многим причинам, – горячо ответила она. – Я ненавижу это место... эту тюрьму, и мне противно само слово «золото». Потом... – и она замолчала.

– Потом что, дорогая?

– А потом, – ответила она, и ее голос понизился до шепота, точно она боялась, что кто-то услышит ее, кто-то, бывший у подножия горы, – а потом я боюсь мистера Мейера...

Признание дочери, по-видимому, не удивило старика, он только кивнул головой и сказал:

– Выскажись, дитя мое.

– Отец, мне кажется, что он сходит с ума, а разве приятно

быть здесь одним с безумным, особенно с тех пор, как он начал говорить со мной так, как говорит теперь?

– Неужели он дерзок с тобой? – вспыхнув, спросил старик. – Если так, то...

– Нет, нет, не дерзок, по крайней мере, до сих пор не был непочтителен. – И Бенита пересказала отцу весь свой разговор с Мейером. – Видишь, – прибавила она, – я ненавижу этого человека, мне страшно не хочется иметь с ним никакого дела, да и ни с кем больше. – И из ее груди вырвалось рыдание без слез, словно из глубины сердца. – А между тем он приобретает надо мной какую-то силу. Он повсюду следит за мной, он угадывает мои мысли. Я не могу вынести этого больше. Отец, отец, ради Бога, увези меня от этой ненавистной горы с ее золотом, с этими мертвецами... Уедем, уедем вместе на нашу ферму!

Клиффорд пристально посмотрел на дочь и ответил.

– Да, да, мы можем уехать... навстречу смерти! Представь себе, что лошади заболеют или захромают. Представь, что мы встретим матабелов, не увидим никакой дичи, которую могли бы застрелить, чтобы пропитаться. Представь себе, что кто-нибудь из нас заболеет. О, сколько случайностей могут ждать нас! Что тогда делать?

– Мне кажется, мы можем так же погибнуть там, в пустыне, как здесь, где нас ждут почти такие же опасности. Нам надо решиться и вручить жизнь Богу; может быть, Он по-может нам. Послушай, отец, завтра воскресенье, мы с тобой не

работаем. Мистер Мейер не обращает внимания на праздники и не любит терять ни одного часа. Ну, мы скажем ему, что я хочу спуститься к первой стене, достать платье, оставленное мной в фуре и отнести кое-какие вещи, чтобы поручить туземцам выстирать их; и что, понятно, ты пойдешь провожать меня. Может быть, он поверит мне и останется здесь, тем более, что сегодня сам был внизу. Тогда нам удастся взять лошадей, ружья, патроны и все, что мы сможем унести из пищи. Потом мы уговорим старого Молимо открыть для нас ворота... Ты ведь знаешь, что маленькие боковые ворота не видны отсюда. Значит, раньше чем мистер Мейер заметит наше отсутствие и спустится в нижнюю часть Бомбатце, отыскивая нас, мы будем уже в двадцати милях отсюда... А ведь пеший человек не в силах догнать лошадей!

– Он скажет, что мы его бросили, и это будет правда.

– Ты можешь оставить письмо у Молимо и в нем объяснить Мейеру, что я уговорила тебя бежать, что я заболела, думала, что умру, и что, по твоему мнению, ты не смел просить его уехать с нами и таким образом потерять возможность приобрести золото, которого он так жаждет. О, отец, решайся, скажи, что ты увезешь меня отсюда.

– Хорошо, пусть так и будет, – ответил Клиффорд.

В ту же минуту послышался шорох, они посмотрели вверх и увидели Джекоба.

На их счастье, Мейер был до такой степени занят своими мыслями, что не заметил смущенного и виноватого выраже-

ния их лиц, и они успели оправиться раньше, чем он поднял голову. Но все же в нем зашевелились подозрения.

– О чем это вы так усердно совещаетесь? – спросил он.

– Мы говорили, удалось ли вам убедить макалангов придти в святилище, – ответила Бенита. – Убедили вы их не бояться привидений?

– Нет, – ответил он, хмурясь. – Эти привидения – наши злейшие враги. Трусы макаланги поклялись, что они ни за что не пойдут на вершину горы, скорее умрут. Мне очень хотелось поймать их на слове и самих превратить в призраки, но, вспомнив наше положение, я удержался. Не бойтесь, мисс Клиффорд, я совсем не вышел из себя, по крайней мере, внешне. Теперь остается одно: раз они не желают помогать нам, мы должны сами усерднее работать. Я задумал новый план, и завтра же мы начнем приводить его в исполнение.

– Нет, не завтра, – с улыбкой ответила Бенита. – Завтра воскресенье, а вы знаете, что по воскресным дням мы отдыхаем.

– Извините, совсем забыл! Эти макаланги со своими привидениями и вы с вашими воскресными днями! Право, не знаю, что хуже. Что делать! Завтра я исполню мою долю работы, да и вашу тоже, вероятно.

И, пожав плечами, он пошел прочь.

Глава XIV. Бегство

На следующее утро Мейер отправился работать по своему новому плану. В чем состоял его план – Бенита не старалась узнать, но угадала, что он имел какое-то отношение к измерениям пещеры, которую он разделил на квадраты для более систематического исследования ее площади.

В двенадцать часов Джекоб вышел из подземелья позавтракать и за столом заметил, что работать в этом месте одному совсем невесело, что он будет рад, когда наступит понедельник, и мисс Клиффорд с отцом присоединятся к нему.

Бенита и Клиффорд с лихорадочным оживлением заговорили о посторонних вещах, о военном обучении макалангов, о возможности нападения матабелов, которого теперь, к счастью, не предвиделось; о состоянии своих волов, о предположениях найти новый скот взамен погибших животных. Бенита зашла еще дальше. В своем намерении отвлечь Мейера от подозрений, она продолжала лгать, несмотря на полный упрека взгляд отца, устремленный на нее. Как бы между прочим она упомянула, что они хотят спуститься по лестнице в лагерь макалангов, между первой и второй стенами на несколько часов, унести с собой белье для стирки и вернуться назад с выстиранными вещами, захватив также и книги, которые она, Бенита, оставила в фуре.

Джекоб вышел из задумчивости, на время перестал что-

то рассчитывать и мрачно слушал ее.

– Не знаю, не пойти ли и мне с вами, – сказал он, и, услышав его замечание, Бенита вздрогнула. – В этой пещере ужасно тяжело одному; иногда я слышу там какие-то звуки, кажется, будто старые кости стучат одна о другую; будто раздаются вздохи и шепот, но все это, конечно, только движение воздуха.

– Ну так почему бы вам и не пойти с нами? – спросила Бенита.

Это была смелая фраза, но она возымела действие. Если в Мейере и шевелились какие-то сомнения, они теперь утихли, и он ответил:

– У меня нет времени. Мы должны закончить наше дело до наступления периода дождей, которые выгонят нас из этого места, нам следует также уйти из Бомбатце раньше, чем нас измучит лихорадка. Идите вниз, мисс Клиффорд, каждая работающая молодая девушка имеет право отдохнуть. Только, – прибавил он с той заботливостью о ее безопасности, которую всегда выказывал в спокойные минуты, – пожалуйста, будьте осторожны, Клиффорд, вернитесь до заката солнца. Взбираться на эту стену в темноте было бы слишком опасно для вашей дочери. И позовите меня. У вас есть свисток, я спущусь, чтобы помочь мисс Клиффорд. Кажется, я все-таки пойду с вами в конце концов... Нет, нет, не пойду... Я вчера был так неприятен этим макалангам, что вряд ли они с удовольствием снова увидят меня. Надеюсь, вы лучше

проведете у них время, чем я. А почему бы вам не поехать покататься верхом за стенами крепости? Наши лошади сильно поправились, им нужно движение, и я не думаю, чтобы следовало бояться матабелов.

Не дожидаясь ответа, он поднялся и ушел.

Клиффорд посмотрел вслед ему.

– Да, я знаю, – сказала Бенита, – мы поступим ужасно низко, но, право, иногда приходится делать нехорошие вещи. Вот наши узлы, все готово, идем.

И они ушли. На гребне стены Бенита обернулась, чтобы проститься с местом, которое она надеялась никогда больше не увидит, однако, ей казалось, что она не в последний раз смотрит на него и даже спускаясь с опасных ступеней, она поймала себя на том, что мысленно делала заметки, как лучше взобраться на них. Не могла она также убедить себя, что навсегда покончила с Мейером. Ей казалось, что еще долго, долго он будет наполнять ее жизнь...

Отец и дочь благополучно добрались до внешней стены. Тут их с удивлением, но без неудовольствия, встретили макаланги. Они все еще учились владеть оружием, очень многие из них уже ловко это проделывали. Клиффорды подошли к той хижине, в которой были сложены их скудные пожитки, взятые из фуры, и стали быстро готовиться к бегству. Тут же мистер Клиффорд написал и письмо, – одно из самых неприятных писем, которые ему когда-либо приходилось писать:

Дорогой Мейер!

Я не знаю, что вы подумаете о нас: мы уезжаем из крепости. Дело в том, что я чувствую себя нехорошо, а моя дочь не может выносить жизни в этом месте. По словам Бениты, если она останется здесь, то умрет. Поиски в этом зловещем кладбище окончательно расшатывают ее нервы. Мне хотелось все сказать вам, но она упросила меня не делать этого. Бенита убеждена, что если бы я не скрыл от вас наших намерений, вы уговорили бы нас остаться, или тем или другим путем заставили бы продолжать искать золото португальцев. Если вам удастся найти клад – возьмите его целиком. Я отказываюсь от своей доли. Мы оставляем вам фуру и волов и уезжаем верхом на наших лошадях. Это очень опасно, но все же менее, чем пребывать в Бомбатце при нынешних обстоятельствах. Может быть, мы с вами больше не встретимся – простите нас. Мы желаем вам всякого блага. Искренно ваш, с великим сожалением, Т. Клиффорд.

Когда письмо было написано, старик и Бенита осмотрели приведенных им лошадей, нашли их в хорошем состоянии, оседлали, привязали на животных свои немногие вещи и все патроны, которые могли прикрепить к сумкам седел. Потом Клиффорды взяли по ружью (во время долгого путешествия Бенита выучилась стрелять), сели на лошадей и двинулись к маленьким боковым воротам, потому что главные, через которые они проехали в первый раз, были теперь заперты. Боковой вход, простая пробоина в большой стене, был открыт. Макаланги, перестав бояться нападения матабелов, гоня-

ли этим путем овец и коз на пастбище и обратно. Дело в том, что проход этот, сильно изгибавшийся и делавший множество поворотов в толще стены, можно было в течение нескольких минут совершенно завалить камнями, лежавшими под рукой. Кроме того, древний архитектор так устроил его, что гребень стены с обеих сторон господствовал над ним.

Макаланги внимательно наблюдали за тем, что делали Клиффорды. Они смотрели с любопытством и не старались остановить их. Однако беглецы думали, что, может быть, их остановят сторожа, караулившие ворота днем и даже ночью, когда они бывали закрыты. Этим-то караульным мистер Клиффорд собирался отдать письмо к Джекобу Мейеру.

Когда всадники сошли с лошадей, чтобы провести их по извилистому проходу в стене и дальше по крутому подъему, оказалось, что на часах был только один старый Молимо. Он сидел, по-видимому, в полусне.

Но он не дремал, потому что, не сделав ни малейшего движения, Мамбо спросил отца с дочерью, куда они едут.

– Покататься, – ответил мистер Клиффорд. – Моей дочери надоело сидеть взаперти в этой крепости. Ей хочется подышать воздухом на свободе. Пропусти нас, друг, поскорее. В противном случае, мы не успеем вернуться к закату солнца.

– Если вы хотите вернуться обратно к закату дня, зачем вы везете с собой столько вещей на ваших седлах и почему в ваших мешках лежат патроны? – спросил старик. – Конечно,

ты не говоришь мне правды, нет, ты надеешься больше не увидеть, как над Бомбатце садится солнце.

– Ну, раз ты знаешь всю правду, пропусти нас, – попросила молодая девушка, – клянусь тебе, я не решаюсь остаться.

– Кто я такой, чтобы приказывать тебе? – спросил Мамбо. – А между тем говорю, что ты сделала бы хорошо, если бы осталась и избавила себя от большого ужаса. Девушка, здесь свершится твоя судьба. Уезжай, если хочешь, но я чувствую, что ты опять вернешься.

И он снова, казалось, задремал, облитый светом солнца. Клиффорд и Бенита перебросились несколькими словами.

– Было бы напрасно возвращаться теперь, – сказала Бенита, чуть не плача от нерешительности и досады, – он не испугал меня своими предсказаниями. Разве он может знать о будущем больше нас? Кроме того, ведь он пророчит только, что мы снова вернемся, а если это суждено, мы, по крайней мере, на короткое время будем свободны. Едем, отец!

– Как хочешь, – ответил Клиффорд, который был до такой степени подавлен и печален, что не находил в себе силы спорить. Он только бросил письмо на колени старика, попросив его передать эту записку Мейеру.

Старый Мамбо не обратил на него никакого внимания, даже когда Бенита простилась с ним и поблагодарила его за всю доброту, пожелав ему и его племени всяких благ, он не ответил и даже не поднял глаз.

Они вошли в узкий коридор, в котором едва могли прой-

ти лошади, а потом двинулись по крутой тропинке. На противоположной стороне старинного рва путники снова сели в седла. Макаланги смотрели со стен, как они ехали легким галопом по той дороге, которая привела их в Бомбатце.

Свое безумное путешествие мистер Клиффорд и Бенита начали около трех часов пополудни и к вечерней заре уже были в долине в пятнадцати или шестнадцати милях от Бомбатце. Крепость давно пропала у них из виду, скрытая промежуточной цепью гор. Рядом с ними поднимался один из «копие». Тут, близ ключа, они раскидывали лагерь во время путешествия в Бомбатце и теперь, не решаясь двигаться в темноте, опять расседлали лошадей. Их можно было пустить пастись, так как вокруг источника зеленела густая, прекрасная трава.

Путники за ночь окоченели – воздух был теплым, но сильная роса пропитала их одеяла.

При первых лучах солнца Клиффорды оседлали лошадей и двинулись в путь. Наконец, свет и тепло придали Бените мужества. Ее опасения рассеялись вместе с мраком, и она сказала отцу, что удачное начало – хорошее предвестие. На это старик ответил только:

– Надеюсь, ты окажешься права.

Они пустились вперед и к вечеру приехали к другой своей прежней стоянке. Это был покрытый зарослями «копие»; источник воды находился на склоне холма. В этот вечер Клиффорды устроили себе роскошный ужин из свежего мяса и

легли спать за маленькой «бомой» – тыном, сделанным из ветвей. Но путникам не пришлось хорошо выспаться; едва успели они закрыть глаза, как недалеко от них раздался вой гиены. Клиффорд и Бенита закричали, зверь ушел. А часа через два они слышали зловещие низкие звуки, вслед за которыми раздался громкий рев. Ему ответило другое рыканье, и бедные лошади стали ржать от испуга.

– Львы, – сказал мистер Клиффорд.

Он вскочил и быстро подбросил сухого хвороста в костер, который скоро запылал ярким пламенем.

После этого заснуть было невозможно; хотя львы не нападали, но чуя близость лошадей, продолжали кружить около «копие», с ворчанием и ревом. Так продолжалось до трех часов пополуночи.

Наконец, тьма рассеялась. Стоя на откосе «копие», Клиффорды видели наверху в светлом ясном воздухе красный утренний свет, внизу же лежали клубы густого тумана, отливавшего жемчужным оттенком. Мало-помалу клубы эти редели под лучами восходящего солнца, и скоро сквозь их дымку Бенита увидела казавшуюся в тумане исполинской фигуру дикаря, завернутого в свой плащ «кароссу». Держа в руках большое копьё, воин расхаживал взад и вперед, то и дело зевая.

– Посмотри, – шепнула Бенита, – посмотри!

Мистер Клиффорд тревожно взглянул по направлению протянутого пальца Бениты.

– Матабелы, – сказал он. – Боже мой, это матабелы!..

Глава XV. Преследование

Не было сомнений, что это, действительно, матабел. Вскоре еще три дикаря подошли к часовому и стали разговаривать с ним, указывая длинными копьями по направлению откоса холма. Очевидно, они задумали броситься на путников, едва рассветет.

– Они видели наш костер, – прошептал старик, – теперь, если мы хотим спастись, нам остается сделать одно: ускакать раньше, чем они двинутся на нас. Конечно, отряд стоит на противоположном склоне холма, поэтому для нас открыт тот путь, по которому мы приехали.

– Но это прямая дорога в Бомбатце, – задыхаясь, прошептала Бенита.

– Бомбатце лучше могилы, – сказал ей отец. – Моли Бога, чтобы мы могли вернуться в крепость...

Возражать против этого довода было нельзя, поэтому, выпив горячей воды и проглотив несколько кусков мяса, беглецы тихонько подкрались к лошадям, сели в седла и как можно бесшумнее стали спускаться с холма.

Теперь часовой был опять один, остальные дикари ушли. Воин стоял спиной к Клиффордам. Когда они подъехали к нему совсем близко, он услышал звук лошадиных копыт, быстро повернулся на одном месте и увидел всадников. С громким криком матабел поднял копьё и кинулся на них.

Клиффорд, ехавший впереди, протянул ружье (у него не было времени приложить его к плечу) и нажал на спуск. Бенита услышала звук пули, которая ударилась о кожаный щит, и в следующее мгновение увидела, что воин-матабел лежал на спине и руками и ногами бил по воздуху. Обогнув выступ «копие», Клиффорды увидели дикарей: двигался отряд в несколько сотен человек, сзади виднелось стадо скота. Тусклый свет зари горел на поднятых остриях копий и на рогах волов. Бенита посмотрела вправо: там тоже были воины. Два крыла отряда сближались. Только маленькое свободное пространство оставалось между ними. Бените и старику следовало ускакать раньше, чем они сольются.

– Вперед, – прошептала молодая девушка, ударила лошадь каблуком, прикладом ружья и дернула за повод.

Старик тоже увидел дикарей и поступил так же, как дочь. Лошади поскакали. Теперь от каждого крыла отряда выдвинулись по несколько человек, которые должны были отрезать беглецам путь.

Они пронеслись между «щупальцами» отрядов, когда между ними оставалось ярдов двадцать. Видя, что белые проскакали, матабелы остановились и метнули им вслед целый град копий.

Одно из них пролетело мимо щеки Бениты, точно светлая полоска: молодая девушка даже почувствовала движение воздуха. Другое пробило ее платье, третье поразило лошадь ее отца в заднюю ногу, повыше коленного сустава, на

несколько мгновений засело в теле животного, потом упало на землю. Сначала бедная лошадь, казалось, не почувствовала раны и только поскакала быстрее. Бенита обрадовалась, думая, что копьё просто ударило ее. Скоро молодая девушка забыла об этом. Некоторые матабелы, имевшие ружья, стали стрелять и, хотя целились плохо, одна или две пули пролетели в неприятной близости от всадников. Наконец, один из воинов закричал:

– Лошадь ранена. До заката солнца мы поймем вас обоих!

После этого Клиффорд и Бенита переехали через гребень возвышенности и на время потеряли преследователей из виду.

– Слава Богу, – задыхаясь, прошептала Бенита, когда они очутились одни на тихом вельде. Но Клиффорд только покачал головой.

– Ты думаешь, что они бросятся за нами? – спросила молодая девушка.

– Ты слышала, что сказал матабел, – ответил старик. – Они, без сомнения, двигаются на Бомбатце в обход с целью уничтожить какое-нибудь другое несчастное племя и угнать его скот. Мы видели стадо. Да, я боюсь, что они бросятся за нами. Весь вопрос заключается в том, мы или они будем в Бомбатце первыми.

– По всей вероятности, мы, отец, так как мы едем верхом.

– Да, если только с лошадьми ничего не случится. – В ту

самую минуту, когда старик говорил это, лошадь, на которой он ехал, внезапно резко припала на заднюю ногу, раненную копьём, но скоро оправилась и продолжала идти галопом.

Все утро они ехали галопом. Почва была достаточно мягкой. Между тем лошадь Клиффорда начинала хромать все сильнее. Тем не менее к полудню они были у того места, где провели первую ночь после отъезда из Бомбатце. Здесь усталость и жажда заставили беглецов остановиться. Они сошли с лошадей, жадно напились из источника; потом позволили напиться и животным. Закусив немного, – не потому, что они были голодны, а просто для поддержания сил, – Клиффорды осмотрели раненую лошадь. Ее задняя нога сильно распухла, и кровь все еще сочилась из разреза, нанесенного ассегаем. Кроме того, сустав был сведен, и только конец копыта касался земли.

– А все-таки нужно ехать, – сказал мистер Клиффорд.

Они вскочили на лошадей.

Великое Небо, что это? Лошадь не шевелилась. Клиффорд в отчаянии жестоко бил ее. Бедное животное протащило несколько шагов на трех ногах и опять остановилось. Или раненое сухожилие сократилось, или же воспаление сделалось так сильно, что лошадь не могла сгибать коленного сустава. Поняв, что это значило, Бенита поддалась отчаянию и разразилась рыданиями.

– Не плачь, любовь моя, – сказал старик. – Да будет воля Божия. Может быть, матабелы теперь отказались от пресле-

дования. Во всяком случае, у меня остались ноги, а до Бомбатце не больше шестнадцати миль. Вперед, – и ухватившись за переносной ремень лошади Бениты, он пошел по длинному откосу, который вел к проходу в горах, окружавших крепость макалангов.

Проехав еще около полумили, Бенита опять обернулась, слабо надеясь, что лошадь немного оправится и побежит за ними. Но ее нигде не было видно. Зато увидела другое: в трех или четырех милях сзади беглецов в ослепительно прозрачном воздухе вырисовывалось множество черных точек, которые время от времени вспыхивали.

– Что это? – слабо спросила Бенита, боясь ответа.

– Матабелы, которые бегут за нами, – ответил ей отец, – вернее, отряд их самых быстрых бегунов. Это блестят копья. Теперь, любовь моя, вот что, – продолжал старик, идя рядом с нею. – Они догонят нас раньше, чем мы успеем добраться до Бомбатце: их лучшие бегуны могут пробежать пятьдесят миль в случае нужды. Но мы впереди их – и догнать твою лошадь они не в силах, уезжай и предоставь мне позаботиться о себе.

– Ни за что, ни за что! – вскрикнула она.

– Ты должна сделать это и сделаешь, – ответил старик. – Я твой отец и приказываю тебе слушаться меня. Не думай обо мне. Я могу спрятаться и спастись, или... Ведь я стар, моя жизнь окончена, а у тебя все впереди! Прощай, поезжай же, – и он выпустил из рук ремень ее седла.

Вместо ответа Бенита остановила лошадь.

– Ни одного шагу не сделаю, – сказала она, сжимая губы.

Старик принялся бушевать. Он называл ее непослушной, непочтительной дочерью, и видя, что эти средства не действуют, начал умолять ее почти со слезами.

– Отец, дорогой, – проговорила Бенита, наклоняясь к старику, шедшему рядом с ней, так как теперь они снова двинулись вперед. – Ведь я сказала тебе, почему мне так хотелось бежать из Бомбатце, ведь сказала. Я подвергла свою жизнь опасности, чтобы только когда-нибудь не остаться вдвоем с Джекобом Мейером. И я скажу тебе еще одну вещь. Ты помнишь мистера Сеймура? Я не могу смириться со случившимся, совсем не могу, а потому, хотя, конечно, мне страшно, мне все равно, что будет со мною. Нет, нет, мы вместе спасемся – или вместе умрем! Но лучше, конечно, постараться спастись. Отец, пожалуйста, пойми, что я совсем не хочу живой попасться в руки дикарей.

– О, как могу я? – задыхаясь, сказал он.

– Я не прошу тебя об этом, – продолжала Бенита. – Я сама распоряджусь собой. Только если я промахнусь... – И она посмотрела на отца.

Старик уже сильно устал. Он, задыхаясь, с трудом поднимался на крутой откос и то и дело спотыкался о камни. Бенита это заметила, и соскользнув с седла, заставила его сесть на лошадь, сама же бежала рядом с ним. Когда Клифффорд немного отдохнул, они опять поменялись местами. Миля за

милей оставались позади их. Наконец, когда оба совершенно истомились, они попробовали было ехать на лошади вместе, Бенита сидя впереди, Клиффорд сзади ее. Вьюк был давно сброшен. Но утомленное животное не могло нести двоих седоков и, сделав несколько сот ярдов, споткнулось, упало, с трудом поднялось на ноги и остановилось.

Беглецам снова пришлось ехать верхом по очереди.

Оставалось около часа времени до заката, а узкий горный проход виднелся в милях трех впереди. Солнце склонялось к закату, и, оглядываясь назад, беглецы видели на фоне пылающего диска абрисы темных фигур, широкие копыта тоже казались красными, точно окровавленные. Клиффорд и Бенита слышали даже насмешливые крики дикарей, которые предлагали им сесть, позволить себя убить и избавиться, таким образом, от тревоги и беспокойства.

Теперь матабелы были на расстоянии менее трех ярдов от них, а до прохода все еще оставалось около полумили. Прошло пять минут. Тропинка стала очень неудобной, лошадь поднималась медленно. Ехал Клиффорд, Бенита бежала подле него, держась за переносной ремень. Она оглянулась. Дикари, боясь что их жертвы укроются за горой, бросились вперед... А лошадь не могла бежать быстрее...

Один матабел, высокий малый, опередил остальных. Еще через минуту он был в сотне шагов от белых, ближе к ним, чем они к проходу. В это время лошадь остановилась, отклевываясь двинуться с места.

Клиффорд соскочил с седла, и Бенита указала рукой на матабела. Старик сел на камень, глубоко вздохнул, прицелился и выстрелил в воина, который шел по открытому месту. Клиффорд отлично стрелял, и хотя он был взволнован и измучен, в эту роковую минуту искусство не изменило ему. Пуля ранила матабела, он качнулся вперед и упал, потом медленно поднялся и заковылял обратно к своим товарищам, которые, встретив его, на минуту остановились, чтобы как-нибудь помочь раненому.

Эта остановка была спасением для беглецов. Она дала им время сделать последнее отчаянное усилие, броситься бегом и добежать до начала горного прохода. Но матабелы могли бы догнать их и здесь. К тому же еще недостаточно стемнело, и преследователи вскоре нашли бы их.

Действительно, дикари, уложив своего раненого на землю, с криком бешенства кинулись вверх за беглецами. Их было человек пятьдесят или еще больше.

Отец и дочь двигались через проход. Бенита была на лошади. На расстоянии ярдов шестидесяти от белых были матабелы, сбившиеся в плотное ядро. Старую дорогу окаймляли отвесные стены скал.

Вдруг внезапно, как показалось Бените, вокруг нее со всех сторон вспыхнуло пламя и раздался грохот ружей. Матабелы по двое и по трое падали. Наконец, их уцелело немного, дикари повернулись и побежали по узкому проходу вниз.

Бенита упала на землю – и первое, что она услышала, был

мягкий музыкальный голос Джекоба Мейера, который сказал:

– Итак, вы вернулись после прогулки верхом, мисс Клиффорд, и, может быть, хорошо, что вы внушили мне мысль встретить вас здесь на этом самом месте.

Глава XVI. Снова в Бомбатце

Бенита позже никак не могла вспомнить, как они снова попали в Бомбатце. Ей рассказали, что ее и ее отца отнесли в крепость на носилках, устроенных из кожаных щитов макалангов. Когда она очнулась и оправилась, то увидела, что лежит в своей палатке близ входа в пещеру за третьей стеной крепости-святилища. Ее ноги были стерты, все кости болели, и эти физические страдания воскресили в ее памяти все ужасы, которые она перенесла.

Пола ее палатки откинулась, и Бенита снова закрыла глаза, боясь увидеть лицо Джекоба Мейера. Однако, она почувствовала, что это был не он; девушка знала его шаги. Она слегка приподняла веки и взглянула на посетителя из-под длинных ресниц. Оказалось, что пришел не Мейер и не ее отец, а старый Мамбо.

– Привет тебе, госпожа! – мягко сказал он, улыбаясь мечтательными глазами, хотя его старое лицо под тысячами морщинок оставалось неподвижным. – Я принес тебе молоко. Выпей: оно свежее, а тебе нужно подкрепиться.

Она взяла странный сосуд и осушила до последней капли; ей казалось, что она еще никогда не пробовала ничего вкуснее.

– Хорошо, хорошо, – прошептал Молимо, – теперь ты опять поправишься.

– Да, конечно, – ответила она, – но, Боже мой, что с моим отцом?

– Не беспокойся, он еще болен, но тоже окрепнет. Ты скоро увидишь его.

– Расскажи мне все, что случилось, отец, – проговорила Бенита, и старый жрец, которому нравилось, когда она называла его так, снова улыбнулся глазами и прошел в уголок палатки.

– Вы уехали; ты помнишь, что вы хотели уехать? Хотя я предсказал тебе, что вы вернетесь. Вы отказались послушаться моей мудрости и уехали, и я узнал, как вы спаслись от отряда. В ту ночь после захода солнца, видя, что вы не вернулись, пришел Черный... Да, да, я говорю о Мейере! Мы так называем его за цвет бороды и... – прибавил он, – зацвет его сердца. Он прибежал вниз и спросил, где вы; тогда я дал ему письмо.

Он прочитал его и прямо обезумел, проклинал вас на своем языке, бросался на землю, схватил ружье и хотел застрелить меня, но я сидел неподвижно и спокойно смотрел на него, так что он, наконец, затих. Потом он спросил меня, зачем я таким образом подшутил над ним, но я ответил, что это не моя вина, что я не мог удержать в плену тебя и твоего отца против вашей воли, что мне кажется, ты уехала, так как боялась его, что это неудивительно, если он таким образом говорил и с тобой. Я, как врач, сказал ему, что он сойдет с ума, если не сделается осторожнее, что я уже вижу безумие в

его глазах. Он совсем успокоился, потому что моя слова его испугали. Потом он спросил, что можно сделать, а я ответил, что в эту ночь ничего, потому что вы уже, конечно, далеко и гнаться за вами бесполезно, что гораздо лучше двинуться вам навстречу, когда вы будете возвращаться. Он спросил меня, почему я говорю о вашем возвращении, а я повторил, что вы, конечно, вернетесь среди больших опасностей, хотя вы и не поверили мне, когда я уверял, что знаю о вашем возвращении так, как мне это открыл Мунвали, мой отец.

Я послал разведчиков. Прошла первая ночь, прошел следующий день и следующая ночь, а мы сидели и ничего не делали, хотя Черный хотел отправиться один за вами. На следующее утро, на заре, пришел один из посланных разведчиков и сказал, что его братья, спрятанные на вершинах гор и в других местах на протяжении многих, многих миль, передали ему, что матабельские воины, уничтожив еще одно племя макалангов в низовьях Замбези, теперь шли на Бомбатце. Днем пришел другой лазутчик: он сказал, что воины матабелов окружили вас, но что вы прорвались через их ряды и, спасая свою жизнь, скачете к крепости. Тогда я выбрал пятьдесят лучших из наших воинов и, отдав их под начальство Тамаса, моего сына, отправил в засаду среди скал горного прохода, потому что мы, люди не воинственные, не осмеливаемся сражаться с матабельскими воинами в открытой долине.

Черный пошел с ними и когда увидел, как велика ваша

беда, хотел броситься вниз навстречу матабелам, потому что он очень храбрый человек. Но я сказал Тамасу: «Нет, не старайся сражаться с ними на открытом месте, там они, конечно, убьют тебя». Кроме того, госпожа, я был уверен, что вы не успеете подняться на гребень прохода. И вы поднялись, хотя вас от смерти отделяла только былинка: мои дети стреляли из новых ружей и, так как место было узко, они не могли давать промахов и убили многих из этих гиен-амандабелов. Но убивать матабелов все равно, что ловить блох на собачьей спине; их всегда остается большое количество. Впрочем, это все же помогло: тебя и отца благополучно принесли в крепость, и мы не потеряли ни одного человека.

– А где же теперь матабелы? – спросила Бенита.

– Подле наших стен стоит целое войско – три тысячи человек или еще больше, под командой предводителя Мадуны, человека высокой крови, жизнь которого ты спасла, хотя после того он гнался за тобой, как за антилопой.

– Может быть, он не знал, кто это был, – предположила Бенита.

– Может быть, – ответил Молимо, потирая подбородок, – потому что в таких случаях даже матабел обыкновенно держит слово, а ты помнишь ведь, что он обещал тебе жизнь за жизнь. Во всяком случае, они беснуются пред стенами, как львы, и мы отнесли вас на вершину горы, чтобы защитить от них.

И старый жрец, отступая, вышел из палатки, то и дело

останавливаясь, чтобы поклониться Бените.

Через некоторое время пришел Клиффорд; он очень ослабел и тяжело опирался на палку. С восторгом встретились отец с дочерью, они обнялись и поблагодарили Бога за свое спасение от великой опасности.

– Ты видишь, Бенита, нам нельзя уехать из этого места, – немного успокоившись, сказал Клиффорд. – Мы должны найти золото.

– Ах, это золото, – с силой ответила молодая девушка, – одно это слово мне ненавистно. Кто может думать о золоте, когда подле крепости ждет толпа матабелов в три тысячи человек, чтобы убить?

– Я почему-то не боюсь их, – сказал старик, – у них была возможность уничтожить нас, и они ее пропустили, а макаланги клянутся, что теперь, получив ружья, при помощи которых можно охранять ворота, они не позволят взять крепость штурмом. А между тем, одного человека я боюсь.

– Кого?

– Джекоба Мейера. Я несколько раз видел его, и мне все кажется, что он сходит с ума.

– Почему это кажется тебе?

– Сужу по его наружности. Он сидит, что-то бормочет, и его странные черные глаза так и горят; потом он начинает стонать, иногда же раздражается взрывами хохота. Правда, это бывает, когда с ним случается странный припадок, а иногда он кажется довольно нормальным. Но поднимись, если

можешь, и суди сама.

– Нет, не хочу, – слабым голосом ответила Бенита. – Отец, я его боюсь, боюсь больше, чем когда бы то ни было. О, почему ты не позволил мне остановиться там, внизу, между махангангами, а принес опять сюда, где нам придется жить с этим ужасным человеком!

– Я хотел это сделать, дорогая, но Молимо сказал, что здесь мы будем в большей безопасности, и приказал своим дикарям отнести тебя наверх, а Джекоб поклялся, что если тебя не отнесут к святилищу, он меня убьет. Теперь ты понимаешь, почему мне кажется, что он сошел с ума.

– Но зачем это ему? Зачем? – задыхаясь, прошептала Бенита.

– Один Бог знает, – ответил старик со стоном, – однако мне кажется, он уверен, что мы не найдем золота без тебя, так как Молимо сказал ему, что сокровище предназначено тебе, одной тебе. Джекоб говорит, что старик обладает даром ясновидения или чем-то в этом роде. Ну, я по его глазам видел, что он готов убить меня, поэтому решил лучше подчиниться, чем оставить тебя в Бомбатце одну, большую. Конечно, был один способ...

Клиффорд остановился.

Молодая девушка посмотрела на отца и спросила:

– Какой?

– Застрелить его раньше, чем он выстрелил бы в меня, – еле слышным шепотом ответил старик. – Застрелить ради

тебя, дорогая... Но я не мог заставить себя это сделать.

– Нет, – вздрагивая, сказала Бенита, – нет! Лучше умереть, чем знать, что его кровь на нас. Теперь я поднимусь и постараюсь не выказывать страха. Я уверена, что это лучше всего, и может быть, нам удастся все-таки как-нибудь спастись. А до поры до времени будем угождать ему и стараться делать вид, что продолжаем отыскивать этот ужасный клад.

Бенита встала и почувствовала себя немногим хуже обыкновенного: только во всех членах она ощущала напряжение и усталость. Увидев костер и посуду, молодая девушка стала с помощью отца готовить ужин. Мейера не было вблизи.

Однако к вечеру он все же пришел, как и ожидала Бенита. Несмотря на то что она сидела спиной к нему и не слышала шума его шагов, мисс Клиффорд почувствовала его присутствие; ей показалось, будто какая-то холодная тень упала на нее. Молодая девушка обернулась и увидела Джекоба.

Он стоял выше ее на большой гранитной глыбе; его мягкие кожаные сапоги позволяли ходить без шума; вообще Мейер умел двигаться, как кошка. Последние лучи заходящего солнца падали прямо на него, и его тонкая нервная фигура вырисовывалась на фоне неба, и в ярком красном свете заката он, действительно, казался страшным. Джекоб походил на пантеру, готовую сделать прыжок; глаза его светились, как у пантеры, и Бенита чувствовала, что она – назначенная жертва. Но, вспомнив свое решение не показывать ему страха, она спокойно сказала:

– Добрый вечер, мистер Мейер. О, я вся так окаменела, что не могу повернуть голову, чтобы посмотреть на вас.

И она засмеялась.

Он опять-таки, как пантера, мягко соскочил со скалы и остановился напротив молодой девушки.

– Вы должны благодарить Бога, в которого верите, – сказал он, – за то, что в настоящую минуту на равнине не лежат окаменелые ваши останки, которые уничтожили бы шакалы.

– Я благодарю его, мистер Мейер, а также и вас – вы поступили храбро, выйдя из крепости нам на помощь.

Отец, – позвала она, – приди и скажи мистеру Мейеру, как мы благодарны ему.

Клиффорд, прихрамывая, вышел из своей хижины под деревом и заметил:

– Я уже сказал ему это, дорогая.

– Да, – ответил Джекоб, – вы уже говорили мне это; зачем повторяться? Я вижу, что ужин готов. Закусим, вероятно, вы голодны, а позже я скажу вам кое-что.

Они сели ужинать; впрочем, ни у кого не было большого аппетита. Мейер еле дотронулся до еды, зато пил много: сначала крепкий черный кофе, а потом сыворотку и воду. Но Бените он предлагал самые лучшие куски и не спускал с нее глаз, замечая, что она должна есть побольше.

– В противном случае вы подурнеете, и ваша сила исчезнет, – говорил он. Бенита подумала о волшебных детских сказках, в которых людоеды кормят принцесс, чтобы позже

проглотить их.

– Вы должны думать о вашей собственной силе, – сказала она, – вы не можете жить одним кофе.

– Только кофе и нужен мне сегодня. С минуты вашего возвращения я изумительно хорошо чувствую себя, еще никогда я не сознавал себя таким здоровым и сильным. Я могу работать за троих и не уставать. Например, весь этот день я носил провизию и другие вещи на стену (ведь мы должны приготовиться к долгой осаде), а между тем мне кажется, будто я не поднял ни одного ведра. Теперь мне нужно сказать вам кое-что. С вашей стороны было не очень-то хорошо бежать и бросить меня; это было даже нечестно. Право, – прибавил он с внезапным порывом свирепости пантеры, – если бы дело шло только о вас, Клиффорд, откровенно говорю, что при первой же новой встрече с вами, я застрелил бы вас. Изменники заслуживают смерти! Разве неправда?

– Пожалуйста, не говорите так с моим отцом, – сурово ответила Бенита, гнев которой победил ее страх. – Кроме того, вы можете упрекать меня, а не его.

– Повиноваться вам – удовольствие, – с поклоном ответил Джекоб. – Я никогда больше не вернусь к этому разговору. И я не жалею на вас. Разве может кто-нибудь упрекать вас? Во всяком случае, не я, Джекоб Мейер. Я вполне понимаю, что вам было здесь тяжело, и дамы имеют право исполнять свои прихоти. Кроме того, вы вернулись, – так зачем же говорить обо всем этом? Только послушайте, я твердо знаю од-

но: вы не уедете из Бомбатце без меня. Я перенес сюда все запасы пищи и теперь уверен, что вы не убежите... Если вы завтра утром пойдете осматривать стену, вы увидите, что никто не может подняться на нее; более того: что никто не сможет спуститься с нее. Кроме того, для большей уверенности, я буду теперь спать сам подле лестницы.

Бенита молча переглянулась с отцом.

– Молимо имеет право приходить к нам, – сказала она. – Это его святилище.

– Ну, ему придется совершать свои моления там, внизу. Старый глупец твердил, что ему все известно, однако он не угадал, что я собирался сделать! Вдобавок, ведь мы совсем не желаем, чтобы он врвался в нашу интимную жизнь, правда? Не то он увидит золото, когда мы его найдем, и чего доброго, ограбит нас.

Глава XVII. Первый опыт

Несколько времени Бенита молчала. Негодование наполняло ее, блесело в ее глазах. Она внезапно обернулась к Джекобу, который сидел, покуривая трубку и наслаждаясь смущением отца и дочери.

– Как вы осмелились говорить так с нами, – сказала она вдруг севшим голосом. – Как смеете вы, трус?

Слыша в ее голосе презрение и гнев, он на мгновение смутился, потом оправился и приготовился возражать с видом человека, предвидящего борьбу, от исхода которой зависит его дальнейшая судьба.

– Не сердитесь на меня, – сказал он, – я не могу выносить этого. Мне больно от ваших слов, вы и не знаете, как больно. Хорошо, я скажу вам, скажу при вашем отце. Я решаюсь на все, да – на все... конечно, только ради вас.

– Потому что вам кажется, будто благодаря мне вы отыщете клад, о котором грезите днем и ночью, мистер Мейер.

– Да, – быстро прервал он, – потому что в вас я найду сокровище, о котором грежу днем и ночью, и потому, что это сокровище сделалось необходимо для моей жизни...

Бенита быстро повернулась к отцу, который раздумывал о значении слов Джекоба, но раньше, чем заговорил старик или молодая девушка, Мейер провел рукой по лбу, точно во сне, и продолжал:

– О чем я говорил? Клад... да, бесценный клад из чистого золота, который лежит до того глубоко, что его необыкновенно трудно отыскать и овладеть им; да, я говорил о бесполезно зарытом кладе, который принес бы столько радости и блеска нам обоим, если бы только до него можно было добраться. Тогда я стал бы пересчитывать его всю жизнь, монета за монетой, кусок за куском...

Он снова помолчал немного, потом продолжал:

– Мисс Клиффорд, вы вполне правы. Я потому решил сделать вас пленницей, что, как сказал старый Молимо, золото принадлежит вам, и я хочу его добыть. Но мне кажется, его нельзя найти, ведь я работал так усердно, – и он посмотрел на свои покрытые рубцами руки.

– Именно так, мистер Мейер, его нельзя найти, и потому лучше отпустите нас к макалангам.

– Нет, есть способ добыть его, есть способ... Вы знаете, где лежит золото, и можете сказать мне это.

– Если бы знала, я тотчас же указала бы вам место, где зарыт клад, мистер Мейер, потому что тогда вы достали бы его, и ваш союз с отцом распался.

– Нет, раньше пришлось бы разделить клад до последней унции, до последней монеты! Только прежде... прежде всего вы должны мне показать его, как обещаете... Вы можете сделать это.

– Как, мистер Мейер? Ведь я же не волшебница.

– Нет, волшебница. Раз вы дали мне обещание, я ска-

жу вам, каким образом выполнить это. Слушайте меня оба. Я знаю многие тайны и по вашему лицу угадал, что у вас есть особый дар... Дайте мне заглянуть в ваши глаза, мисс Клиффорд: вы тотчас же заснете спокойным, тихим сном и, не просыпаясь, без малейшего вреда для себя, увидите, где скрыто золото и скажете нам.

– Я не понимаю вас, – прошептала Бенита.

– А я понимаю, – сказал Клиффорд. – Вы хотите загипнотизировать ее, применить к ней месмеризм, как тогда к зулусскому вождю?

Бенита хотела ответить, но Мейер не дал ей говорить.

– Погодите, – сказал он, – не отказывайте мне. Вы одарены чудной способностью ясновидения, удивительной, редкой способностью. Неужели вы будете так себялюбивы, так жестоки, что откажете мне в моей просьбе, хотя в течение одного часа можете обогатить всех нас, не пострадав нисколько?

– О, – ответила Бенита, – я отказываюсь отдать свою волю в руки какого-либо живого человека, а меньше всего в ваши руки, мистер Мейер!

С жестом отчаяния Джекоб взглянул на ее отца.

– Вы не можете убедить ее, Клиффорд?

– Нет, – ответил Клиффорд, – не могу, да если бы и мог – не захотел бы. Бенита права, я тоже ненавижу все странное, сверхъестественное. Если мы не можем найти золото без таких средств, нам нужно оставить его в покое, вот и все.

Мейер отвернулся, чтобы скрыть свое лицо, потом снова посмотрел на отца и дочь и мягко, кротко сказал:

– Кажется, я должен подчиниться вашему решению. Но скажите, мисс Клиффорд, не желая подчиняться какому-либо живому человеку, вы включили в число этих людей и вашего отца?

Она отрицательно покачала головой.

– В таком случае, позволите ли вы ему попробовать вызвать в вас месмерический сон?

– О, конечно, если этого ему захочется, – сказала Бенита, смеясь, – но я не думаю, чтобы опыт оказался удачным.

– Хорошо, завтра увидим. Теперь же я, как и вы, устал. Я отправлюсь спать на свое новое место подле заваленного прохода к лестнице, – многозначительно прибавил он.

– Почему ты так противишься всему этому? – спросил Бениту отец, когда Мейер ушел.

– О, – ответила она, – разве ты не видишь, не понимаешь? В таком случае, трудно объяснить тебе все, но я скажу... Сначала мистер Мейер хотел только золота, теперь он во что бы ни стало задумал жениться на мне. А я его ненавижу. Именно поэтому я и бежала... Я много читала о месмеризме, и – кто знает? – если я раз позволю ему подчинить мой ум, может быть, продолжая ненавидеть его, я превращусь в его рабыню.

– Да, понимаю, – сказал мистер Клиффорд. – Ах, зачем, зачем я привез тебя сюда? Право, было бы лучше, если бы я

никогда больше не встретился с тобой!..

На следующий день приступили к опыту. Мистер Клиффорд попробовал месмеризировать свою дочь. Все утро Джекоб, как оказалось, практически знавший это сомнительное искусство, старался передать старику нужные сведения. Во время урока Мейер рассказал Клиффорду, что в былые дни он имел большую силу в этой области и в течение короткого времени пользовался ею как профессиональный месмеризатор, но бросил это занятие, так как, по-видимому, оно вредило его здоровью. Клиффорд заметил, что прежде он никогда не рассказывал об этом.

– О многом я не рассказывал вам, – возразил Джекоб с легкой таинственной улыбкой. – Вот, например, однажды я месмеризировал вас, хотя вы этого не знали, и поэтому-то вы всегда исполняете мои желания, кроме тех случаев, когда подле вас ваша дочь: ее влияние на вас еще сильнее моего. Клиффорд пристально посмотрел на Джекоба.

– Немудрено, что Бенита не хочет позволить вам усыпить ее, – отрывисто спросил он.

Джекоб понял свою ошибку.

– Вы лежковернее, чем я думал, – сказал он. – Как я мог месмеризировать вас без вашего ведома? Я пошутил.

– Мне казалось, что вы не шутите, – возразил Клиффорд.

Урок продолжался. Это происходило в самой пещере. Мейер думал, что там влияние силы окажется действеннее. Бенита, которую немного забавляла эта церемония, сидела

на каменных ступенях под распятием. Одна лампа горела на алтаре, две по обе стороны от нее.

Клиффорд стоял против дочери; он пристально смотрел на нее и, по указанию Джекоба, делал таинственные пассы. Он казался до того смешным при этом, что Бенита с величайшим трудом сдерживала смех. Только такое действие и произвели на нее его гримасы и жесты, хотя наружно она сохраняла торжественный вид и время от времени закрывала глаза, чтобы ободрить отца. Раз, когда девушка снова подняла веки, он увидела, что старику страшно жарко, и что он очень устал. Джекоб же смотрел на него с такой неприятной настойчивостью, что Бенита снова закрыла глаза, не желая видеть его лица.

Вскоре после этого она почувствовала, будто что-то нежное, неуловимое закралось в ее мозг, что-то баюкало ее, как звук материнской колыбельной песни в прошедшие годы. Ей представилось, что она путешественник, заблудившийся в альпийских снегах, что ее окружает снег, все падает и падает мириадами хлопьев, и что в каждом из них маленькая огненная сердцевина. Ей вспомнилось, что засыпать под снегом опасно, что жертве снега нужно подняться, так как в противном случае она умрет.

Бенита поднялась вовремя, как раз вовремя. Теперь она стояла на краю пропасти, куда принесли ее крылья лебедей, под ее ногами зияла темная бездна, и в ее глубине бродили темные фигуры с лампочками, в которых должны были го-

реть их сердца. О, до чего отяжелели ее веки. На них, конечно, висели гири, золотые гири... Вот глаза открылись, и она увидела, что ее отец перестал делать движения, он отирал лоб красным носовым платком, но за ним стоял Мейер, вытянув вперед неподвижные руки и устремив на ее лицо пылающий взгляд. Сделав усилие, Бенита вскочила и потрясла головой, как собака.

– Довольно глупостей! – сказала она. – Я устала, – и, схватив одну из ламп, молодая девушка побежала из подземелья.

Бенита думала, что Джекоб Мейер сильно рассердился на нее, и готовилась к сцене. Но ничего подобного не случилось.

Вскоре она увидела отца и Мейера; они подходили к ней, по-видимому, занятые дружеским разговором.

– Любовь моя, мистер Мейер говорит, что я совсем не мессмерист, – сказал ей отец. – И я верю ему. Тем не менее это утомительно. Я устал не меньше, чем после нашего бегства от матабелов.

Бенита засмеялась и ответила:

– Судя по последствиям, я с тобой согласна. Оккультизм не твое дело, отец. Лучше брось все это.

– Значит, вы ничего не чувствовали? – спросил Мейер.

– Ровно ничего, – ответила она, глядя ему прямо в глаза. – Впрочем нет, мне было очень скучно и неприятно видеть, что мой отец стал смешным. Серые волосы и подобные глупости плохо сочетаются.

– Да, – ответил Мейер, – я согласен с вами.

На этом и прервался разговор.

Несколько дней Бенита, к своему удовольствию, не слышала больше разговоров о месмеризме. Другие обстоятельства занимали их. Матабелы, которым надоело маршировать вокруг крепости и петь бесконечные военные гимны, решили идти на приступ. Со своего поста на стене белые могли видеть, как дикари готовились к нападению. Матабелы нарубили деревьев, притащили их издалека и принялись строить грубые лестницы; разведчики расхаживали повсюду, отыскивая слабые места крепости. Когда они подходили слишком близко, макаланги стреляли в них; некоторых убивали, остальные возвращались в лагерь, раскинутый недалеко, в маленькой впадине.

На третье утро после попытки Клиффорда месмеризировать Бениту, молодая девушка проснулась на рассвете от звуков выстрелов и криков. Она быстро оделась и подбежала к той части стены, из-под которой несся шум.

На ее гребне она увидела Клиффорда и Джекоба, которые сидели со своими ружьями в руках.

– Эти несмышленные люди ведут атаку на малые ворота, через которые вы уехали, мисс Клиффорд. Лучшего места для нападения они не могли выбрать, хотя стена там кажется слабой, – сказал Джекоб. – Если эти макаланги ловки, они дадут им хороший урок.

Вскоре поднялось солнце; при его свете белые увидели отряды матабелов, несших лестницы. Окруженное утренним

туманом их полчище тянулось далеко и пропадало за холмом. По эти отрядам Джекоб и Клиффорд открыли огонь, но результатов своих выстрелов они не могли видеть из-за дымки. Вскоре громкий крик показал, что враги дошли до рва и поднимали лестницы. До сих пор макаланги, по-видимому, ничего не делали, теперь же начали быстро стрелять со старинных бастионов, поднимавшихся над проходом, который старались штурмовать матабелы. Вскоре сквозь редевший туман наблюдатели увидели раненых матабелов, которые ползли обратно к своему лагерю. Джекоб превращал их в свою цель.

А вся старинная крепость гудела от ужасного шума нападения.

Судя по военным крикам, матабелы старались подняться на стену и снбва были отбиты частым ружейным огнем. Раз пронесся торжествующий вопль; казалось, враги одержали победу. Ружейные выстрелы почти замолкли. Бенита побледнела от страха.

– Эти трусы макаланги бегут, – пробормотал Клиффорд, прислушиваясь в ужасной тревоге.

Растянувшись на гребне стены и положив ружье на камень, он выждал, чтобы матабел, наблюдавший за постройкой лестниц, показался на открытом месте; в эту минуту он прицелился и выстрелил. Воин, белобородый дикарь подпрыгнул в воздухе и упал на спину.

Но, очевидно, мужество вернулось к защитникам Бом-

батце, потому что ружья защелкали громче и непрерывнее прежнего, и дикий вопль матабелов: «Смерть, смерть, смерть» – стал тише и замер в отдалении. Через пять минут неприятели отступили, унося с собою убитых и раненых, или положив их на лестницы.

– Наши друзья макаланги должны благодарить нас за доставленное им оружие, – сказал Джекоб, наскоро заряжая ружье и отправляя пулю за пулей в самые густые группы матабелов. – Без нашей помощи враги перерезали бы их, – прибавил он, – потому что они не смогли бы остановить дикарей копьями.

– Да, и нас тоже, – сказала Бенита с дрожью, потому что вид отчаянной борьбы и страх при мысли о том, как она могла окончиться, отнимали у нее силы. – Слава Богу, кончено! Может быть они откажутся от штурма и уйдут.

Однако несмотря на большие потери (матабелы потеряли около ста человек), дикари, боявшиеся вернуться к себе в Булавайо без победы, и не думали отступать. Они только срезали порядочное количество кустов и перенесли лагерь почти на самый берег реки, расположив его так, что пули белых людей не могли больше достигать его. Тут они засели в надежде голодом заставить гарнизон выйти из Бомбатце или придумать другое средство овладеть крепостью.

Теперь уже Мейер не мог стрелять, так как не в кого было целиться, а потому все свое внимание он сосредоточил на поисках клада.

Не найдя ничего в пещере, Джекоб обыскивал площадку, которая была покрыта травой, деревьями и развалинами. В наиболее крупных из этих развалин искатели начали копать, и были вознаграждены, найдя довольно много золота в виде бус и других украшений; отыскиали они также несколько древних скелетов. Но португальского клада не было и следа. Джекоб и Клиффорд день ото дня становились мрачнее; наконец, почти перестали разговаривать между собой. Досада Джекоба ясно выражалась на его лице; Бениту переполняло отчаяние; она видела, что невозможно убежать от этого тюремщика, как и от матабелов, окружавших крепость внизу. Кроме того, у нее была и другая причина беспокоиться.

Нездоровье, давно угрожавшее Клиффорду, теперь разыгралось серьезно; он вдруг состарился, потерял всякую силу и энергию, и его мучило страшное раскаяние в том, что он привез дочь в это ужасное место; он положительно не мог думать ни о чем, кроме судьбы, которая грозила ей. Напрасно Бенита старалась его поддержать. Он ломал руки и стонал, прося, чтобы Бог и Бенита простили его. Господство Мейера над ним к этому времени стало также очевиднее. Клиффорд почти со слезами упрашивал Джекоба открыть проход в стене и позволить ему с дочерью спуститься к макалангам. Он старался даже подкупить его, предлагая ему свою долю клада, если он найдется, а если старания отыскать золото не увенчаются успехом, то часть своего имени в Трансваале.

Но Джекоб грубо ответил ему, посоветовав не быть безум-

цем, так как им предстояло оставаться вместе до конца.

Мейер теперь часто уходил поразмышлять наедине, и Бенита заметила, что при этом он всегда брал с собой револьвер или ружье. Он, очевидно, боялся, чтобы ее отец не застал его врасплох и не убил.

Одно утешало молодую девушку: хотя Джекоб постоянно следил за ней, он перестал ей надоедать своими загадочными и любовными речами. Мало-помалу она даже стала думать, что все эти мысли исчезли у него.

Прошла неделя со времени атаки матабелов; ничего не случилось. Макаланги не обращали на них внимания. Старый Молимо ни разу не поднялся на гребень стены и вообще не старался повидаться с ними; это было странно, и молодая девушка, знавшая, как старик расположен к ней, наконец, решила, что он умер или, может быть, убит во время приступа. Джекоб Мейер перестал делать раскопки, он по целым дням сидел, бездействуя, и только думал.

Ужин прошел самым жалким образом; во-первых, почти все запасы истощились, и еды было очень мало, во-вторых, никто не произнес ни слова. Бенита не могла проглотить ни куска, ей опротивело сушеное на солнце мясо упряжных волов, а с тех пор, как Мейер заложил проход, у них не было ничего другого. К счастью, кофе оставалось много, и она выпила две чашки этого горячего напитка, который сварил Джекоб и очень любезно подал ей. Кофе показался ей очень горек, но Бенита сказала себя, что он невкусен, так как они

пили его без молока и сахара. Ужин окончился; Мейер поднялся, поклонился, пробормотал, что он идет спать; через несколько мгновений мистер Клиффорд тоже ушел. Бенита отправилась за отцом к хижине под деревом, помогла старику снять сюртук (теперь даже это уже было трудно ему), попрощалась с ним и вернулась к костру.

Она чувствовала себя очень одинокой; ни одного звука не доносилось ни из лагеря матабелов, ни снизу от макалангов; яркий месяц населял все это место фантастическими тенями, которые казались живыми. Бенита немного поплакала, потом тоже пошла спать. Она чувствовала, что подходит конец. Потом ее глаза странно отяжелели, до такой степени, что, не успев раздеться, она заснула – и все исчезло для нее.

Если бы Бенита лежала без сна, как это часто случалось с ней, она услышала бы легкие шаги и увидела бы, что к ней подкрадывается человек с горящими глазами, вытянутые руки которого делали таинственные пассы. Но она ничего не слышала, ничего не видела. Опоенная снотворным наркотическим средством, она не могла знать, что ее сон мало-помалу превращался в транс. Она не сознавала, что поднялась, набросила на свое легкое платье плащ, зажгла лампу и, повинуясь движению пальцев Мейера, выскользнула из палатки. Она не слышала, как ее отец, шатаясь, вышел из своей хижины, потревоженный звуком шагов, не слышала также, что он говорил с Джекобом Мейером, пока она стояла перед ними с лампой в руках, точно бессильное привидение.

– Если вы осмелитесь разбудить ее, – прошептал Джекоб, – она умрет, а потом и вы умрете, – и он дотронулся до револьвера за своим поясом. – Теперь же с ней не случится ничего дурного, клянусь. Идите со мной и смотрите. Молчите! Все зависит от нее.

И, подчиняясь странной силе его голоса и взгляда, Клиффорд тоже двинулся за Мейером.

Они прошли по извилистому входу в пещеру, – первым Джекоб спиной вперед, точно герольд перед королевским лицом, потом само это королевское лицо в образе девушки с длинными распущенными волосами и похожей на мертвую, в плаще и с лампой в руке, и, наконец, старый, белобородый человек, напомнивший Время, провожающее в могилу Красоту. Теперь они были в большой пещере и, миновав открытые могилы, отверстие колодца и алтарь, остановились подле креста.

– Сядьте, – сказал Мейер, и Бенита опустилась на ступени у подножия распятия.

Глава XVIII. Пробуждение

Бенита отвечала на вопросы Мейера, говорила, что она спит, говорила странные вещи о погибших людях в пещере, но великой тайны не открыла, и потому Джекоб Мейер не решился разбудить ее. Он все надеялся на средство, к которому прибегнул. Однако, Клиффорд не колебался; усыпленная перестала отвечать; старик увидел, как страшно изменилось ее лицо, как голова опустилась вперед на колени, и услышал, что, не приходя в себя, погруженная в транс, она прошептала: «Я умираю». Клиффорд видел, что жизнь Бениты в опасности, и это довело его до безумия. На мгновение мужество и сила вернулись к нему. Одним прыжком он очутился подле Мейера, одной рукой схватил его за горло, а другой вытащил из-за пояса нож.

– Сатана! – задыхаясь, прошептал Клиффорд. – Разбудите ее, или умрете вместе с нею! – И он поднял нож.

Джекоб уступил. Отбросив нападающего, он подошел к Бените и начал делать движения руками вверх, шепотом произнося повелительные слова. Долгое время они не производили никакого действия на молодую девушку; и Клиффорду, и Мейеру стало казаться, что она умерла. Отчаяние охватило старика, а Мейер до того усердно, с таким бешенством продолжал двигать руками, что пот заструился по его лбу, падая крупными каплями на пол.

О, Наконец-то, наконец она пошевелилась! Ее голова слегка приподнялась, грудь вздохнула:

– Слава Богу, я ее спас, – прошептал Джекоб по-немецки и продолжал двигать руками.

Вот глаза Бениты открылись; она поднялась на ноги и вздохнула, но не сказала ни слова и, точно спящая, пошла к выходу из пещеры. Ее отец двигался перед вею с лампой в руках.

Она вышла из подземелья и направилась прямо к своей палатке, где тотчас же бросилась на постель и заснула глубоким сном. Казалось, сила лекарства, которая на время была побеждена более могучей силой Джекоба, снова воскресла.

Мейер некоторое время смотрел на нее, потом сказал Клиффорду:

– Не пугайтесь и не беспокойте ее. Утром она проснется самым естественным образом.

Следующие три дня Бенита прожила в постоянном страхе, опасаясь, что Мейер опять подложит в ее пищу или питье снотворное средство и, усыпив, начнет месмеризировать ее. Стараясь защититься от первой опасности, она не брала в рот ничего, что побывало подле Джекоба. Спала оза в хижине отца, старик ложился близ входа, поместив подле себя заряженное ружье, Клиффорд сказал Джекобу, что если он застанет его за новой попыткой месмеризма, он его застрелит, однако, молодой человек громко засмеялся над этой угрозой: он совсем не боялся Клиффорда.

В течение долгих ночных часов старик и Бенита караулили попеременно. То спал отец, то она. К не всегда напрасно прислушивалась молодая девушка: раза два, по крайней мере, она слышала крадущиеся шаги подле хижины и чувствовала страшное влияние Джекоба. Тогда она будила отца и шептала ему:

– Он здесь, я слышу, он здесь.

К тому времени, когда старик с трудом поднимался на ноги (он сильно слабел и страдал от острого ревматизма), все исчезало. Только из темноты до него доносились звуки удаляющихся шагов и чей-то тихий смех.

Так прошли эти тяжелые дни; наступило третье утро, утро страшной среды. В эту ночь ни Бените, ни ее отец не сомкнули глаз и перед зарей стали долго и серьезно говорить о своем положении; они хорошо понимали, что приближался кризис.

– А разве невозможно, отец, убежать? Может быть, проход к лестнице не настолько заложен, чтобы мы не могли спастись.

Клиффорд подумал о своих негнущихся ногах, о боли в спине, покачал головой и ответил:

– Не знаю, Мейер никогда не подпускал меня близко к ней.

– А почему ты не пойдешь посмотреть? Ты знаешь, он теперь встает очень поздно, так как всю ночь не ложится. Возьми бинокль и осмотри стену из старого дома, который стоит

близ нее. Джекоб не увидит и не услышит тебя: если же пойду я, он, конечно, проснется.

– Если хочешь, любовь моя, я попытаюсь; но что в это время будешь делать ты?

– Я поднимусь на конус.

– Но ведь ты же не... – начал он и остановился.

– Нет, конечно, нет. Я не повторю поступка португалки, пока обстоятельства не доведут меня до этого, я просто хочу посмотреть. С конуса можно видеть далеко. Может быть, теперь матабелы уже ушли, в последнее время мы ничего не слышали о них.

Когда стало достаточно светло, они вышли из хижины и расстались. Клиффорд, захватив с собой ружье, прихрамывая пошел к стене, а Бенита направилась к большому конусу.

Матабельского лагеря не было видно, потому что он раскинулся во впадине, почти у подножия крепости. За ним поднимался откос пригорка; может быть, эта легкая возвышенность находилась приблизительно в миле от того места, на котором стояла девушка, и на ее гребне она увидела что-то вроде фуры с верхом, кругом двигались человеческие фигуры. Они кричали: благодаря тишине африканского утра, звуки их голосов долетали до Бениты.

Когда туман разошелся, она ясно рассмотрела фуру, запряженную волами; очевидно, матабелы только что захватили повозку, они окружили ее. Однако в данное мгновение дикари были заняты чем-то другим. Они указывали копьями

в сторону конуса Бомбатце.

И Бенита сообразила, что при ярком свете, на фоне неба, ее, конечно, отлично видели из долины, и что очень вероятно, ее фигура, поднявшаяся как орел между небом и землей, обратила на себя внимание матабелов. Да и не только их; вскоре показался белый человек и поднял что-то, может быть, ружье, может быть, подзорную трубу. По красной фланелевой рубашке и широкополой шляпе на его голове она решила, что это белый – и до чего ее сердце забилося при виде его, кто бы он ни был! Вид ангела в небесах вряд ли бы больше обрадовал Бениту, которая чувствовала себя такой несчастной!

Но нет, она, вероятно, спит и видит сон! Что делать здесь белому и его фуре? И почему матабелы не убили его сразу? Она не могла ответить на этот вопрос, однако, по-видимому, у дикарей не было жестоких намерений; они продолжали размахивать руками и разговаривать, пока белый стоял, подняв свою подзорную трубу, если это была труба. Так продолжалось очень долго; волов отпрягли; пришли еще матабелы и увели белого в свой лагерь, где он скрылся. Теперь, не видя больше ничего, Бенита спустилась с конуса.

У подножия гранитной стены она встретила отца, который пришел за ней.

– Что случилось? – спросил он, заметив ее взволнованное лицо.

– О, – сказала она, – там стояла фура с белым человеком.

Я видела, как матабелы захватили его.

– В таком случае, мне очень жаль беднягу, – ответил Клиффорд, – теперь, конечно, его убили. Но что мог делать здесь белый? Вероятно, это был какой-нибудь охотник, который попался в ловушку.

Лицо Бениты омрачилось.

– Я надеялась, – сказала она, – что он поможет нам.

– С таким же успехом он мог надеяться, что мы поможем ему. Он погиб, и все кончено. Что же? Да будет мир его душе, а нам надо думать о себе. Я осмотрел стену; невозможно уйти. Если бы Мейер был профессиональным каменщиком, он не мог бы лучше заделать проход к лестнице, не удивительно, что мы больше не видим Молимо, теперь только птица могла бы прилететь к нам.

– А где мистер Мейер? – спросила Бенита.

– Он спит, завернувшись в одеяло в маленьком шалаше из ветвей подле лестницы. По крайней мере, мне так показалось, хотя было очень трудно различить его в тени; во всяком случае, я видел его ружье, оно стояло подле дерева.

Ну, пойдем завтракать. Он, конечно, скоро явится к нам.

В первый раз после воскресенья Бенита с удовольствием поела сухарей, размоченных в кофе. Хотя Клиффорд был вполне уверен, что белый уже погиб от матабельских копий, вид этого человека придал ей новые силы; это снова вернуло ее к миру людей. В конце кондов, разве не мог он как-нибудь спастись?

Глава XIX. Неожиданное событие

К ужину неожиданно вернулся Мейер. Он был бледен, но казался здоровым.

– Сегодня утром у меня был какой-то припадок, – объяснил Джекоб, – это последствие галлюцинации, которая расстроила меня, когда моя лампа погасла в пещере. Помню, что мне вообразилось, что я видел привидение, тогда как я прекрасно знаю, что их не существует. Я жертва разочарования, тревоги и других, еще более сильных впечатлений, – прибавил он, глядя на Бениту. – Поэтому, пожалуйста, забудьте все, что я говорил и делал и... вы дадите мне поужинать?

Бенита исполнила его просьбу, и он стал есть молча с удовольствием. Когда Джекоб поужинал, он снова заговорил.

– Я пришел сюда по делу, хотя знаю, что мое посещение неприятно вам. Видите ли: крепость Бомбатце мне надоела, и я нахожу, что пора добиться нашей цели, а именно – отыскать спрятанное золото. Как мы все знаем, этого можно достигнуть только путем ясновидения одного из членов нашего общества и гипнотической силы другого. Мисс Клиффорд, прошу вас позволить мне привести вас в состояние транса.

– А если я откажусь, мистер Мейер?

– Тогда, к сожалению, мне придется прибегнуть к таким средствам, который заставят нас послушаться. Против моего желания я буду вынужден (тут его глаза блеснули диким

блеском), – пожертвовать жизнью вашего отца, упрямство которого, вместе с его влиянием на вас, становится между нами и блестящей будущностью. Нет, Клиффорд, – прибавил он, – не протягивайте руки к ружью, потому что я уже прицелился в вас из револьвера и в то мгновение, когда вы дотронетесь до оружия, я выстрелю. Ах, вы, бедный старик, неужели вы можете представить себе хотя бы на секунду, что вы, больной, слабый, с окостеневшими руками и ногами, в состоянии одолеть мою ловкость, ум и силу? Ведь я мог бы двенадцатью способами убить вас раньше, чем вы успели бы двинуть пальцем и, клянусь Богом, в которого я не верю, я убью вас, если ваша дочь не станет уступчивее.

– Увидим, мой друг, – сказал Клиффорд и засмеялся. – Я не уверен, что Бог, в которого вы не верите, не убьет вас раньше этого.

Бенита подняла голову и неожиданно сказала:

– Прекрасно, мистер Мейер, я согласна. Завтра утром вы попробуете гипнотизировать меня на прежнем месте, то есть в пещере перед крестом.

– Нет, – быстро ответил он. – Это было не там, а здесь, и здесь я буду снова месмеризировать вас.

– Я выбрала то место, – упрямо повторила Бенита.

– А я выбрал другое место для опыта, мисс Клиффорд, и моя воля должна подчинить вашу.

– Вы не согласны, потому что, не веря в духов, все-таки боитесь войти в пещеру, мистер Мейер.

– Не все ли равно, боюсь я или не боюсь? – с бешенством ответил Джекоб. – Выбирайте: хотите ли вы подчиниться моему желанию или рискнуть жизнью вашего отца? Завтра утром я приду за ответом; если вы еще будете упрямитесь, он умрет через полчаса, и вы останетесь наедине со мной. О, вы можете считать меня злым и низким, но не я делаю зло, а вы, вы! Вы принуждаете меня привести в исполнение казнь...

Он вскочил и отошел от них спиной вперед, продолжая целиться в Клиффорда. Вот Джекоб исчез, скрылись из виду и его глаза, которые в темноте горели, как лвиные зрачки.

– Отец, – сказала Бенита, удостоверившись, что Мейер ушел. – Этот сумасшедший, действительно, хочет убить тебя.

– Ничего, дорогая. Я знаю, что не доживу до завтрашнего вечера, если только я не убью его прежде или не сумею как-нибудь спрятаться от него.

– Хорошо, – поспешно сказала Бенита. – Я думаю, тебе удастся спрятаться. Мне пришла в голову одна мысль. Он боится войти в подземелье, я уверена в этом. Спрячемся там. Мы можем взять с собой запасы пищи, а в пещере есть колодец. Ему же, если не пойдет дождь, нечего будет пить.

– Но как же, Бенита? Мы не можем вечно оставаться в темноте?

– Мы останемся там до тех пор, пока не случится чего-нибудь. Что-нибудь должно случиться. Может быть, с ним сделается припадок буйного помешательства, и он убьет себя.

Может быть, он попытается напасть на нас (хотя это маловероятно), и тогда нам придется защищаться от него. Может быть, также откуда-нибудь подоспеет помощь. В худшем случае мы только умрем там, как умерли бы здесь. Надо торопиться, не то, пожалуй, он переменит намерение и опять подкрадется к нам.

Отец и дочь торопливо перенесли свои немногие вещи в пещеру. Сначала они захватили большую часть своего небольшого запаса пищи, три ручные лампы и весь керосин; впрочем, его осталась всего одна жестянка.

Вернувшись из пещеры, они взяли ведро, патроны и свое платье. Позже, не видя никаких признаков Мейера, старик и молодая девушка решились даже унести с собой палатку, чтобы сделать из нее убежище для Бениты, а также заготовленное топливо. Пришлось напрягать силы: обломки дерева были тяжелы, а бедный, больной Клиффорд не мог переносить больших тяжестей. К концу дня Бенита работала уже одна, а Клиффорд только ковылял рядом с нею, держа наготове ружье на тот случай, если бы к ним невзначай пришел Джекоб.

Все было закончено; стрелки часов показывали далеко за полночь, и Клиффорды до того истомились, что несмотря на грозившую опасность, бросились на полотно палатки, лежавшее грудой у подножия креста, и заснули.

Когда Бенита проснулась, лампа погасла, а кругом стояла черная тьма. К счастью, молодая девушка вспомнила, куда

она положила спички и фонарь со вставленной свечой. Она зажгла свечу и посмотрела на часы. Было около шести. Вероятно, там, снаружи, наступил рассвет; часа через два Джекоб Мейер должен был узнать, что они ушли. Что, если бешенство преодолеет в нем страх, и он прокрадется в пещеру?

Ее отец все еще спал; она взяла одну из веревок от палатки, пошла ко входу в пещеру и в конце последней извилины туннеля, в том месте, где когда-то была дверь, привязала ее с одной стороны к каменному выступу, поднимавшемуся дюймов на восемнадцать над полом, а с другой продела в отверстие, высеченное в толще камня, для того, чтобы вставлять в него каменный или железный болт. Она знала, что у Мейера не осталось ни лампы, ни керосина, а были только спички и, может быть, несколько свечей. Значит, если бы он решился войти в пещеру, Джекоб, по всей вероятности, споткнулся бы о веревку, и шум его падения предупредил бы их. После этого Бенита вернулась, вымыла лицо и руки водой, которую достали из колодца, и вообще привела себя в порядок.

Наконец старик проснулся и Бенита очень обрадовалась, что она больше не одна. Отец и дочь позавтракали несколькими сухарями и водой, потом Клиффорд уселся близ входа, держа наготове ружье, а Бенита принялась устраиваться.

Занимаясь устройством нового приюта, она услышала у входа в пещеру шум: это Джекоб Мейер бросился вперед и упал, задев за веревку. Молодая девушка подбежала к отцу, держа в руке фонарь. Старик, подняв ружье, крикнул:

– Если вы войдете сюда, я пушу в вас пулю.

Джекоб ответил, и его голос глухо прозвучал под сводом.

– Я не хочу входить, – сказал он, – я подожду, чтобы вышли вы. Вы долго не проживете в пещере. Ужас темноты убьет вас. Мне остается только сидеть и ждать.

Он рассмеялся; раздался шум его удалявшихся шагов.

– Что нам делать? – с отчаянием спросил Клиффорд. – Без света мы жить не можем, если же у нас будет свет, Мейер, конечно, проползет ко входу и застрелит нас. Теперь он окончательно помешался; я слышу это по его голосу.

Бенита подумала с минуту, потом ответила:

– Нужно заложить проход камнями. Смотри, – и она указала на груды обломков, упавших с потолка от взрыва их мины, и на куски цемента, которые они ломками отбили от пола. – Теперь, – продолжала она, – он в течение нескольких часов не вернется, вероятнее всего, не придет до ночи.

Они принялись работать, и никогда еще не трудилась так Бенита, как в этот день. Те из обломков камней, которые им удавалось поднять, они вместе относили ко входу; другие, потяжелее, подкатывали ломом. Час за часом работали Клиффорды. К счастью для них, проход имел не более трех футов в ширину и шести футов шести дюймов в высоту; материала же у них было много. К вечеру старик и Бенита совершенно завалили туннель, выстроив в нем нечто вроде стены в несколько футов толщиной; изнутри они укрепили свою стену подпорками, которые привязали к остаткам дверных

петель и отверстий для болтов, выбрав эти жердины из стволов деревьев, приготовленных для топлива.

Когда они прикатали и уложили на место продолговатый обломок скалы, который должен был удерживать концы жердей, служивших поддержкой камней, и не давать этим укреплениям скользить по цементному полу, Клиффорд внезапно вскрикнул и сказал:

– У меня страшная боль в спине, Бенита, помоги мне пройти в палатку. Я должен лечь.

Медленно, с большим трудом они отошли в глубь пещеры. Клиффорд опирался на плечо Бениты и на палку, но все-таки еле переступал ногами; в палатке он бессильно упал на одеяло.

С этих пор для Бениты началось ужасное время, самое худшее во всей ее жизни. Отцу делалось хуже с каждым часом.

Прошли три ужасных дня; конец приближался. Хотя Бенита старалась заставить себя есть, но могла с трудом кое-как поддерживать свои силы. Теперь, когда проход был заложен, атмосфера под старым сводом сгущалась, портилась от дыма костра, который ей приходилось зажигать, и душила ее. Недостаток сна истощал силы молодой девушки, она начала сознавать, что для нее и для ее отца приходит конец.

Раз она спала близ больного, и его стоны разбудили ее. Она поднялась, подошла к углям маленького костра, подогрела отвар из сушеного мяса и заставила отца проглотить

несколько ложек этого бульона, потом почувствовала невероятную слабость и сама выпила остаток отвара. Мало-помалу Клифффорд успокоился и снова заснул. Она же стала думать. Но думы ни к чему не привели.

Бенита взяла фонарь и обошла подземелье; выстроенная ими стена была цела и невредима, и, глядя на нее, молодая девушка с завистью подумала, что там, за этими камнями, струился свежий воздух, блестели далекие звезды. Бенита опять вернулась назад, прошла мимо ям, вырытых Джекобом, мимо открытой могилы монаха, наконец, подняв фонарь, поднялась к распятию и осветила увенчанную терновым венком, голову Христа.

Лицо Спасителя было прекрасно изваяно: в нем выражалось глубокое сострадание. Бенита упала на колени, обняв пригвожденные ноги и стала горячо молиться. Она молилась так, как еще никогда в жизни; это успокоило ее и, не отходя от креста, молодая девушка заснула.

Ей приснилось, что она сидит в состоянии транса на этой же самой ступени, и что какой-то голос шепчет ей:

– Обними ноги Христа; двинь их в левую сторону. Ты пройдешь вниз, в комнату, где лежит золото, потом к реке.

Бенита проснулась. Какой странный сок! Бессознательно, не отнимая рук, она потянула ноги изображения в левую сторону, но без всякого успеха. Она сделала вторую попытку. Опять ничего! Это был только сон, конечно, но какой странный сон! В припадке безумного раздражения Бенита напряг-

ла все свои силы и нажала на эти каменные ноги. Они немного отодвинулись. Еще. Совсем повернулись в том месте, где на теле статуи была изображена драпировка. Бенита увидела начало лестницы. Оттуда на нее пахнула свежая, холодная струя. С радостью вдохнула она чистый воздух.

С сильно бьющимся сердцем Бенита вскочила. Потом, схватив свой фонарь, подбежала к палатке, в которой лежал ее отец.

Глава XX. Голос живого

Клиффорд проснулся.

– Где ты была? – недовольным тоном спросил он. – Я тебя ждал. – Потом, когда свет фонаря осветил лицо его дочери, старик заметил в нем перемену и прибавил: – Что случилось? Умер Мейер? Мы свободны?

Бенита покачала головой.

– Несколько часов тому назад он был жив; я слышала, как он кричал и бесновался за стеной. Но мне кажется, что я нашла...

– Что ты нашла? Не помешалась ли ты, как Джекоб?

– Я нашла ход, который ведет к португальскому золоту.

Он начинается за крестом, в том месте, которое никто не подумал осматривать. Я расскажу тебе потом, что случилось...

Вопрос о золоте, по-видимому, совсем не заинтересовал Клиффорда. В его положении все богатства Африки были безразличны. Кроме того, само название проклятого клада, который привел их к такому жалкому концу, было ему ненавистно.

– А куда ведет этот ход? Ты посмотрела? – спросил он.

– Нет. Но он выводит наружу; оттуда дует свежий воздух. Как ты думаешь, ты можешь идти с моей помощью?

Ее отец внимательно посмотрел на нее и сказал:

– Я не могу, любовь моя, подняться на ноги; значит, об этом нечего и говорить. Но ты можешь идти – и уйди.

– Как? Оставить тебя? Никогда!

– Разве ты не видишь, – прибавил старик, – что в этом заключается единственная надежда на спасение? Может быть, ты принесешь мне помощь раньше, чем наступит конец. Очень может быть, что этот проход заканчивается подле стены первой части крепости, там, где стоят лагерем макаланги. В таком случае, ты там отыщешь Молимо, либо, если он умер, Тамаса или кого-нибудь еще, и они придут к нам на помощь. Иди, Бенита, иди тотчас же!

– Я об этом не подумала, – ответила она изменившимся голосом. – Конечно, может быть, ты прав. Во всяком случае, я могу посмотреть, вернуться и сказать тебе.

Бенита поставила подле отца остатки керосина, чтобы он мог долить в лампу, потому что старик еще вполне владел руками. Кроме того, она положила подле больного оставшиеся крошки сухарей, немного сушеного мяса и придвинула к нему ведро с водой. Потом, надев плащ, положила в один из его карманов сушеного мяса, в другой спички и три из четырех оставшихся свечей, четвертую отдала отцу. Когда все было готово, молодая девушка опустилась подле на колени; горячо поцеловала Клиффорда и помолилась, прося Небо сохранить их обоих и дать им возможность свидеться.

Они снова обнялись и поцеловались. Не решаясь говорить, Бенита молча вырвалась из его объятий, прошла через

дверь, устроенную в нижней части креста, и на мгновение остановилась. Потом она положила обломок камня так, чтобы дверь эта не могла сама собой закрыться за нею. Сначала девушке показалось, что часть креста двигалась при помощи какой-то пружины; но теперь увидела другое; каменная глыба опиралась на три каменные же петли. Пыль и окиси, которые заполнили крошечные пространства между дверью и тем, что ее окружало, затрудняли ее движение и в то же время совершенно скрывали от глаз тонкие щели. Дверь была до такой степени хорошо пригнана, что человек, не знавший тайны ее существования, не мог открыть ее, если бы даже искал второго выхода из пещеры в течение многих месяцев или даже многих лет.

В ту минуту Бенита обратила мало внимания на все эти подробности, но позже она увидела, что узкий проход за дверью и ступени, спускавшиеся от него, были сделаны с таким же тщанием и совершенством, как и сама дверь. Очевидно, тайный ход не относился к португальскому периоду.

Держа фонарь в руке, Бенита шла по ступеням, считая их. После тринадцатой оказалась площадка. Здесь она увидела первые следы того клада, который причинил им столько страданий. Что-то заблестело возле ног молодой девушки. Она подняла – это был золотой брусок, весивший две-три унции. Бросив золото, Бенита посмотрела вперед, и к своему отчаянию, увидела железную дверь с деревянными болтами. Однако, они не были задвинуты и, когда девушка надавила

на дверь, она заскрипела на заржавленных петлях и открылась. Бенита стояла на пороге сокровищницы.

Это было квадратное помещение, величиной с маленькую комнату, загроможденное почти до самого сводчатого потолка маленькими мешками из неотделанной кожи. Как раз подле двери лежал один из этих мешков. Он, очевидно, свалился сверху и лопнул. В нем было золото, частью в слитках, частью в самородках; все они, рассыпанные блестящей грудой, валялись на полу перед Бенитой.

Бросив еще один взгляд на все это бесценное, принесшее несчастье сокровище, Бенита ушла; ведь ей хотелось найти золото жизни и свободы для себя и того, кто лежал больной, там, наверху. Что, если лестница здесь и закончилась? Бенита остановилась, огляделась и не различила другой двери. Желая видеть лучше, она остановилась и открыла стекло фонаря. Выхода, казалось, не было, и сердце девушки замерло. Только почему пламя свечи сильно колебалось? И почему так глубоко под землей был свежий воздух? Бенита сделала шаг два вперед и вдруг заметила, что отпечатки ног, по которым она шла, исчезли. Она остановилась.

И вовремя. Сделай Бенита еще один шаг, она упала бы в глубокое отверстие в полу. Когда-то его закрывал камень, но его отодвинули в сторону. Он стоял прислоненный к стене. Бенита обрадовалась: ее слабые руки не отодвинули бы массивной глыбы, даже если бы она разглядела ее под слоем пыли.

Теперь она увидела, что вдоль уходящей вниз стенки бежала другая лестница, тоже из камня, но очень узкая и очень крутая. Бенита без колебаний начала спускаться вниз; сто ступеней, двести, двести семьдесят пять...

Лестница окончилась; молодая девушка очутилась в естественной пещере; ее стены и потолок были составлены из неотесанных камней, и вода сочилась по ним, капала на пол. Пещера была не очень велика, и в ней стоял ужасный запах ила и еще какое-то зловоние. Бенита опять начала осматриваться при слабом свете свечи, но выхода не заметила. Зато тут было нечто другое; молодая девушка наступила на предмет, который приняла за камень, и, к ее ужасу, этот камень двинулся под ней. Она услышала страшный лязг челюстей; резкий удар по ноге чуть не свалил ее, и когда Бенита отскочила, то увидела какое-то громадное безобразное существо, которое бросилось в темноту. Она наступила не на камень, а на крокодила, который жил здесь. С криком ужаса Бенита вернулась на лестницу. Смерти она ждала, но погибнуть в зубах крокодила...

А между тем, стоя и задыхаясь, она вдруг почувствовала благодатную надежду. Если крокодил мог пробраться в этот грот, он мог и выбежать из него, а там, где проходило такое большое животное, могла проскользнуть и женщина; в противном случае крокодил не выбрал бы этого места своим жилищем. Она собралась с духом, захлопала в ладоши, покачала во все стороны фонарем, чтобы отогнать крокодила, кото-

рый мог скрываться в пещере; однако, не увидев и не услышав ничего больше, Бенита опять подошла к тому месту, где она наступила на страшное пресмыкающееся. Очевидно, тут было его ложе, длинное тело животного отпечаталось в иле, а кругом лежали остатки тварей, которых он поедал здесь. Кроме того, маленькая тропинка бежала к отдаленной стенке, – тропинка, по которой заползал сюда крокодил.

Бенита пошла по этому пути; он, по-видимому, вел к сплошной стене.

Заря еще не зажглась, но заходящая луна и звезды светили достаточно. Девушка остановилась и осмотрелась. Над нею громоздилась последняя, внешняя стена Бомбатце, которую всегда омывала река, за исключением периода мелководья.

Бенита осмотрелась кругом, чтобы запомнить местность на тот случай, если ей придется вернуться ко входу в пещеру. Это было нетрудно: там, где отвесная стена утеса немного выдавалась вперед, как раз на том самом месте, куда, по преданиям, упало тело сеньориты Ферейра – из расщелины росла пестрая мимоза. Чтобы видеть след крокодиловой дорожки, молодая девушка пригнула к земле пук тростников; она зажгла несколько фосфорных спичек и бросила их перед собой, чтобы их запах испугал крокодила, если ему вздумается вернуться. Потом она поставила свой фонарь на камень подле отверстия пещеры.

Наконец Бенита двинулась вперед; если бы река была полна воды, это было бы невозможно или пришлось бы плыть.

Теперь же между Замбези и отвесным каменистым краем горы, на которой поднималась большая стена, оставалась узенькая полоска болотной почвы: по ней-то и шла Бенита.

Бенита обогнула угол стены и, наконец, ступила на сухую почву. Невдалеке, как она знала, раскинулся матабельский лагерь. Но в тумане девушка не увидела ни одного дикаря. Вероятно, их костры потухли, и ей удалось случайно проскользнуть между двумя далеко расставленными часовыми... Скорее инстинктивно, чем руководствуясь разумом, мисс Клиффорд направилась к тому бугорку, на котором она видела фигуру белого; в ней шевелилась смутная надежда скова отыскать его там. Она продолжала идти вперед, все вперед – и вдруг натолкнулась на что-то мягкое и теплое; это был вол, привязанный к ярму, за ним виднелись другие, дальше белела крыша фуры.

Значит, они все еще здесь. Но где белый человек? В густом тумане Бенита подползла к белой телеге. Потом, не видя и не слыша ничего, она поднялась на козлы и, раздвинув полы, закрывавшие внутренности фуры, заглянула в нее. Хотя из-за тумана она все еще ничего не видела, но до нее донесся звук дыхания спящего человека. Она тотчас же подумала, что в фуре спит белый; кафры так не дышат. Не зная, что делать, Бенита продолжала стоять на коленях, и белый человек, вероятно, сквозь сон, почувствовал ее присутствие; он прошептал несколько слов. Боже!.. Это были английские слова! Он вдруг зажег спичку и засветил свечу, которая была

вставлена в пивную бутылку. Бенита не могла рассмотреть его лица, потому что он закрывал его рукой. К тому же свеча разгоралась очень медленно. Прежде всего, девушка разглядела дуло револьвера, направленное прямо на нее.

– Ну, мой черный друг, – произнес приятный мягкий голос, – уходите, или я выстрелю. Раз, два... О, Боже!

Свеча разгорелась, осветила бледное и прозрачное, как у эльфа, лицо Бениты и ее длинные черные волосы, которые упали ей на плечи; пламя отразилось в ее глазах. Но она еще ничего не видела, свет ослепил ее.

– О, Боже мой, – произнес голос, – Бенита, Бенита! Может быть, вы пришли позвать меня за собой? О, я готов, моя дорогая, я готов! Что же, теперь вы ответите мне на мой вопрос?

– Отвечу, – прошептала она, сползла вниз и бросилась к нему на грудь.

Она узнала его, наконец. Мертвый он или живой – ей было все равно; она пробралась к нему из недр ада и отыскала свой рай...

Глава XXI. Бенита дает ответ

– Ваш ответ, Бенита? – как бы в забытьи произнес Роберт; все казалось ему грезой.

– Разве я не ответила вам много месяцев тому назад? Ах, помню, я ответила только в сердце, а не вслух, когда случилось несчастье. Но теперь я не могу говорить; я пришла сюда, чтобы спасти отца.

– Где он, Бенита?

– Умирает в пещере наверху, вот в этой крепости. Я спустилась по тайной дороге. Матабелы еще здесь?

– Да, – ответил он, – но случилось многое. Час тому назад мой сторож проснулся и сказал, что от их правителя Лобенгулы явился гонец, и теперь он толкует о новом приказании своего властителя. Вот почему вы смогли пробраться сюда; не то часовые закололи бы вас своими ассегаями, – и он нежно поцеловал ее руку.

Даже в эту минуту, несмотря на истощение, на все свои несчастья, девушка вспыхнула; когда она подняла глаза, в них стояли слезы.

– Благодарю вас. Теперь мне все равно, что случится со мной, а все, что было – ничтожно. Но мы не можем уйти?

– Не знаю, – ответил он, – и сомневаюсь. Подите, посидите на козлах, пока я немного приведу себя в порядок. Потом мы все увидим.

Бенита вышла из фуры. Туман редел. Теперь сквозь его дымку она увидела картину, от которой ее сердце сжалось; между нею и горой Бомбатце виднелись толпы матабелов; огромным потоком лились они к фуре Сеймура, двигаясь по берегу реки. Ее и Роберта отрезали от крепости... Минуты через две к ней подошел Сеймур. Она с беспокойством посмотрела на него. Он казался старше, чем в тот день, когда они расстались на палуба «Занзибара», лицо его стало серьезно и обросло бородой; кроме того, он прихрамывал.

– Я боюсь, что пришел конец, – сказала она, указывая на матабелов.

– Да, по-видимому, так, – ответил он, – но, как и вы, я скажу, разве это важно теперь? – ок взял ее пальчики в свою руку и прибавил: – Будем же счастливы, пока это возможно, будем счастливы, хотя бы на несколько минут.

Они скоро придут сюда.

– Что вы такое? – спросила она, – пленник?

– Да. Я ехал по вашему следу; ведь я был здесь раньше и знал дорогу, Матабелы поймали меня и, по своему обыкновению, собирались убить, но одному из них, поумнее остальных, пришло в голову, что я, как белый человек, может быть, помогу им взять крепость. Я был уверен, что вы тут. Я видел, как вы стояли на вышке, хотя матабелы воображали, будто это дух Бомбатце. Итак, я не думал помогать им, потому что в таком случае... Вы знаете, что бывает, когда матабелы штурмом берут какое-нибудь место. С другой сторо-

ны, зная, что вы еще живы, я тоже не хотел умирать. Поэтому я заставил их работать, сверлить камни асегаями и маленькими острыми топорами. Они проделали углубление в двадцать футов, а по моим расчетам остается сделать ход в сто сорок футов. Прошедшей ночью матабелы нашли, что с них достаточно такого туннеля, и снова заговорили о том, чтобы меня убить, если я не подскажу им другого, лучшего образа действий. Теперь я не знаю, что будет. Ага, вот и они. Спрячьтесь в фуру, скорее!

Бенита повиновалась, но внимательно смотрела и слушала из-за покрытия; матабелы же не могли видеть ее. Подошел отряд, состоявший из вождя и двадцати человек его телохранителей. Вождя этого Бенита знала – это был предводитель Мадуна, человек высокой крови, жизнь которого она спасла. Рядом с ним шел зулус из Наталя, кучер Сеймура, говоривший по-английски; он служил переводчиком.

– Белый человек, – сказал Мадуна, – от нашего повелителя пришел гонец. Лобенгула начинает большую войну, и мы ему нужны. Ок требует, чтобы мы бросили этот пустой поход и перестали биться против трусов, которые скрываются за стенами. В противном случае, мы, конечно, убили бы их всех, всех до одного, хотя бы нам пришлось караулить здесь до глубокой старости. По его повелению, на этот раз мы оставляем их в покое.

Роберт вежливо ответил, что он рад слышать это и желает им доброго пути.

– Пожелай доброго пути себе, белый человек, – послышался суровый ответ.

– Почему? Разве ты хочешь, чтобы я отправился с вами, к Лобенгуле?

– Нет, ты раньше нас уйдешь в крааль властителя, имя которого «Смерть».

И вот в ту минуту, когда рука Роберта двинулась к револьверу, спрятанному под его курткой, Бенита быстро вышла из фуры, в которой пряталась, и стала на козлы рядом с ним.

– О, – вскрикнул Мадуна. – Это белая девушка! Как явилась она сюда? Да, это великое волшебство! Разве женщина может летать, как птица?

Все с изумлением посмотрели на нее.

– Не все ли тебе равно, как я явилась сюда, вождь Мадуна? – по-зулусски ответила Бенита. – Но я скажу, зачем я пришла сюда. Я хочу помешать вам омочить ваши копья невинной кровью и навлечь на свои головы проклятие. Ответь мне, Мадуна. Скажи, кто подарил жизнь тебе и твоему брату, там, вон за этой стеной? Ведь в ту минуту макаланги разорвали бы вас обоих, как гиены разрывают антилопу.

Сделала это я или кто-нибудь другой?

– Инкози-каась, предводительница, – ответил великий вождь, и в виде салюта поднял свое большое копьё. – Ты и никто другой!

– А что ты обещал мне тогда, вождь Мадуна?

– Высокорожденная девушка, я обещал подарить тебе

твою жизнь и вернуть вес тебе принадлежащее, если ты когда-нибудь будешь в моей власти.

– Лжет ли вождь амандабелов, человек высокой крови, как макаланский раб? Делает ли он еще худшее? Говорит ли только половину правды, как обманщик, покупающий и удерживающий половину платы? – с презрением спросила она. – Мадуна, ты обещал подарить мне не одну, а две, две жизни и все добро, принадлежащее двоим.

– Инкози-каась, – сказал Мадуна. – Я дарю тебе жизнь этой белой лисицы, твоего мужа, и надеюсь, что он не обманет тебя, как обманул нас, и не заставит тебя вскапывать камень вместо почвы. – И он с бешенством посмотрел на Роберта. – Я отдаю тебе его, и все, что тебе принадлежит. Ты еще просишь чего-нибудь?

– Да, – спокойно ответила Бенита. – У вас много волов, которых вы отняли у макалангов. Мои уже съедены, а мне нужны животные, чтобы везти мою фуру. Я прошу тебя подарить мне двадцать штук, и, – прибавила она, подумав немного, – еще двух коров с телятами, потому что мой отец болен и ему нужно молоко.

– Дайте ей все это, дайте, – сказал Мадуна с таким трагическим движением руки, которое, при других обстоятельствах, наверно, рассмешило бы Бениту. – Да выбирайте хороших и поскорее, раньше чем она потребует от нас наших щитов и копий, потому что она спасла мне жизнь.

Несколько дикарей тотчас же ушли за коровами, которых

они скоро пригнали.

Пока происходило все это, большое войско матабелов собиралось в низине справа от стоянки фуры. Теперь дикари проходили отрядами, впереди которых шли мальчишки и несли циновки и котлы для варки пищи; многие из них также гнали захваченных овец и крупный рогатый скот. К этому времени история Бениты, белой неуязвимой колдуньи, которая таинственно слетела с вершины утеса в фуру пленника, распространилась между ними. Матабелы узнали также, что именно она спасла их вождя от макалангов; слышавшие, как она говорила, восхищались ее умом и тем, как мужественно она защищала себя и добилась своего. Они шли и мысленно оскорбляли макалангов, смотревших на них с высоты скалы, а перед Бенитой, которая стояла на козлах фуры, в виде приветствия поднимали копья.

Это было изумительным и внушающим почтение зрелищем: немногим белым женщинам приходилось такое видеть.

Через полчаса Бенита, Сеймур и два зулуса шли или, вернее, бежали по берегу Замбези.

– Почему вы не двигаетесь быстрее? – нетерпеливо спросила молодая девушка. – О, извините, вы хромаете. Роберт, отчего вы хромаете? И, о, Роберт, почему вы живы? Ведь все клялись и божились, что вы погибли... Я знаю часть вашей истории...

– Дело просто, Бенита: я жив, потому что не умер. Когда меня выбросило на берег, я лежал без чувств. Позже солн-

це привело меня в чувство. Потом меня подняли туземцы, очень добрые люди. Но я не понимал ни слова из их речи.

Из веток они устроили носилки и унесли меня в свой крааль, за несколько миль от берега. Я невероятно страдал, потому что у меня был переломлен сустав бедра. Вскоре кафрский врач сложил кости по-своему, и одна нога сделалась на дюйм короче другой, но это все-таки лучше, чем ничего.

У них я пролежал ровно два месяца; на много сотен миль вокруг не было ни одного белого человека, да если бы и был, я не мог бы встретиться с ним. После я, хромая, побрел к Наталю; так прошел еще месяц, наконец, купил лошадь. Узнав о слухах, что я умер, я, как можно скорее, поехал на ферму вашего отца Руи-Крантц, и там узнал от старой Салли, что вы отправились отыскивать клад, тот самый клад, о котором я говорил вам на палубе «Занзибара».

Я отправился по вашим следам, встретил отосланных вами слуг, и они рассказали мне все. В свое время после многих приключений, как говорится в книгах, я попал в лагерь милейших матабелов.

Глава XXII. Истинное золото

– Отец, отец! – крикнула Бенита, подбегая в палатке.

Ответа не было. Она откинула полу, опустила фонарь и посмотрела. Старик лежал бледный, неподвижный. Она опоздала...

– Он умер, умер! – простонала Бенита.

Роберт опустился на колени рядом с ней и осмотрел Клиффорда. С ужасом девушка наблюдала за ним.

– Кажется, он умер, – медленно произнес Роберт. – Но нет, Бенита, я думаю, он еще жив, его сердце бьется, я чувствую. Поскорее влейте ему в рот немного молока.

Сеймур приподнял голову Клиффорда, а молодая девушка дрожащими руками влила молока в рот старика. Сначала оно полилось ему на грудь, но потом он почти автоматически глотнул. Они поняли, что старик жив.

Через десять минут Клиффорд сидел, глядя на молодых людей изумленным взглядом. Стоя подле палатки, два зулуса, нервы которых теперь окончательно сдали, смотрели на груды скелетов в углу пещеры, на белый высокий крест и громко стонали, говоря, что их привели на погибель в эту обитель костей и привидений.

– Это Джекоб Мейер так шумит? – слабо спросил Клиффорд. – И где ты так долго была, Бенита? И кто этот джентльмен? Мне кажется, я вспоминаю его лицо.

– Это тот белый, который был в фуре, отец, старый, вновь оживший друг... Роберт, вы не можете заставить кафров замолчать? Хотя недавно я сама готова была быть таким же образом. Отец, отец, неужели ты не понимаешь? Мы спасены, да, мы вырвались из ада, из пасти смерти!

– Значит, Джекоб Мейер умер? – спросил Клиффорд.

– Я не знаю, где он и что с ним случилось, и мне все равно, но может быть, нам лучше узнать это. Роберт, за стенами сумасшедший. Пожалуйста, велите кафрам разрушить стенку и поймать его. Человек, о котором я говорю – Джекоб Мейер, компаньон отца – помните? В течение всех этих тяжелых недель, отыскивая золото, он помешался, хотел меня гипнотизировать и...

– И что еще? Говорил вам о любви?

Она утвердительно кивнула головой и прибавила:

– Увидев, что все ему не удастся, он грозился убить моего отца; нам пришлось спрятаться в пещере и загородить стеной доступ к себе. Наконец, я нашла выход...

– Премилый джентльмен этот мистер Мейер! – вспыхнув, сказал Роберт. – Только подумать! Вы могли попасть в руки такого негодного человека... Ну, я надеюсь скоро справиться с ним.

– Не делайте ему никакого вреда, дорогой. Помните, он не отвечает за свои поступки. На днях ему показалось, будто он видел здесь привидение.

– Если только он не будет держаться хорошо, он, вероят-

но, вскоре сам увидит очень много духов, – ответил Сеймур.

Они подошли к выходу из пещеры и как можно бесшумнее начали работать, разрушая стену и уничтожая в короткое время то, что было выстроено с таким большим трудом. Когда почти все камни были сняты, зулусам сказали, что за стеной враг и что они должны помочь поймать его, впрочем, не делая ему никакого вреда. Зулусы охотно согласились на все, ради того, чтобы выбраться из страшного подземелья; они были готовы стать лицом к лицу с толпой врагов.

Теперь в стене образовалось большое отверстие, и Роберт попросил Бениту отойти в сторону.

Едва его глаза привыкли к тусклому свету, который проникал в начало туннеля, он вынул револьвер и знаком приказал кафрам сделать то же. Тихо шли они вдоль подземного прохода, чтобы солнечный свет не ослепил их; Бенита ожидала с бьющимся сердцем. Прошло несколько времени, она не заметила сколько, – и вдруг в тишине послышался звук ружейного выстрела. Ждать больше Бенита не могла. Она бросилась по извилистому туннелю, и вот, как раз подле входа в него, с трудом рассмотрела, что двое белых катаются на земле, а кафры ждут момента схватить одного из них. Вскоре они добились своего, и Роберт поднялся, отряхивая пыль с ладоней и колен.

– Премилый джентльмен этот Джекоб Мейер, – повторил он. – Я мог застрелить его, он стоял ко мне спиной, но не сделал этого по вашей просьбе. Потом я оступился на боль-

ную ногу; тогда он обернулся и выстрелил из ружья. Видите, – и он показал на свое раненное пулей ухо. – К счастью, я схватил его раньше, чем он успел сделать второй выстрел.

Бенита не могла выговорить ни слова. Она только схватила руку Роберта и поцеловала ее, потом посмотрела на Джекоба.

Он лежал на спине, и двое рослых зулусов держали его за ноги и за руки. Губы Мейера растрескались, посинели, распухли, лицо было почти черно, но в глазах горел свет безумия и ненависти.

– Я вас знаю, – прохрипел он, обращаясь к Роберту, – вы тоже призрак, призрак того утопленника. Не то моя пуля убила бы вас!

– Да, мистер Мейер, – ответил Сеймур, – я привидение. Ну, молодцы, вот веревка, свяжите его руки за спиной и обыщите его. В этом кармане револьвер.

Кафры повиновались, и скоро обезоруженный Мейер был привязан к дереву.

– Воды, – простонал он. – Уже много дней я пил только росу, которую слизывал с листьев.

Бенита быстро побежала в пещеру и вернулась с кружкой воды.

– Что же, опомнились теперь? – спросил Роберт, когда он напился. – Если да, послушайте меня: у меня есть для вас хорошие вести. Клад, который вы искали, найден. Мы дадим вам половину золота, одну из фур и несколько волов; уезжай-

те скорее. Если же вы снова попадетесь мне на глаза раньше, чем мы переселимся в цивилизованную страну, я застрелю вас, как собаку.

– Вы лжете, – мрачно сказал Мейер. – Вы хотите выбросить меня в пустыню, чтобы я попал в руки макалангов или матабелов.

– Хорошо, – ответил Роберт, – отведите его, куда я скажу. Я покажу ему, говорил ли я правду.

Зажгли фонари; два зулуса потащили Джекоба. Роберт и Бенита шли сзади. Сначала Мейер сильно отбивался, потом, видя, что он не может вырваться, покорился.

Джекоба подвели к подножию креста; тут Мейера, казалось, охватил приступ лихорадки. Потом его втолкнули в дверь и показали дорогу по крутой лестнице. Наконец, все очутились в хранилище золота.

– Смотрите, – сказал Роберт и, обнаружив свой охотничий нож, разрезал один из кожаных мешков; оттуда мгновенно полился целый поток слитков и самородков. – Ну, друг мой, лгун я или нет? – спросил он Джекоба.

При виде удивительного зрелища ужас Джекоба совершенно прошел.

– Прелесть, прелесть, – сказал он, – тут больше, чем я думал, все мешки и мешки золота! Я сделаюсь поистине королем. Нет-нет, это все греза! Я не верю, что золото здесь, развяжите мне руки, дайте пощупать его.

И в полном упоении, обезумев от восторга, он начал осы-

пать золотыми блестками свою голову и тело.

– Новый вариант сказки о Данае, – начал было Роберт саркастическим тоном, но внезапно замолчал, потому что лицо Джекоба изменилось, изменилось страшно.

Под загаром оно побледнело сероватой бледностью, глаза Мейера расширились, округлились; он протянул руки, точно отталкивая от себя что-то, и весь задрожал; казалось, даже волосы приподнялись у него на голове. Он медленно отступал спиной и упал бы в незакрытое трапом отверстие, если бы один из кафров не оттолкнул его. Он отступил к отдаленной стене и там замер. Его губы быстро, быстро зашевелились, но (и в этом заключалось самое страшное из происходящего) из них не вырвалось ни звука. Вдруг его глаза закатились так, что остались видны только белки, все лицо страшно увлажнилось, точно облитое водой, и он молча упал ничком и перестал шевелиться.

Все это было так ужасно, что кафры, завывая от ужаса, повернулись и побежали по лестнице. Роберт бросился к Мейеру, схватил его, повернул на спину, положив руку на его грудь и поднял ему веки.

– Умер, – сказал он. – Лишения, переутомления мозга, разрыв сердца. Вот в чем дело.

Прошла еще неделя. Фуры были нагружены такими ценностями, какие не часто перевозятся в простых телегах. В одной из них, на истинно золотом ложе, спал еще очень слабый и больной Клиффорд; впрочем, старику уже стало луч-

ше, и можно было надеяться, что он скоро поправится, по крайней мере, на некоторое время. Путешественники надеялись тронуться в путь в этот день, и Роберт с Бенитой, уже совсем готовые, ждали минуты отъезда.

Молодая девушка коснулась руки Сеймура и сказала ему: «Пойдемте со мной, мне хочется в последний раз увидеть все».

Они поднялись на верхнюю часть крепости по отвесным ступеням, которые уже очистили от камней, набросанных на них Мейером; близ входа в пещеру зажгли свои лампы и пошли в темный коридор. Тут виднелись обломки баррикады, которую Бенита строила с отчаянием в душе, алтарь, холодный и серый, такой же, каким он был, может быть, три тысячи лет назад, гробница старинного монаха, лежавшего теперь рядом с товарищем, – так как в его могилу опустили Джеккоба Мейера, прикрыв обоих теми осколками, которые разбил безумец в своем стремлении к богатству; на кресте висел белый Христос, вселявший благоговейный страх. Только исчезли скелеты португальцев; Роберт с помощью своих кафров отнес их в пустое хранилище сокровища, закрыл внизу трап и заложил дверь сверху, чтобы они, наконец, могли лежать в покое.

Они вошли на гранитный конус, чтобы посмотреть, как солнце вставало над широкой Замбези.

Молодые люди спустились с гранитной глыбы и возле ее подножия увидели старика. Это был Молимо, Мамбо мака-

лангов; они еще издали узнали его белоснежную голову и худое, аскетическое лицо. Подойдя ближе, Бенита увидела его закрытые глаза и шепнула Роберту, что он спит. Однако старик слышал их приближающиеся шаги и даже угадал ее мысль.

– Девушка, – сказал он тихим голосом, – я не сплю, но грежу о тебе, как грезил раньше. Помнишь, в первый день нашей встречи я предсказал тебе счастье, сказав, что ты, зная великое горе, в этом месте найдешь счастье и покой. Но ты не поверила словам Мунвали, произнесенным устами его пророка.

– Отец, – ответила Бенита, – я думала, что мне придется отдохнуть только в могиле.

– Ты не хотела мне поверить, – продолжал он, не обратив внимания на ее слова, – а потому попробовала бежать, и твое сердце разрывали ужас и муки, тогда как оно должно было ожидать конца в мире и спокойствии.

– Отец, мое испытание было жестоко!

– Я знаю это, девушка, а потому тебя поддерживал дух Бомбатце. Он погубил человека, который лежит мертвый. Да, да. Тебе он сочувствовал и с тобой уйдет из Бомбатце.

Тут Мамбо поднялся на ноги и, одной рукой опираясь на свой посох, другую положил на голову Бените и произнес:

– Девушка, мы больше не встретимся под солнцем; но за то, что ты подарила покой моему народу, за то, что ты бодра, чиста и искренна, да будет над тобою благословение Мун-

вали, переданное тебе устами его слуги Мамбо, старого Мо-
лимо Бомбатце. Конечно, время от времени, тебя не мину-
ют слезы и тени печали; но ты будешь жить долго и счастли-
во близ твоего избранника. Ты увидишь детей твоих и детей
твоих детей; да будет к на них благословение. Золото, кото-
рое любите вы, белые люди, ваше; оно приумножится в ва-
ших руках и даст пищу голодным, одежду зябнувшим. Но в
твоем собственном сердце лежит гораздо более богатый за-
пас его, который никогда не истощится – неисчислимое со-
кровище милосердия и любви. Спишь ли ты или бодрству-
ешь, любовь будет держать тебя за руку и, наконец, прове-
дет через темное подземелье к вечной обители чистейшего
золота, к наследию тех, кто его ищет.

Своей палкой он указал на сияющее утреннее небо, по ко-
торому плыли маленькие розовые облачка и, поднимаясь все
выше, таяли в лазури.

Роберту и Бените они казались светлокрылыми ангела-
ми, широко раздвигавшими черные двери ночи, предвещая
всепобеждающий свет, перед которым отступают отчаяние и
тьма.